

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Основатели Юлиан Семёнов и Артём Боровик. Издаётся с 1989 года

СЕКРЕТЫ КАТАСТРОФЫ 4

Крымск – зона поражения

Деньги и политика, любовь и смерть испытывают людей, переживших наводнение, на прочность

СЕКРЕТЫ ПОЛИЦИИ 16

ОМОН как диагноз

Участник боевых действия в Чечне: чем мы опасны на улицах Москвы?

СЕКРЕТЫ МЕДИЦИНЫ 26

Российские пациенты: кролики или камикадзе?

Почему западные компании охотно испытывают новые лекарства в России

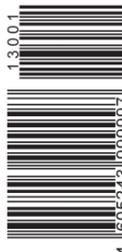

СЕРГЕЙ ГУННЕВ / ИА "НОВОСТИ"

ВАСИЛИЙ ШАПОШНИКОВ / КОММЕРСАНТЪ

ПУТИ НАВАЛЬНЫЙ: КУЛЬТ ДВУХ ЛИЧНОСТЕЙ

Стр. 8, 12

■ К ЧИТАТЕЛЯМ

Людмила ТЕЛЕНЬ,
главный редактор газеты
«Совершенно секретно»

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

Совершенно не секретно

Давайте знакомиться. Меня зовут Людмила Телень, с декабря 2012-го я главный редактор газеты «Совершенно секретно». Понимаю, что у многих возникнут вопросы. Сохранит ли газета свое лицо? Не откажется ли от своих тем? Не утратит ли остроту? Словом, что от меня как главного редактора ждать?

Мне трудно предугадать все вопросы – уверена, наш разговор будет продолжен. Пока же – о самом, на мой взгляд, главном.

Революции не будет. Всегда считала профессионально несостоятельной позицию тех людей, которые, возглавив СМИ с традициями, заявляли: к черту старую аудиторию, с ее возрастом, интересами, уровнем жизни – заведем себе другую, помоложе или, скажем, побогаче. Кончалось всегда одним: традиционный читатель уходил, новый – не появлялся. Мы не намерены отказываться от сложившейся за двадцать лет аудитории «Совершенно секретно». Мы дорожим каждым из вас – неважно тридцать вам или семьдесят, играете вы на бирже или живете на пенсию. Мы сделаем все, чтобы ни один из читателей нашей газеты от нее в новом году не отказался.

Нужны ли нам новые читатели? Конечно. Скажу больше: мы хотим резко расширить аудиторию «Совершенно секретно». Именно поэтому рядом с бумажной газетой, которая выходит один раз в месяц, появится ежедневно обновляемый сайт – www.sovsekretno.ru. Старый сайт выполнял исключительно роль архива. Новый станет ежедневной электронной газетой. При этом главным для сайта будут не сами новости (хотя куда же без них?), а то, что за ними стоит. Для «Совершенно секретно» важна суть дела – будь то коррупционный скандал в Министерстве обороны или нарушение прав больных при клинических испытаниях новых лекарств. Ньюсмейкеры и эксперты, представляющие разные точки зрения и не совпадающие в оценках, помогут нам разобраться в подоплеке событий.

Мы постараемся быть объективными. Говорю «постараемся», потому что каждый из журналистов, работающих в «Совершенно секретно», имеет собственную политическую позицию. Но как главный редактор могу обещать: эта позиция не приведет к односторонности публикаций. Для «Совершенно секретно» нет и не может быть персон, гарантированных от критики, – зовут ли персону Владимир Путин или Алексей Навальный, Дмитрий Медведев или Борис Немцов.

Надеюсь, что сайт поможет нам разговаривать с вами не от случая к случаю, а в режиме нон-стоп. Обещаю, что мои коллеги и я, так же как и сотрудничающие с «Совершенно секретно» эксперты, будут регулярно отвечать на ваши вопросы, реагировать на комментарии, откликаться на предложения и идеи. Не только на самом сайте, но и в социальных сетях. Мы уже начали собирать друзей «Совершенно секретно» на страницах «Фейсбука», «Твиттера», «Вконтакте».

Перед вами первый номер обновленной газеты. Не стану лукавить, мы получили от него удовольствие.

Не стану лукавить, куда важнее, чтобы удовольствие от него получили вы.

В 2012-м жизнь не кончилась – она продолжится в 2013-м

Какие события станут главными в новом году? Как они отразятся на России? Самые важные интриги наступающего года разрешают эксперты «Совершенно секретно»

Посадят ли экс-министра обороны Анатолия Сердюкова и экс-министра сельского хозяйства Елену Скрынник в тюрьму?

ГЕОРГИЙ САТАРОВ, президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ»:

«Думаю, Сердюкова не посадят, а Скрынник посадят. По половому признаку. Всё дело в том, что их преследование несерьезно. Поставьте себя на место президента Путина: посадить никого не жалко. Правовые соображения здесь не работают».

ЕЛЕНА ПАНФИЛОВА, глава российского отделения Международной организации по противодействию коррупции Transparency International:

«Думаю, что нет. Это было бы большим сюрпризом. Эмпирических данных о том, что у нас такое возможно, нет. Нет традиции уголовно наказывать провинившихся высокопоставленных чиновников. Есть правило, согласно которому определенная группа лиц просто неприкасаема».

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ, руководитель Центра международной безопасности Российской академии наук, заместитель председателя партии «Яблоко»:

«Нет. Елена Скрынник за рубежом – там ее не достанешь. Она вернется, только если у нее будут гарантии неприкосновенности. В России гарантии не нарушают. Именно поэтому не посадят и

ДМИТРИЙ АЗАРОВ / КОМЕРСАНТЪ

Сердюкова. Иначе коррупционеры, которых в России достаточно, поймут: никакие гарантии – в первую очередь политическая лояльность, которая раньше всегда работала – больше не работают. Начнутся разброд и шатание. Поэтому такой прецедент вряд ли будут создавать». Замминистра финансов Сергей Сторчак, с 2007 по 2011 год обвинявшийся в покушении на хищение денег из госбюджета в особо крупном размере, на официальный запрос «Совершенно секретно» не ответил.

Продолжение темы – в статье Владимира Воронова «Кадры Путина: биографии как детектив» – стр. 8

Освободят ли Михаила Ходорковского и Платона Лебедева?

ДМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ / КОМЕРСАНТЪ

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВА, бывший секретарь Хамовнического суда Москвы, уволенная после своего заявления о том, что приговор Ходорковскому писал не судья Виктор Данилкин: «Сомневаюсь: ведь до сих пор их не освободили. На это нет политической воли».

ДМИТРИЙ ГОЛОЛОБОВ, юрист, бывший начальник правового управления ЮКОСа, живущий ныне в Лондоне:

«Рассуждения на тему, выйдут ли Ходорковский и Лебедев, накануне каждого Нового года очень популярны. Нечто вроде юридических рождественских гаданий. На самом деле, как признают многие, кто хорошо знаком с делом, ясности в деле ЮКОСа сейчас ровно столько же и ни на грамм больше, чем было и 7 лет назад. Выйдет ли Ходорковский в 2013-м, через 3 года или сядет в итоге конфликта с понятным всем лицом на долгий срок, зависит прежде всего от него самого. Он может выйти, а может и начаться «третье дело» (чего крайне бы не хотелось). В любом случае окончательный выбор только за ним: либо как-то примириться с ситуацией и Владимиром Владимировичем, либо упорно продолжать борьбу безо всяких определенных шансов на успех. В конце концов, это его жизнь, его семья, его родители. Переизбрание Обамы, невнятная позиция Европейского суда по правам человека по делам ЮКОСа и «сдутье» протеста шансов МБХ, разумеется, не прибавили. Многим в подобной ситуации очень хочется покричать: «Давай, давай Борисыч! Согни Путина! Сиди до последнего, чтобы ему тошно было! Так победишь!» Думается, что подобные ярые «псевдоходоропоклонники» очень смутно представляют себе, насколько плохо в российской тюрьме на десятом году отсидки,

и предпочитают, как в популярном анекдоте, «давить ежей чужой задницей». Хочется надеяться, в 2013 году в деле МБХ и ЮКОСа возобладеет, наконец, здравый юридический рационализм, без лозунгов, написания сотен бессмысленных жалоб и апеллирования к безразличной, в большинстве своем, общественности. Дай Бог, чтобы Михаил Борисович и остальные юкосовцы, которых, к счастью, сейчас за решеткой осталось, кроме него, всего двое, поскорей оказались на свободе».

ОЛЬГА РОМАНОВА, журналист, общественный деятель:

«Думаю, что Лебедев в 2013 году освободится, а Ходорковский нет. Лебедева держать уже невозможно. Ходорковский и Лебедев проходят по делу как подельники, и у Ходорковского правильная тактика: он ждет решения по Лебедеву, чтобы в качестве его подельника пойти по тому же пути».

ИОСИФ ДИСКИН, член Общественной палаты, заместитель председателя научного совета ВЦИОМ и соавтор доклада «Государство и олигархия». В нем шла речь о том, что в России под руководством Михаила Ходорковского готовится так называемый «олигархический переворот», предполагающий отстранение Владимира Путина от власти. Некоторые политологи обвинили Дискаина в «обслуживании интересов кремлевских чистильщиков». «Срок закончится – тогда и освободят. Их давно бы освободили, если бы они подали заявление о помиловании и признали свою вину».

Леонид Невзлин, бывший коллега Михаила Ходорковского, скрывающийся в Израиле, через своего пресс-секретаря отказался от участия в опросе «Совершенно секретно», не указав причину.

Запрос Радио Свобода на имя президента компании «Роснефть» Игоря Сечина остался без ответа. «Роснефть» теперь загадочную компанию «Байкалфинансгрупп» приобрела самый ценный актив ЮКОСа – «Юганскнефтегаз».

Продолжение темы – в отрывке из книги адвоката Константина Ривкина «Роль тюрьмы в российской экономике» – стр. 24

Выйдет ли в прокат фильм Алексея Германа «Трудно быть богом»?

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ / ИТАР-ТАСС

ЛЕОНИД ЯРМОЛЬНИК, актер, исполнитель роли Дона Руматы в фильме:

«Герман в настоящее время нездоров, и пока мы стоим. Конкретные сроки назвать трудно».

АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН-МЛАДШИЙ, режиссер, сын Алексея Юрьевича Германа:

«Не знаю, думаю, удастся завершить работу в конце года».

ВЛАДИМИР ЛЮБАРОВ, художник, иллюстратор книг братьев Стругацких:

«Так как я иллюстратор, оформитель и друг Стругацких, которых уже, к сожалению, нет на этой земле, думаю, что фильм выйдет как раз к моему семидесятилетию — то есть в 2014 году. В 2013 году ждать нет смысла. Стругацких нет. Нет Тарковского, который их ставил. Остался только я. Надеюсь, Герман сделает мне подарок».

ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ, киновед, социолог:

«Это невероятно сложная история. Здесь нужно обладать секретной информацией из семьи. Думаю, с самим фильмом это не связано, а связано именно с этой информацией. Важен и политический расклад: умер

Борис Стругацкий, болеет сам Алексей Юрьевич; не все хорошо с фестивальным движением и «Ленфильмом». Все говорят, что фильм абсолютно готов. Любой фестиваль мгновенно возьмет его в конкурс. Если же авторы не хотят участвовать в соревновании, любой мировой фестиваль возьмет фильм на открытие. Но всё это зависит главным образом от доброй воли семьи Германа-Кармалиты».

ЮРИЙ МАМИН, режиссер, автор фильмов «Фонтан», «Окно в Париж», «Не думай про белых обезьян»:

«Это вопрос философский. Когда-то Мейерхольд репетировал «Маскарад» в течение семи-восьми лет. Репетиции стали публичными. Пришла революция. Новый директор заявил, что «бардак» нужно прекратить и срочно выпускать спектакль. Все страшно переживали. Но вдруг Мейерхольд вспомнил: когда-то, на летних гастролях, он ставил спектакль за два дня. Съемки «Трудно быть богом» — состояние работы над фильмом — стали художественной традицией. Я справляюсь о здоровье Алексея Юрьевича, надеюсь, что в следующем году он сможет завершить этот проект. Недавно я видел интереснейший фильм о фильме и с нетерпением жду возможности, наконец, его увидеть».

Лишат ли Россию права провести чемпионат мира по футболу?

АРТЕМ ЖИТЕНЕВ / РИА «НОВОСТИ»

ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ, писатель:

«Не лишат. Думаю, коррупция процветает в FIFA на уровнях, достаточных для того, чтобы это решение не было принято. Коррупция в FIFA выступает в качестве части программы по укреплению патриотизма в России».

ВИКТОР ПОНЕДЕЛЬНИК, футболист, автор «золотого гола» сборной СССР в финале Кубка Европы 1960 года:

«Россия пока не готовится к чемпионату, но делает какие-то наметки. Не думаю, что FIFA может отменить чемпионат мира в России. Есть одно большое «но»: вакханалия, запущенная в нашем футболе по поводу того, что нам не нужен чемпионат России, а нужен чемпионат СНГ. Лишь она может повлиять на то, что мы останемся без чемпионата Европы и без чемпионата мира. И конечно, надо наводить порядок с болельщиками, находить руководителей, которые управляют бандами фанатов».

ВИКТОР ГУСЕВ, спортивный комментатор:

«Нет, конечно. Так не бывает. Лишают права при экстренных обстоятельствах, имеющих отношение к природным катаклизмам. Некоторые опасаются радикальных действий болельщиков. Но на чемпионате по-другому, строже будут организованы системы безопасности. Конфликты среди болельщиков происходят во время матчей внутреннего чемпионата. На чемпионате мира клубов не будет, будут разные сборные, и страсти будут положительными».

АЛЕКСЕЙ СПИРИН, судья международной категории, председатель инспекторского комитета РФС:

«Думаю, что нет. С точки зрения экономики, организации, развития инфраструктуры для отмены проведения чемпионата оснований нет. На ситуацию могут повлиять только радикальные политические изменения, которые предсказать невозможно. Мир сегодня меняется быстро: революции, нестабильность... Угроза нестабильности существует в некоторых российских городах, но всё это теория».

НИКОЛАЙ ЛАРИН, генеральный директор московской государственной футбольной школы «Чертаново»:

«Непонятно, почему должны отменить чемпионат. Пока таких оснований нет, и это отлично. Обстоятельства могут измениться, если сильно изменится политическая ситуация или произойдет природная катастрофа».

Будет ли разрушена еврозона – выйдут ли из нее Греция и Италия?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО, экономист, в конце 1990-х занимавший пост заместителя председателя правления Центрального банка России: «Нет, потому что в этом никто не заинтересован».

ЕВГЕНИЙ ЯСИН, научный руководитель Высшей школы экономики, министр экономики России в 1994–1997 годах:

«Думаю, что нет: слишком много факторов связывает еврозону. Состояние экономики Италии намного лучше, чем у многих других европейских стран. А если Греция даже и выйдет из еврозоны, в этом не будет ничего особенного. Европейским структурам не помешала бы гибкость. Те страны, которые не соответствуют среднему уровню развития Европы, всегда будут находиться под угрозой выхода».

АНДРЕЙ НЕЧАЕВ, президент банка «Российская финансовая корпорация», министр экономики России в 1992–1993 годах:

«Мне кажется, еврозона не распадется, но несколько модифицируется — прежде всего в отношении Греции и, возможно, Испании. Авторы идеи еврозоны не предусмотрели механизмов выхода из нее, поэтому сейчас им приходится придумывать варианты Ad-Nos. Думаю, возможны два варианта. Первый, более вероятный, и на нем настаивают Германия и Европейский центральный банк. Он предполагает частичный отказ от финансового суверенитета: бюджетная, финансовая политика стран-«слабаков» будет частично передана на наднациональ-

EAST NEWS / IMAGE FORUM

ный уровень, и основные параметры бюджета и заимствований будут согласовываться на уровне Европейского центрального банка, Европейского фонда финансовой стабильности или еврокомиссий.

Второй, менее вероятный, но все же реалистичный вариант, — это параллельное введение в этих странах второго евро внутреннего использования. Речь не о возврате к национальной валюте или двух разных видах купюр, а о хождении одновременно двух валют, между которыми будет некий курс. Заимствования будут делать в одних евро, а бюджет формировать в других».

ЯКОВ УРИНСОН, министр экономики России в 1997–1998 годах, заместитель генерального директора и член правления «РОСНАНО»:

«Не выйдут. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы этого не произошло, и всё это игроки, имеющие значительный политический вес».

Откажутся ли от своих намерений инициаторы поправок, запрещающих американским семьям усыновлять российских детей?

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО / КОММЕРСАНТ

ЕКАТЕРИНА ЛАХОВА, соавтор поправок, депутат Государственной думы от фракции «Единая Россия»:

«Идея родилась еще в 2004 году, когда мы проанализировали ситуацию по международному усыновлению. Выяснилось: как только ребенок попадает в американскую семью, у него сразу возникают проблемы — он же не знает английского языка. Потом между ним и родителями возникают трения, например, и ребенка забирают в американский приют, а потом, как котенка, передают из семьи в семью — так что иногда он попадает из одного штата в другой. За ребенком следом идет культура, традиции и язык той страны, откуда он взят. Но на самом деле как только ребенок попадает на американскую землю, то он находится только в юрисдикции того или иного штата. У нас полно российских граждан, которые хотели бы взять ребенка. Например, в Петербурге на иностранное усыновление отдают больше, чем на российское. Все зависит от политики региональной власти. Очень обидно, что за нашу работу на меня и на «Единую Россию» выливают столько грязи. Но ничего, мы еще поборемся...»

СВЕТЛАНА СОРОКИНА, журналист:

«По моим ощущениям, у каждого персонажа свои двигательные силы. Лахова, например, много лет носилась с идеей запретить международное усыновление в первую очередь из патриотических соображений, по принципу «где родился — там и пригодился». Другие депутаты используют детей как

заложников в политических играх. Они хотят хоть чем-то уязвить и ущемить американцев, но другого ответа на «акт Магнитского», кроме как взять в заложники детей, просто не нашли. Наконец, есть третья, аморфная часть депутатов. Как им сказали руководители фракций, так они и действуют».

ОКСАНА ДМИТРИЕВА, заместитель руководителя фракции «Справедливой России» в Госдуме, в 1998 году — министр труда и социального развития России:

«Я не голосовала за ратификацию соглашения об усыновлении между Россией и США. В самом этом соглашении были явные проблемы. Я не отношусь к тем апологетам, которые считают, что с международным усыновлением все прекрасно и менять ничего не надо. За это соглашение голосовали 244 человека, преимущественно депутаты «Единой России». Однако я считаю неправильным связывать этот закон, который является дипломатическим ответом на «закон Магнитского», с вопросом о международном усыновлении. Получается, что до того, как был принят закон Магнитского, соглашение об усыновлении устраивало думское большинство, а после — устраивать перестало. Вопрос о международном усыновлении стоит рассматривать, но не в связи с «законом Магнитского».

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН, журналист: «Я ума не приложу, что двигало этими людьми. По-моему, депутаты просто сошли с ума. Никакого рационального объяснения у меня нет».

КРЫМСК — зона поражения

Спустя полгода после наводнения в Крымске на выборах мэра этого города безусловную победу одержал кандидат «Единой России». И по-другому быть не могло

■ Елена ВЛАСЕНКО

В Крымск я приехала через месяц после того, как на него обрушилась стихия. Мы с коллегами снимали там документальный фильм о пострадавших во время наводнения людях. С тех пор мы постоянно с ними общались — как будто бы и не уезжали из Крымска.

Что изменилось в Крымске за это время? В образе жизни людей — немного. Многие — в образе мышления.

Тогда, через месяц после трагедии, было ясно: стихия

отняла у них близких, дома и здоровье, но не веру — в то, что помощь рано-поздно придет и все наладится. Веры больше нет. Сегодня они не верят никому: ни власти, ни оппозиции, друг другу тоже не верят.

Кто выставляет счет

Семья Помазан спустя полгода после наводнения не получила компенсаций на ремонт жилья. Отец семейства — предприниматель Александр Помазан, 54 лет — повесился в конце июля. Оба его дома были разрушены. Кредит накануне наводнения он взял зря — платить стало

нечем и не за что. Все товары — строительные материалы — унесла черная грязная вода. Она чуть не убила младшую дочь Помазана Дашу — молодую маму: сорвала всю одежду, норовила ударить ее сорванными ветками деревьев, кусками крыш, вырванными оконными стеклами; наконец, ворвалась внутрь. Даша не захлебнулась. Выжила, как и ее полуторагодовалый сын, мама и сестра. Теперь они продолжают добиваться того, чего так и не добился Александр: компенсаций на капитальный ремонт жилья, которые обещал жителям

Крымска президент Владимир Путин.

За полгода они не добились ни этих денег, ни отсрочки на выплату кредита. «Когда надо было голосовать на выборах президента, никто не сомневался, что мы — это мы, а наши дома — это наши дома», — говорит старшая сестра Даши Катя. Ей очень обидно за отца: оказалось, компенсация до него дошла за два дня до самоубийства. Через несколько дней после его смерти эти деньги забрали со счета, хотя по закону и здравому смыслу делать этого были не должны.

Компенсации Помазаны получают лишь тогда, когда к ним перейдет право собственности на дома — не раньше, чем в начале 2013 года. Деньги на ремонт жилья они нашли так же, как и спаслись, — чудом. Один московский бизнесмен пожертвовал им в два раза больше, чем обещал Владимир Путин. Все остальные — ни власть, ни ее оппоненты — ничем семье не помогли.

Историю семьи Помазанов в Крымске знают многие, но особых эмоций она не вызывает. В этом городе почти каждый считает себя самым невезучим.

Губернатор Краснодарского края Александр Ткачев (справа)

Сложно действительно полагать удачливым, например, доктора Олега Харченко. Дом Харченко был полон водой и грязью еще несколько недель после наводнения: власти собирались снести его, а потом, когда волонтеры, помогавшие крымчанам разгрести завалы, уехали, передумали. Разваливающийся, сырой, грязный дом вдруг признали пригодным для жилья, и Олег Харченко в суде несколько месяцев пытался опровергнуть эту мысль, внезапно посетившую неведомых чиновников. Вместе с родителями он жил сначала в местном Доме культуры, а потом — в крымском спорткомплексе, в соседстве с сотней таких же невезучих, как и он.

Теперь, когда Олег Харченко доказал, что его дом нельзя отремонтировать, ему надо добиваться денег на покупку нового. Как и другим крымчанам, ему сложно совмещать борьбу за положенную помощь государства с работой (на него же): почти каждый день приходится сидеть в очередях в суде, администрации или по первому требованию одной из этих инстанций везти туда какой-нибудь внезапно понадобившийся чиновникам документ. Олег Харченко — гинеколог, и сама природа не одобряет его отсутствия на работе. Поэтому ему пришлось перевестись на должность ночного дежурного. Раньше он получал двенадцать тысяч рублей в месяц, сейчас — всего шесть. «Не до политики, главное — снова иметь свой угол, чтобы не чувствовать себя бомжом или хотя бы выпасться», — так отвечает Олег Харченко на вопрос, кто виноват в том, что произошло и продолжает происходить в Крымске.

Нелли Жмайло, как и Олегу Харченко, очень не повезло с домом. Она и ее муж — онкологические больные, инвалиды. Более двух месяцев они доказывали, что их глиняный дом площадью двадцать метров, построенный пятьдесят лет назад, не подлежит ремонту: его надо ставить заново. Муж Нелли Жмайло передвигается на инвалидной коляске, она — на своих двоих, но с трудом. На больных ногах она прошла все кабинеты администрации Крымска и суда и добилась наконец денег на новое жилье. Благодаря своему упорству она с мужем встречает Новый год в новой квартире и надеется, что этот год — не последний в их сложной жизни. Тратить его на размышления о несовершенстве общественного устройства в России они не собираются.

Аполитична и Виктория Дроганова. Ее отец в ночь наводнения голыми руками выскребал в потолке дырку, чтобы выгнать свою супругу и двух родственников на второй этаж. Ему это удалось. Руки зажили долго. Страх перед повторением того, что они пережили, остался. На деньги того же московского бизнесмена, который спас от холода и голода семью Помазанов, Виктория с родителями переехала из Крымска в Анапу. Они говорят — «сбежали».

Сосед Дрогановых строитель Геннадий Пелипенко остался в Крымске, хотя за шесть месяцев, прошедших после наводнения, в его жизни ничего не изменилось. Жене Татьяне — гражданке Украины, прожившей в Крымске десять лет и вместе с ним вырастившей здесь дочку, — компенсацию так и не выплатили. Владимир Путин обещал деньги всем людям, находившимся в зоне подтопления. Но Путин уехал, и теперь Татьяне все время советуют искать компенсации на Украине.

В ночь трагедии Геннадий Пелипенко спасал людей от смерти. Сейчас он тоже их спасает — от отчаяния: ремонтирует дома и выслушивает жалобы. Кто-то ставит новую ванну, кто-то покупает кровать, а кто-то зимние вещи — или одно, или другое, или третье. Компенсаций, выделенных на ремонт, не хватает на все сразу.

Жители Крымска обижены не только на государство, но и друг на друга. На улицах появилось много новых машин, те, кто в наводнение пострадали несильно, сделали ремонт или бесплатно получили бытовую технику. Зависть пришла на смену тому единственно хорошему, что принесло наводнение: надежде на объединение.

До трагедии крымчане почти не соприкасались с государством. Они жили от него автономно: со своими огородами, утками, курами, кроликами и сотнями строительных магазинов по соседству — их в Крымске едва ли не больше, чем продуктовых. Наводнение выгнало крымчан из их убежищ и заставило с государством соприкоснуться. Впечатление от этой встречи было таким же сильным, как от столкновения со стихией. Случайно они объединились: в очередях в суд, во время бесплатных обедов в штабах волонтеров, в пунктах раздачи гуманитарной помощи. Пострадавший в наводнение предприниматель Вадим Махно даже обратился

к крымчанам через местную газету с призывом «объединиться в единое целое», чтобы «отстоять интересы перед бюрократической машиной». Несколько человек откликнулись, но договориться о лидерстве и финансировании организации за полгода так и не смогли. То, что некоторые соседи обогатились, как они считают, за их счет, лишь убедило их в том, что автономное существование, как до наводнения, — это правильный образ жизни, другого не надо.

Теперь в одиночку им придется бороться с новыми последствиями наводнения. Как рассказали корреспонденту «Совершенно секретно» крымские юристы, количество обращений в суды увеличивается: люди жалуются, что новостройки, наспех возведенные после наводнения, сделаны плохо; что даже затопленные в июле саманные дома разрушаются из-за того, что долго находились в беспрецедентно высокой влажности; что жилье, непригодное для жизни, признают нормальным из экономии бюджетных средств — на капитальный ремонт полагается меньшая компенсация, чем на новый дом.

Кто оплачивает счет

Победить привычку существовать автономно от государства и своих сограждан пытались не только Вадим Махно. Жители Крымска и станицы Нижнебаканской, пострадавшей не меньше Крымска, за последние полгода собрали около полутора тысяч подписей под обращениями ко всем в защиту своих бывших мэров, обвиняемых в халатности.

Подписи поставили люди, уверенные, что бывшая глава Нижнебаканской Ирина Рябченко и мэр Крымска Владимир Улановский — стрелочники. По крайней мере, те, кто обвиняет их в халатности, могли бы предъявить точно такие же обвинения себе: главы муниципальных образований полностью зависят от губернатора, который в свою очередь зависит от президента.

«На подписи никто не обратил внимания, — говорит участник кампании в поддержку Рябченко, житель Нижнебаканской юрист Алла Ситникова. — На смену обвиняемым пришли временщики: Крымск остался никому не нужен, в то время как проблемы с жильем продолжают и даже усугубляются».

Федеральный судья Татьяна Улановская — жена обвиняемого и арестованного бывшего мэра Крымска — подтверждает

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ИЗ АРХИВА АВТОРА

слова Ситниковой. За шесть месяцев, прошедших после наводнения, она и еще семь местных судей рассмотрели десять тысяч исков и впереди, по ее прогнозу, столько же. Как и Алла Ситникова, Татьяна Улановская расстроена, что сбор подписей ни к чему не привел, несмотря на то что их передали лидерам всех фракций в Государственной думе и главе Следственного комитета Александру Бастрыкину. Она рассказывает, что ее муж проработал на посту мэра Крымска полтора месяца, что никто не оповестил его о надвигающейся стихии, телеграмму с предупреждением о наводнении принесли утром, когда

трагедия уже произошла, но почтальон не был допрошен; что показания ни одного из свидетелей, которых в ночь наводнения спасал сам Улановский, в обвинительное заключение не вошли...

— Я считаю своего мужа политическим заключенным. Московские оппозиционные политики часто скандируют «Свободу политзаключенным!». Мне обидно, как мало они уделяют внимания ситуации в Крымске в целом и судьбе моего мужа в частности, — говорит Улановская и добавляет, что столько же внимания уделяет этому вышестоящая власть. — Мэр Крымска — это не мэр Москвы. По закону о муниципальных

EAST NEWS / IMAGE FORUM

ИЛЬЯ ПИТАЛЕВ / РИА «НОВОСТИ»

EAST NEWS / IMAGE FORUM

стами приезжал в Крымск, чтобы оказывать юридическую помощь пострадавшим и расследовать деятельность краснодарского губернатора Александра Ткачёва. Митрохин утверждает, что деньги на создание в Крымске системы оповещения годами не выделялись из краевого бюджета, исполнение постановления губернатора о ее создании никто не контролировал. Теперь членов краснодарского отделения «Яблока» хотят привлечь к уголовной ответственности за клевету на губернатора Краснодарского края Александра Ткачёва.

Участие «Яблока» в выборах в Законодательное собрание края успехом не увенчалось, а кандидата в руководители Крымска Евгения Витишко сняли с выборов. Некто от его имени раздавал крымчанам продукты, за что Витишко был обвинен в подкупе избирателей. Созданное «Яблоком» в Крымске региональное отделение осталось очень малочисленным и слабым.

Главный редактор независимой крымской газеты «Электрон-ТВ» Лариса Сафронова считает, что причина, по которой люди не торопились вступать в партию «Яблока» и не защищали снятого с выборов Витишко, — усталость, а также недоверие к тому, что они за последние семнадцать лет привыкли считать политикой.

— Люди держались, столкнувшись со стихией и бюрократической волокитой, и их выдержка не была вознаграждена ни властью, ни оппозицией. Теперь они устали. Силы легче потратить на выплату взятки чиновнику, который может быстро дать компенсацию, или просто побережь, — объясняет Лариса Сафронова логику крымчан.

Несостоявшийся глава Крымского района от «Яблока» Евгений Витишко, специалист по инженерной геологии и экологии, прославился благодаря тому, что получил условный срок за порчу забора дачи губернатора края Александра Ткачёва. На вопрос о том, зачем он баллотировался на пост главы Крымска, полностью зависящего от несменяемого губернатора, он отвечает дежурно: хотел заниматься сельским хозяйством, чистить реки, создавать эффективную систему оповещения. Свой успех Витишко объясняет психологией людей:

■ ЦИФРЫ

Крымск

Население: **57 300 человек.**

Погибли во время наводнения: **153 человека.**

Пострадали: **35 тысяч человек.**

Животных похоронено: **43 тысячи.**

Количество осадков, выпавших в Крымске во время наводнения: **220 мм.**

Уровень воды во время наводнения: **до 7 метров.**

Количество наводнений в Крымске в 2000-е годы: **2.**

Количество лет, в течение которых Александр Ткачёв возглавляет Краснодарский край: **13.**

Количество орденов «За заслуги перед Отечеством» у губернатора Александра Ткачёва: **2.**

Предполагаемая стоимость часов Breguet Александра Ткачёва: **900 000 рублей.**

Количество компаний, совладелицей которых является племянница Александра Ткачёва: **4** — Южный трубный завод, Завод по изоляции труб, «Мастерстрой», «Югптицепром». (Источник — «Ведомости»).

Размер компенсаций пострадавшим в наводнении: **2 миллиона рублей** — семьям, в которых есть погибший; **160 тысяч рублей** — каждому пострадавшему, если он постоянно проживал в затопленных зонах; **5 тысяч рублей** на квадратный метр — если жилье повреждено; **40 тысяч рублей** — за поврежденные или утраченные автомобили.

Количество денег, выделенных на восстановление Крымска из федерального и краевого бюджетов: **13,8 миллиарда рублей.**

Количество исков, поданных жителями Крымска, которым компенсация дошла с большим опозданием либо не полностью: **10 тысяч.**

Количество исков, которых ожидают судьи Крымского суда от жителей, не удовлетворенных компенсацией: **еще 10 тысяч.**

Количество тех, кто понес ответственность за гибель людей: **4 чиновника** — бывший глава Крымского района Василий Крутько, бывший мэр Крымска Владимир Улановский, бывший руководитель станции Нижнебаканской Ирина Рябченко, бывший и.о. руководителя Управления по предупреждению чрезвычайных ситуаций и гражданской защите Крымского района Виктор Жданов. Срок, который грозит им по статьям «халатность», «служебный подлог» и «покушение на мошенничество»: **до 7 лет.**

Количество подписей, собранных в поддержку Улановского и Рябченко местными жителями, считающими их стрелочниками: **около 1,5 тысячи** в защиту каждого.

Явка на выборах главы Крымского района: **65 процентов.**

Количество голосов за кандидата «Единой России» Анатолия Разумеева: **95 процентов.**

Количество бюллетеней, выданных вне помещения для голосования (при таком голосовании повышается вероятность фальсификаций): **10 165.**

Расстояние от Крымска до Москвы: **1470 км.**

Солидарность с пострадавшими: **около 300 волонтеров** из Москвы и Санкт-Петербурга; **0 митингов** крымчан за честные выборы; **0 митингов** москвичей за честные выборы в Крымске.

образованиях у него нет таких полномочий, ресурсов, бюджета. Стрелочников накажут, проблема останется — значит, это не последнее наводнение.

После наводнения в Крымске дважды проходили выборы: депутатов Законодательного собрания Краснодарского края и главы Крымского района. На них жители Кубани остались практически наедине с «Единой Россией». Оппозиция участвовала в этих выборах вяло — особенно по сравнению с Ярославлем, например, или Астраханью.

Итог выборов в заксобрание — 69 процентов у «Единой России», а также, как выяснили в ассоциации «Голос», наблюдавшей за этими выборами, нарушения прав наблюдателей, журналистов и членов комиссий; искажение результатов; давление на избирателей со стороны их начальства, незаконная агитация, использование административного ресурса и то, что в «Голосе» осторожно называют «подозрением на карусели», — стандартный набор нарушений, знакомый по выборам в Государственную думу. Одно из первых решений кубанского Законодательного собрания —

ужесточение правил проведения митингов, которые готовы были провести крымчане, хотя так и не провели. Их некому было возглавить. Теперь митинги можно проводить в определенных местах и даже пикеты надо согласовывать. Правда, никто в Крымске митинги не проводит и пикеты не согласовывает.

Региональный координатор «Голоса» Михаил Велигодский рассказывает, что ни одна партия не обращалась в «Голос» за материалами, чтобы по итогам выборов идти в суд. (Именно такой порядок принят в «Голосе» — сама ассоциация сохраняет нейтралитет и не оспаривает результаты выборов, лишь предоставляет свои данные о голосовании оппозиции.) «Видимо, оппозиционные партии посчитали, что судиться неперспективно: десятки их обращений к следователям после парламентских выборов год назад ни к чему не привели», — заключил Велигодский.

Что вместо суда? Единственной политической силой, которая попыталась найти альтернативу, стала партия «Яблоко». Ее лидер Сергей Митрохин вместе с активи-

МАКСИМ ЗИМОВ / ИТАР-ТАСС

— Политиком люди не верят. Верят Путину: достучаться до дара — он решит их проблемы. Нам не удалось консолидироваться вокруг беды Крыма. Но и люди не ждут от нас ничего, как и от всех политиков. Им сейчас не до либеральных ценностей «Яблока».

От успеха «Яблока» в Крымске напрямую зависела судьба как минимум одного человека: ветеринарного врача из Волгоградской области Евгения Пимкина, по крайней мере, он так считает. Его сын вместе с невестой и подружкой погибли во время наводнения в Геленджике. Они пытались спасти тонувшего подростка, но их всех ударило током от оголенного провода, питавшего рекламный столб. Погибли все. Пимкину с большим опозданием заплатили компенсацию за гибель сына. Он уверен, что, если бы все службы в ночь наводнения в Геленджике работали исправно, рекламные столбы бы отключили — на любом электроприборе должно быть устройство аварийного отключения. Уголовное дело по факту гибели сына Пимкина и его близких до сих пор, несмотря на многочисленные обращения «Яблока», не перекалвалифицировали со «смерти по неосторожности» в «смерть, допущенную по халатности». Соответственно, обвиняемых в халатности — представителей администрации, энергетической компании или хозяев рекламного столба — пока нет. Пимкин мечтает, чтобы виновные понесли наказание; чтобы в Геленджике его сыну установили «хотя бы небольшой бюстик»; чтобы он сам получил компенсацию моральных страданий, которые принесли ему полгода общения с чиновниками Краснодарского края.

Помощь Пимкину, по его словам, оказывало только «Яблоко», но и она не привела к реальным результатам.

Лидер партии Сергей Митрохин считает, что в Крымске партия достигла немалых успехов. «Яблоку», по его словам, удалось запугать власть самой перспективой создания оппозиционной силы в Крымске: многим семьям, по его словам, благодаря обращениям «Яблока» удалось добиться компенсаций. Митрохин рассказывает, как за ним и его соратниками в Крымске ездил машина с представителями районной администрации, которые снимали все их действия на камеру.

— Мы использовали их: выслушивали жалобы людей перед камерами представителей администрации, чтобы те узнали, как все плохо. Мы писали сотни обращений, чтобы оказать людям адресную помощь — мы системно, много лет работаем с гражданами в поле...

Достаточно ли «системно», чтобы добиться необратимых и масштабных перемен в Крымске? По словам Митрохина — да. По мнению крымчан — нет.

Жители Краснодарского края, сочувствующие «Яблоку» настолько сильно, что хотят остаться анонимными, чтобы не обидеть друзей, говорят, что участие партии в выборах было, по сути, формальным. Агитация была слишком вялой, Евгений Витишко был очень уязвим — с его условным сроком, который по решению судьи может в любой момент превратиться в реальный.

Чего-то не хватило «Яблоку» — то ли сил, то ли желания, — чтобы помочь крымчанам хотя бы ненадолго перестать жалеть себя и проявить то, что называется гражданской активностью. Люди ждали этой помо-

щи, пожалуй, с не меньшим нетерпением, чем выплаты компенсаций.

Не дождался. На выборах главы Крымского района победил член «Единой России» Анатолий Разумеев. Как утверждают в ЦИК, он набрал 95,19 процента голосов при явке более 65 процентов. Внятных альтернатив ему не было. Не было на выборах и наблюдателей: они отказались следить за нару-

Лидер московских волонтеров, работавших в Крымске, Митя Алешковский очень обеспокоен тем, что возможность для объединения не была использована, хотя кому-то в Крымске и помогли. Угроза новых наводнений сохраняется, и исходит она в равной степени и от природы, и от неэффективного государства. А Крымск как был не нужен чиновникам и согражданам до

добрых дел снизу — тем сильнее можешь изменить.

Геннадий Пелипенко, семья Помазан, Нелли Жмайло, Олег Харченко, Виктория Дроганова и тысячи их соседей при безграничном уважении к волонтерам не могут согласиться с этим тезисом. Слишком много похорон они пережили. Хоронили людей, привычный жизненный уклад, и, наконец, иллюзию того, что внезапно,

Люди держались, столкнувшись со стихией и бюрократической волокитой, и их выдержка не была вознаграждена ни властью, ни оппозицией. Теперь они устали

шениями после снятия Евгения Витишко. Вероятно, зря.

Как следует из сводной таблицы результатов выборов, опубликованной на сайте ЦИК, очень большой процент избирателей проголосовали не на избирательных участках, а дома. В Крымском районе — 16 процентов, в Кореяновском — 25, в Славянском — 53,9 процента. Возможность фальсификаций при таком голосовании многократно увеличивается. Более того, жители Краснодарского края на интернет-форумах подвергают сомнению то, что члены избирательных комиссий могли успеть за несколько часов обойти несколько тысяч человек. Внимательность этих людей была вознаграждена: политик Алексей Навальный процитировал их в своем блоге и строго указал, что фальсификаторов надо остановить. Этим общественная дискуссия о выборах в Крымске фактически и завершилась.

наводнения, таким остался и после него.

— Волонтер — абсолютно аполитичное существо. Как только он начинает заниматься политикой, теряет возможность помогать людям, — говорит Алешковский.

Он осознает, что, избегая политики, нельзя решить системные проблемы. Остается снова и снова помогать конкретным семьям. Но политика — не задача волонтеров:

— Правильно ли то, что, условно говоря, за автобусом волонтеров не поехал автобус активистов, которые бы пытались изменить политическую ситуацию? Неправильно. Наводнение в Крымске очень важно для политической жизни страны, а общество, в том числе оппозиция, замалчивает эту ситуацию.

Политика, по мнению Алешковского, не меняет общественное сознание — остается делать это с помощью благотворительности. «Чем больше

из-за трагедии, оказались нужны своей стране.

Но все эти люди прошли испытания Крымске. Они выжили после встречи со стихией и отечественной бюрократией.

Не прошли эти испытания власть и оппозиция, которых Крымск поставил в один ряд: ни первая, ни вторая не удовлетворили запрос людей на системные перемены. До трагедии крымчане знали цену власти, которую не в силах были сменить, — наводнение 2012 года было в их жизни не первым. После трагедии они узнали цену оппозиции, обещавшей с этой властью бороться.

От редакции: За серию материалов из Крымска автор публикации — руководитель отдела спецпроектов «Совершенно секретно» Елена Власенко награждена премией имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» за 2012 год.

Уважаемые читатели! Продолжается подписка на ежемесячную газету «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» на 2013 год

В любом почтовом отделении: объединенный каталог «Пресса России» и каталог «Агентство Роспечать» — индекс на полугодие — 32209, на год 45714; каталог «Почта России» — индекс на полугодие — 99265, на год 10901 www.vipishi.ru

Кроме традиционной подписки в почтовых отделениях, можно оформить подписку через альтернативные подписные агентства, получив всю информацию об издании и узнав стоимость подписки не выходя из дома. Достаточно позвонить или зайти на сайт агентства.

Москва: 000 «Интер-Почта-2003»: www.interpochta.ru, тел: +7 (495) 580-95-80, 500-00-60; ЗАО «МК-Периодика»: www.periodicals.ru, тел: +7 (495) 684-50-08, 681-91-37; 000 Агентство «Артос-ГАЛ» (только для юридических лиц): тел: +7 (495) 603-27-31/32; **Новосибирск:** агентство печати «Медиа Курьер»: www.podpiska.su, тел: +7 (383) 2-277-890; **Екатеринбург:** агентство подписки ЗАО «Урал-Пресс»: www.uralpress.ur.ru, тел: +7 (343) 26-26-543, 26-25-395, 26-27-996.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на газету

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

(индекс издания)

Количество комплектов

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Доставочная карточка

на газету

(индекс издания)

ПВ

МЕСТО

ли-тер

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

Стоимость

руб. — коп.

Количество комплектов

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Кадровы Путина: биография как детектив

Что рассказывают о себе и о чем умалчивают высокие российские чиновники

■ Владимир ВОРОНОВ

В уже слегка приглушенной интриге вокруг Министерства обороны одни всё еще обсуждают «женский полк» Сердюкова — с километражем квартир подследственных и тоннажем изъятых у них ценностей. Других больше привлекает сюжет вокруг экс-министра сельского хозяйства Елены Скрынник — там счет бюджетных потерь идет уже на десятки миллиардов рублей. И почти всех занимает вопрос, отчего Владимир Путин нарушил, казалось бы, незыблемый постулат — «своих не сдают».

Оказывается, сдают. Мы привычно цитируем известную реплику Сталина «кадры решают всё», забывая, что у нее есть продолжение: «А кто будет кадрами — решаю я!» Нынешний хозяин Кремля тоже вполне мог бы заметить: кто свой — решаю я, как и то, кого пора из славных рядов «равноудалить». Ведь при авторитарном правлении «своих навсегда» не бывает: неизбежно возникают моменты, когда властителю (если он желает остаться таковым) необходимо кое-кого сбросить — как балласт. Даже если тот трижды «свой в доску». Правители, периодически не зачищавшие свою округу, как известно, кончали так себе. Впрочем, как и чересчур уж энергично завязавшие за это.

Колода президента

Подлинная ценность последних скандалов в том, что они еще раз засветили давнюю болячку власти — отсутствие кадровой потенции. Что, кстати, еще в марте 2009 года признал и тогдашний президент Дмитрий Медведев, заявив: «Появление новых людей на соответствующих должностях в нашей стране идет очень медленно. Мы всё время топчемся на месте <...> скамейка запасных у нас чрезвычайно короткая: всё время передергиваем одну и ту же колоду».

Чем конкретно не устраивал Медведева потенциал проверенных путинских кадров — профнепригодностью ли для решения задач гражданского управления или чем еще, доподлинно неизвестно. Но для освежения колоды тогда же изобрели так называемый «резерв управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента Российской Федерации». Резервов было два: первой свежести — «первая сотня» и второй — «президентская тысяча» (точнее, «пятисотка»).

С той поры минуло почти четыре года. Но пресловутые «сотни», оказывается, номинально еще существуют и даже обновляются, хотя публично об их наличии стараются уже не упоминать. Однако подмена

Анатолия Сердюкова, выражаясь по-медведевски, картой из той же колоды — т.е. Сергеем Шойгу, дает нам повод вновь присмотреться к пресловутой скамейке запасных.

Самым скандальным ведомством — после Министерства обороны и МВД — сегодня выглядит Министерство сельского хозяйства. С него и начнем.

О неоднозначных результатах руководства Еленой Скрынник сельским хозяйством страны наше издание писало неоднократно (См.: «Совершенно секретно», 2010, №№ 2, 9; 2011, № 9; 2012, № 3). Да было бы и удивительно, если бы всю глубину проблем села понимала врач-кардиолог — по диплому, защитившая диссертации по вопросам лечения рака молочной железы (не у коров!), ушедшая затем в бизнес.

Когда в мае 2012 года Скрынник перестала быть министром, о ней на время забыли. Пока в ноябре 2012 года она вдруг не оказалась невольной героиней центральных телеканалов. Тут и выяснилось, что экс-министр мало того что проходит свидетелем по уголовному делу о крупном мошенничестве своих недавних подчиненных, так она еще и одна из богатейших женщин страны. Да и вообще, рассказал телеканал «Россия-1», речь идет об исчезновении — якобы при участии Скрынник — 39 миллиардов рублей, выделен-

ных из бюджета на поддержку фермеров.

Джеймс Бонд из агропрома

Впрочем, проблемы у Скрынник начались гораздо раньше. В январе 2012 года Следственный комитет РФ сообщил о возбуждении уголовного дела в отношении директора Департамента государственной политики в сфере агропромышленного комплекса и информации Минсельхоза Олега Аксенова. Как водится, в Минсельхоз Аксенов залетел не из агросферы — 20 лет прослужил в МВД, добравшись до погон генерал-майора милиции и должности начальника Управления информации МВД. Откуда, с недолгим заскоком в бизнес, переключал под крыло Скрынник. Так вот, следственные органы обвинили генерала в том, что он вместе с группой лиц совершил мошенничество в особо крупном размере — «хищение денежных средств в сумме 500 тысяч долларов США».

Буквально пару недель спустя под раздачу попал Олег Донских, директор Департамента административной работы и внешних связей Минсельхоза, считавшийся чуть ли не правой рукой госпожи Скрынник. По образованию он преподаватель истории, выпускник липецкого пединститута. Но по специальности, разумеется, не работал,

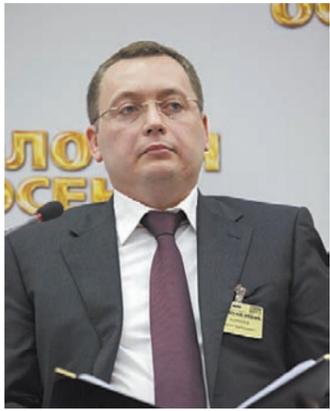
еще студентом неплохо пристроившись в бизнес-структурах, занимавшихся скупкой-продажей всего на свете. Успел поработать даже в некоем совместном советско-шведско-бразильском предприятии. Так и двигался по линии «агро-снабжения», меняя одно директорское кресло на другое, пока естественным образом не оказался в «Росагролизинге», откуда, вместе со Скрынник, переехал в Минсельхоз. Причину подобной удачливости наблюдатели видят в наличии влиятельного папы: Виктор Донских — бывший первый

секретарь Липецкого обкома КПСС, член ЦК КПСС, председатель Липецкого областного Совета народных депутатов, Герой Социалистического Труда. После краха ГКЧП Донских-старший моментально обратился в едва ли не крупнейшего бизнесмена области. В отцовских структурах Олег Донских и обрелась почти 17 лет.

У следствия к нему претензии по «доминистерскому» периоду. Как сообщало МВД, Донских входил в состав «организованной группы», подозреваемой в «систематических хищениях средств федерального

Бывшего директора одного из департаментов Минсельхоза Олега Донских (слева) называли правой рукой экс-министра Елены Скрынник (справа). Теперь его разыскивают через Интерпол

Сергей Королев, бывший замминистра сельского хозяйства

Михаил Орлов, директор одного из департаментов Минсельхоза

Татьяна Голикова, экс-министр здравоохранения

Министр сельского хозяйства Николай Федоров...

...и его первый заместитель Игорь Маньлов

бюджета, выделенных ОАО «Росагролизинг» в период 2007–2009 гг.». В частности, по данным Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБ и ПК) МВД, речь идет о «получении более 500 миллионов рублей за фиктивные поставки оборудования для спиртовых заводов и ферм крупного рогатого скота». Вскоре сумма выросла до 800 миллионов рублей. А в общей сложности, как сообщалось на сайте ГУЭБ и ПК МВД, «проверяется информация о том, что в период с 2007 по 2009 год организациями, подконтрольными подозреваемым, от ОАО «Росагролизинг» получено более 4 млрд руб.». Причем «ключевая роль в деятельности организованной группы принадлежала Донских О.В.» На таком фоне сущей мелочью выглядит обвинение Донских еще и в хранении незарегистрированного револьвера «Наган», найденного при обыске его липецкой виллы.

В феврале 2012 года сотрудники ГУЭБ и ПК МВД попытались допросить чиновника в его кабинете. Но тот... сбежал через черный ход министерства. Оперативники успели снять его с рейса на Милан чуть ли не за минуту до вылета, но санкции на задержание у них тогда якобы не было. Когда же такую санкцию выдали, фигурант уже подползал в бега.

В Минсельхозе его прикрывали до последнего — на самом высшем уровне! Скрынник лично уверяла, что ее подчиненный отбыл в очередной отпуск. Не могу удержаться от обильного цитирования ее перепалки с коллегами из «Известий»: «Я, министр, вам говорю, член президиума правительства России, у меня сотрудник не задержан, находится в очередном отпуске, уголовного дела нет... Я, министр, вам говорю, вы министру не доверяете? Давайте поговорим с Рашидом Гумаровичем [Нургалеевым, главой МВД]. У вас есть уголовное дело, лист задержания? У меня его нет. Я затребовала. Вам для чего нужно? Когда у нас выборы, когда у нас все хорошо, когда идет аграрный форум. Вы что хотите показать, что министр неэффективный? Без вас это всё решат!»

И ведь решили: Олега Донских пока так и не взяли, хотя в международный розыск объявили и его портрет ныне на розыскной «доске почета» Интерпола. Почему оперативникам не удалось задержать его «по-настоящему», как он оказался за пределами России, загадка. По данным липецкого информационного портала Gorod48.ru, Донских сначала вывезли в... Чечню и нелегально перебросили через границу

в Грузию. Оттуда он якобы и перебрался — то ли в Европу, то ли в Турцию, а то ли и вообще в Египет. Одним словом, Джеймс Бонд отдыхает!

Прочитав это, почти рыдал от смеха: ни на миг не верю ни в прорыв Донских в Чечню, ни тем паче оттуда в Грузию — по непроходимым горным тропам, через отвесные скалы и ущелья, заснеженные перевалы и ледники. Чеченский участок российско-грузинской границы знаю не понаслышке — лицедрел во время обеих кампаний...

В столь сложносочиненную авантюру не верится и потому, что очевидно: хотели бы этого чиновника взять — взяли бы. И тому помехой не стал бы ни черный ход министерства, ни мифические «чеченские тропы». Но раз «компетентные органы» никак не отыщут вход в тоннель от Минсельхоза до Милана, значит, так нужно. И совершенно не нужен Донских — живой и дающий показания...

Всё по тому же делу о хищении почти 500 миллионов рублей проходит еще и Сергей Королев, бывший заместитель Скрынник по Минсельхозу («Росагролизинг» тоже значится в его послужном списке). У бывшего замминистра, кстати, обыски провели чуть ли не раньше всех — в ноябре 2011 года. Фигурантом этого дела называли и еще одного питомца «Росагролизинга», Андрея Григорашенко — он ненадолго занял место сбежавшего Донских в кресле директора департамента.

Самая свежая весть о кадрах Минсельхоза из недр «компетентных органов» датирована пока 5 сентября 2012 года: в своем рабочем кабинете сотрудниками ГУЭБ и ПК МВД задержан директор Департамента земельной политики, имущественных отношений и государственной собственности Минсельхоза Сергей Бондаренко. По версии следствия, директор департамента подозревается в вымогательстве 45 миллионов рублей у руководства одной из подведомственных организаций. Впрочем, вряд ли отечественное сельское хозяйство понесло тяжелую утрату из-за этого ареста: гражданин Бондаренко от проблем села далек, как никто, — 20 лет в органах внутренних дел, затем «замещал руководящие должности в Счетной палате Российской Федерации». Во главе департамента Минсельхоза его поставили в июне 2011 года, еще при Скрынник. Получается, только за один 2012 год под тяжелую руку следствия угодили четыре недавних директора департамента Минсельхоза и даже бывший заместитель министра.

Впрочем, кидать камни в одну лишь Елену Скрынник не

справедливо: она лишь успешно (имею в виду финансовые потоки и кадровую политику) продолжила то, что пышно цвело и пахло еще при Алексее Гордееве, возглавлявшем Минсельхоз почти 10 лет. — Тоже тот еще аграрий: инженер-путеец по основной специальности, рванувший ввысь с кресел замначальника Главснаб Минплодоовощхоза РСФСР и замначальника Управления производства и распределения тары Госагропрома РСФСР. Так и вознесся — от распределителя тары до руководителя сельским хозяйством державы. Ныне — губернатор Воронежской области.

Понятно, что сам министр лично не пахал и не сеял, так ведь и кадры под его началом были специфические: никто из замов Гордеева к сельскому хозяйству ранее отношения тоже не имел. Позволю себе повторить некогда уже цитированное сообщение Генпрокуратуры, в конце 2006 года констатировавшей: целый «ряд сотрудников Минсельхоза России занимали должности вопреки квалификационным требованиям к уровню образования». В связи с чем 42 служащих перевели «на должности с соответствующими квалификационными требованиями», еще четырех вообще уволили с

Связь с сельским хозяйством просматривается, но как-то так себе.

Далее у нас по списку первый заместитель министра Игорь Маньлов — тоже юрист. Еще и кандидат юридических наук: в 2006 году Игорь Евгеньевич защитил диссертацию по актуальнейшей для аграриев России теме — «Наследование жилых помещений». Еще в послужном списке Маньлова руководящая работа в коммерческих банках, названия которых предусмотрительно не указаны, ряде иных частных финансовых структур; короткое пребывание в Минюсте и длинное — восемь лет — в Госдуме. Правда, написано, что он руководил Комитетом Госдумы по законодательству, но в рядах депутатов г-н Маньлов никогда не числился! Лишь по сторонним источникам уточняем: специалист по наследованию жилых помещений трудился в аппарате Госдумы. Затем стал статс-секретарем — заместителем министра экономического развития...

Заместитель министра Олег Алдошин («Совершенно секретно» уже писала о нем два года назад): незамутненной воды кадр Елены Борисовны Скрынник, приведенный ею из «Росагролизинга», где он семь лет был ее заместителем.

Биографии ряда ключевых лиц ведомств зияют такими дырами, словно все они агенты секретных служб. Принадлежность к «Единой России» скрывается так, словно партия со дня на день уходит в подполье!

государственной гражданской службы, а двое — «трудоустраиваются вне Министерства». Переведем на нормальный язык: 48 непрофессионалов в центральном аппарате Минсельхоза. Это не считая самого министра, его замов и большей части руководителей департаментов, про которых прокуратуры и не заикались...

Агротехникум КГБ

Что ж, посмотрим, кто руководит у нас сельским хозяйством ныне, после Скрынник. Зайдем на официальный сайт Минсельхоза и в разделе «Руководство» взглянем на вывешенные там биографии. Начнем с министра. Когда именно и где родился Николай Федоров, официальная справка скромно умалчивает, хотя все же сообщает: по образованию — юрист, специалист по конституционному праву. С 1989 по 2011 год Федоров с головой исключительно в политике: депутат, четырежды министр юстиции, четырежды президент Чувашии, член Совета Федерации...

В образовательном активе г-на Алдошина значатся Брянский машиностроительный техникум и... Высшая школа КГБ СССР. Но результатом такого вот смешения образовательных заведений вышел почему-то «юрист со знанием английского языка». Вопрос о связи чекиста-машиностроителя с сельским хозяйством оставим как риторический.

Заместитель министра Александр Петриков в Минсельхозе с 2007-го, тоже из команды Скрынник. В 1979 году он закончил МГУ — по специальности «политическая экономия» — какая именно, социализма или капитализма, не уточнено. Впрочем, тогда одна была — марксистская. По должностям, перечисленным в официальной справке, очевидно: с 1983 года и до своего назначения статс-секретарем — заместителем министра он был вполне типовым чиновником от сельскохозяйственной «экономической науки».

Следующий по списку — замминистра Павел Семенов,

выпускник Тюменского государственного нефтегазового университета по специальности «маркетинг». С 2003 по 2011 год — депутат Госдумы от Чувашии (разумеется, фракция «Единая Россия»). Короткое время успел побыть заместителем министра природных ресурсов и экологии. В официальной биографии особо подчеркнуто: Павел Владимирович — член Бюро федерации спортивной борьбы России. Но при этом не упоминается про степень кандидата экономических наук. Надо полагать, замминистра сельского хозяйства несколько стесняется, что в 2001 году защитил диссертацию с опрометчивым наименованием: «Оценка факторов устойчивого развития вертикально интегрированной нефтяной компании на примере НК ЮКОС»? По-видимому, природная скромность заставила умолчать и о том, что с 1999 года чиновник трудился в этом самом ЮКОСе. Впрочем, ЮКОС, ЗАО «Волга-Роснефтьтранс» (там Семенов был гендиректором), Дума — и где тут сельское хозяйство?

Следующий замминистра, Илья Шестаков, экономист, семь лет работал в Управлении кредитов Газпрома, откуда вдруг на годик ушел гендиректором в НИИ сельскохозяйственных приборов. Чтобы уже с этой стартовой площадки в 2010 году запрыгнуть в сплоченную команду Скрынник. Пять месяцев Шестаков провел на посту замдиректора Департамента пищевой и перерабатывающей промышленности, регулирования агропродовольственного рынка и качества продукции. Потом стал уже директором — Департамента регулирования агропродовольственного рынка и развития инфраструктуры, Ныне — замминистра.

На этом фоне выигрывает послужной список заместителя министра Александра Черногорова — он хотя бы сельскохозяйственный институт закончил. Правда, получив диплом по специальности «механизация сельского хозяйства», с этим самым хозяйством завязал незамедлительно, подавшись на завод «Сатурн», откуда стремительно мигрировал на комсомольскую работу. Каковой занимался долго и успешно — пока не стал первым секретарем Ставропольского крайкома ВЛКСМ. ▶

Потом были краевой Совет депутатов, недолгое пребывание в Думе и прыжок в губернаторское кресло — на 12 лет.

У заместителя министра Дмитрия Юрьева диплом тоже вроде бы профильный — Новосибирского государственного аграрного университета. Правда, скромно не уточняется, какой именно был факультет — ветеринарной медицины или юридический. Но после обретения диплома к селу нынешний 31-летний замминистра отношения не имел. Как сказано в его биографии, «замешал должности в различных коммерческих организациях» (каких, так и не сказано), откуда совершил блицперелет в Экспертное управление Президента РФ с последующей мягкой посадкой в кресло заместителя министра.

Итак, из восьми высших чиновников министерства — министра и семи его заместителей — лишь двое формально имеют профильное образование. И лишь один из всех этих чиновников в своей жизни имел отношение к сельскому хозяйству — хотя и скромное.

С несколько большим успехом можно перебрать директоров 14 департаментов Минсельхоза: только четверо из них обладают профильным образованием и имели отношение к аграрному сектору. Но даже это уже прогресс, если сравнивать с эпохой Гордеева и Скрынник. По крайней мере, проблемами земельной политики теперь ведают не специалисты по прядению натуральных и химических волокон, как было недавно. И Департамент научно-технологической политики и образования уже возглавляет не выпускник военного авиационного училища. Да и главным мелиоратором страны ныне трудится уже не Александр Мельников — «специалист по странам Латинской Америки», выпускник Высшей школы КГБ и Академии СВР с опытом работы, помимо КГБ, еще в налоговой полиции и службе собственной безопасности наркоконтроля...

Впрочем, Департамент регулирования агропродовольственного рынка, рыболовства, пищевой и перерабатывающей промышленности по-прежнему возглавляет товарищ с интересной биографией — Михаил Орлов, инженер электронной техники, если верить диплому. Но работа по специальности в его послужном списке не значится: бизнес, кресло замглавы управы района «Лефортово», еще пару лет товарищ был министром по развитию предпринимательства, торговли и ремесел Чувашии, затем возглавил управу Басманного района Москвы, служил заместителем префекта Центрального административного округа столицы, руководил Комитетом по связям с религиозными организациями г. Москвы Аппарата мэра и Правительства Москвы... Достойный, наверное, чиновник, но никак не могу уловить связь, даже астральную, между руководством малым коммерческим предприятием, районной управой, связями с религиозными организациями и — регулированием продовольственного рынка и пищевой промывкой всей страны. Остается надеяться, что опыт по этой части был обретен в кресле министра ремесел Чувашии — не в Лефортовской же управе...

Такие вот кадры у руля отечественного сельского хо-

Впервые за много лет во главе Минздрава не банкир-кибернетик или финансист, а медик — Вероника Скворцова

ЕКАТЕРИНА ШУБИНА / РИА НОВОСТИ

зяйства: инженеры-путейцы и несостоявшиеся медики, физкультурники и психологи-психотерапевты, юристы и финансисты, чекисты и генералы милиции, экс-губернаторы и бывшие префекты.

Минздрав-разведка

Министр здравоохранения Вероника Скворцова — врач, как утверждают, в пятом поколении. Уже отраднее: впервые за много лет Минздрав возглавляет не банкир-кибернетик (как Зурабов) или финансист (как Голикова), а действительно медик. Но не стоит полагать, что это означает кардинальный разрыв с наследием предшественников. В конце концов, Скворцова четыре года спокойно работала заместителем Голиковой, и нет никаких сведений, что политика министра как-то задевала ее природные медицинские чувства. Вот и в кадровой политике принципов перемен пока не отмечено. (Напомню, что из всех заместителей Голиковой лишь один имел отношение к медицине — та же Скворцова. Зато один замминистра был специалистом по речным перевозкам.)

Из четырех нынешних заместителей министра медиками формально являются лишь два. Хотя, если разобраться, замминистра Игорь Каграманян от реальной медицины уже далек: еще в 1994 году он сделал выбор в пользу руководящей работы в медвузе. Вот и кандидатом наук он стал не медицинских, а экономических — защитил в 1999 году диссертацию «Прогнозирование экономической деятельности лечебно-профилактических учреждений в системе бюджетно-страховой медицины...». Другая замминистра, Татьяна Яковлева, из практической медицины ушла в 1999 году: на долгие 11,5 лет стала депутатом Госдумы. Остальные два заместителя министра к здравоохранению касательства имеют еще меньше: статс-секретарь Сергей Вельямкин — юрист, Андрей Юрин — экономист, формально. Почему формально? Получив диплом, Юрин сразу двинулся по комсомольской линии и долгое время успешно делал карьеру в Алтайском крайкоме ВЛКСМ, откуда

Из 10 помощников министра здравоохранения лишь четырех можно отнести к медикам, да и тех — номинально. Прочие — юристы, экономисты, а также полковники и даже генералы неизвестных войск.

вовремя перебрался в исполком, затем в администрацию Барнаула, в краевую администрацию, потом — в Минфин России. Оттуда его двинули в Фонд обязательного медицинского страхования — председателем. Такая вот медицинская биография...

Из 10 помощников министра здравоохранения лишь четырех можно отнести к медикам, да и тех — номинально. Прочие — юристы, экономисты, а также полковники и даже генералы неизвестных войск. Только у одной из помощниц министра в активе хоть какой-то опыт практической работы «в поле». Остальные «медики» на этом поле отметились лишь символически — годик-два, чтобы оперативно уйти на ниву «чистой» науки и чиновного администрирования. Одна из помощниц, Татьяна Клименко, судя по ее послужному списку, скорее была бы на месте в МВД, нежели в Минздраве. С 1980 года она на руководящей работе в Научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (том самом Институте им. Сербского, в советские времена бывшем одним из важнейших инструментов репрессивной психиатрии, применявшихся в борьбе с инакомыслием). С 2005 года Клименко — профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Российской правовой академии Минюста. А как помощник министра здравоохранения «занимается вопросами профилактики заболеваний и здорового образа жизни». Кто бы сомневался, что здоровый образ жизни лучше всех представляет специалист по судебной психиатрии — с опытом работы в конторе им. Сербского!

Другие помощники и вовсе загадочны: биографий Людмилы Лоцман, Вячеслава Пилипенко (оба — «наследие» Голиковой) и Людмилы Новиковой

на сайте министерства нет. Что очень странно: при той же Голиковой справка на Вячеслава Пилипенко, хотя и предельно скупая, все же висела. Из нее нельзя было узнать об образовании или специальности, но хотя бы сообщалось: товарищ 20 лет прослужил в МВД, затем в налоговой полиции и наркоконтроле, носит погоны генерал-майора полиции.

Помощник министра Дмитрий Рыжов — «всего лишь» полковник, но каких именно войск и какая у него специализация, неведомо. В его биографии лишь мельком упомянуто, что образование у него «высшее военное» и в 2011 году он завершил службу в Вооруженных силах. Правда, перечислены награды: два ордена и две боевые медали, но ничего не сказано о том, как, где и за какие заслуги они получены. Как такой ценный кадр попал не в спецназ, а в Минздрав, загадка.

Но круче всех помощник министра Игорь Кузов, о котором лишь сказано, что он «социальный педагог — практический психолог» и целых «14 лет проходил службу в специальных государственных структурах на различных должностях». Специальные государственные структуры — сильно!

Из 15 директоров департаментов Министерства здравоохранения медиков — лишь трое. Еще в наличии экономист, юрист и социолог. Данные о восьми директорах департаментов буквально заскучены: никаких, даже самых скупых, биографических сведений о них на официальном сайте министерства нет, и нам остается гадать, рулят ли там подводные агрономы или военно-воздушные ветеринары... Зато один из директоров департамента Минздрава Сергей Горисов — настоящий разведчик. Его ведомственную принадлежность не только не скрыли — обозначили предельно

выпукло: выпускник Московского авиационного института, после окончания которого он 26 лет, если верить справке, «работал в ГК ВЛКСМ города Наро-Фоминска, в органах СВР России на оперативных и руководящих должностях, в Государственном таможенном комитете». Но самый интересный период в биографии выскопоставленного чиновника Минздрава обозначен скромно: с 2009 по 2010 год работал в ...Ливийской Джамахирии — заместителем директора филиала ОАО «Зарубежстройтехнология» (это «дочка» РЖД) «по логистике». Чекист-логистик, да еще в логове Каддафи — круто! Не менее любопытно, что в 2011–2012 году товарищ, как записано в его биографии, занимал должность «начальника отдела информационной и экономической безопасности Акционерного общества по генерации электроэнергии Атомной электростанции «Аккую». («Аккую» — это пока еще несуществующая АЭС, которую с участием России планируют строить на южном берегу Турции.) Комсомольский аппаратчик, чекист-разведчик

и даже целый таможенник, не говоря уж о Джамахирии и прочих «Аккую», — и всё в одном лице: это ли не бесценное приобретение для отечественного здравоохранения?! Если, конечно, Минздрав уже полноценное подразделение СВР и неонатологи, хирурги, офтальмологи с реаниматологами идут теперь в разведку, а не к пациентам...

Наверное, в этих ведомствах есть и настоящие профессионалы — иначе как объяснить, что село нас пока еще кормит, а врачи — порой лечат. Но по чиновным биографическим справкам, размещенным на официальных серверах органов государственной власти, догадаться об этом невозможно. В своем большинстве эти справки (если они вообще есть) совершенно неинформативны: иной раз там не найти ни слова даже об образовании чиновника, не говоря уж о его имущественном положении. И биография ряда ключевых лиц ведомств, казалось бы, сугубо гражданских, зияют такими дырами, словно все они — сплошь агенты секретных служб. Кстати, сведения о принадлежности чиновников к «Единой России» отсутствуют: их скрывают так, словно партия со дня на день уходит в подполье!

Разгадка, видимо, банальна: «скамейка запасных» все так же коротка. И не хочется афишировать, что тасуется все та же колода. Карьерное продвижение в которой, как по вертикали, так и по горизонтали, определяется не столько наличием профессионализма и компетентности, сколько принадлежностью к узкому кругу допущенных к кормушке «своих», но лишь до поры, пока берут по чину и не зарываются.

«Совершенно секретно» продолжит изучать биографии российских чиновников.

Слежка. Участвуют все

Главное событие ушедшего года в отношениях российского государства и общества — переход от выборочных контроля и проверки к тотальным

■ Ирина БОРОГАН, Андрей СОЛДАТОВ,
эксперты в области безопасности

Тотальный контроль над обществом стал реальностью. На рубеже нового года можно подвести итоги той работы, которая началась в 2009 году. Тогда президент Дмитрий Медведев создал Комиссию по модернизации и техническому развитию экономики РФ, на которую многие возлагали большие надежды. Но не все знают, что одна из задач, поставленных этой комиссией, формулировалась так: развитие технологий видеоидентификации личности и распознавания речи. По сути, технологий слежки.

Организатором тендеров на размещение заказов в этой области стала Федеральная служба безопасности. По данным ФГУ «Аналитический центр при Правительстве РФ», с ноября 2010 по апрель 2011 года проекты ФСБ по видеонаблюдению реализовывались вполне успешно.

В законе

Российская система видеонаблюдения существует давно. В больших городах ее развивали мэрии в рамках программы «Безопасный город». Но на первых порах ставилась задача выявлять факты нарушения общественного порядка, идентификация личности не считалась главной целью.

Комиссия по модернизации такую задачу поставила и пошла дальше: суперсовременные мультибиометрические комплексы должны не только идентифицировать человека, но и оценивать степень его общественной опасности по поведению и физиологическим параметрам, например по походке и температуре тела.

Разработчики уже установили цифровые камеры с возможностью идентификации в вестибюле московской станции метро «Охотный Ряд», а также на столичных и питерских вокзалах. Причем данные с камер слежения передаются в МВД и ФСБ, а также в МЧС. Специальные аппаратно-программные комплексы осуществляют биометрическую идентификацию каждого лица, попавшего в поле зрения камеры, и сверяют его с изображениями, внесенными в базы данных спецслужб.

Пока система не тотальная, но важнейшие транспортные узлы она уже охватывает. Впервые она была опробована в 2006-м, когда в Петербурге проходил саммит G-8. Тогда на железнодорожных вокзалах, в аэропорту и на основных трассах, ведущих в город, были развернуты мобильные мультибиометрические комплексы по идентификации личности.

Именно с помощью этой системы выявляли и не допускали в город активистов, которые планировали на время саммита акции гражданского протеста.

Пока законодательная база для слежения и контроля за гражданами урегулирована только в отношении перехвата телефонных переговоров и переписки, в том числе и интернет-трафика. Легальный пере-

хват осуществляется силовыми ведомствами и спецслужбами с помощью СОРМ (система технических средств для проведения оперативно-розыскных мероприятий) и только с санкции суда, в которой указаны разрешенные сроки.

Видеонаблюдение не урегулировано никак: никто не может объяснить, на каком основании законопослушного гражданина, перемещающегося из точки А в точку Б, снимают, устанавливают его личность, а затем отправляют эти данные на хранение.

Кроме того, любой законопослушный гражданин может попасть в базу данных спецслужб, где числятся находящиеся в розыске преступники. Например, в мае 2007 года руководитель «Нижегородского общества прав человека» Сергей Шимоволос ехал на поезде из Нижнего Новгорода в Самару и по пути был трижды опрошен милиционерами из разных областей, которые объяснили ему, что он является объектом «сторожевого контроля» и им положено проводить с ним профилактические беседы.

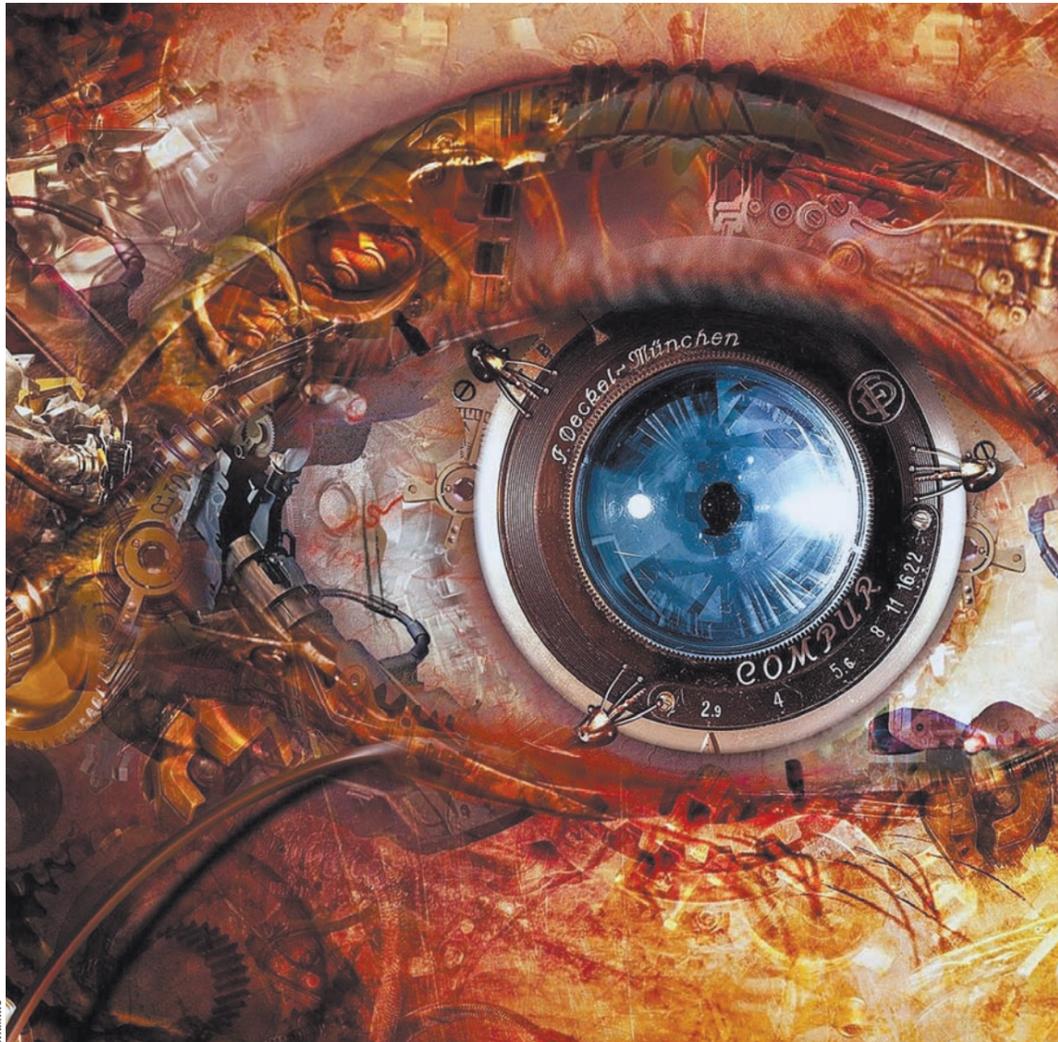
Шимоволос подал в суд и выяснил, что на милицкий учет его поставил местный УБОП (ныне Центр по противодействию экстремизму) и поэтому все его передвижения отслеживаются. Российский суд признал такие действия законными, Европейский суд по правам человека с этим не согласился.

Дополнительная трудность состоит в том, что, с точки зрения российских правоохранительных органов, тайной является, скажем, содержание наших разговоров или переписки, но не фамилия нашего собеседника. При этом наружное наблюдение за человеком можно осуществлять только при наличии ордера, а делать то же самое с помощью камеры можно, совершенно не связывая себя судебными решениями.

Никто не был готов к такому бурному развитию технологий, поэтому законодательство осталось в прошлом веке, что очень удобно и для спецслужб, и для корпораций, которые также при первой возможности разворачивают системы наблюдения. Люди до сих пор не понимают, какие опасности для них представляет тотальная фиксация их данных, а государство с удовольствием пользуется такой беспечностью.

Однако в 2012 году мы наблюдали резкую активизацию деятельности, цель которой — обеспечить силовые структуры законодательной базой для слежения и контроля над людьми.

Именно спецслужбам оказались очень полезны последние поправки к закону о защите детей от вредоносной информации и к закону о связи, позволившие создать Реестр запрещенных сайтов. Призванные защитить детей от порно, информации о суицидах и наркотиках, на практике эти поправки позволили создать единую систему мониторинга и фильтрации Рунета. Технология DPI (глубокого анализа

пакетов), которая используется для этого, облегчает слежку за гражданами. Она позволяет провайдеру заглянуть внутрь пакетов передаваемой информации, а также отследить, кто заходил на запрещенный сайт, и идентифицировать его. С технической точки зрения не представляет труда выяснить также, кто изучает интересующую вас тему не только в Интернете, но и в личной переписке, для этого достаточно задать системе ключевые слова, например «Болотная», «протесты» или «Навальный».

По свидетельству правозащитной организации Privacy International, использование этой технологии государством служит верным признаком репрессивного режима.

В индустрии слежки за последний год произошло важное событие: если раньше ее объектом был конкретный человек, вызвавший подозрения у правоохранительных органов, то теперь всё чаще применяются технологии массового контроля.

Вы — интересный человек

Опасность для людей исходит не только от государства, но и с неожиданной стороны. Дело в том, что различные базы данных — неважно, собраны они государственными органами или частными структурами — в российских условиях имеют тенденцию быстро появляться в коммерческом доступе. Представим себе, что легкодоступной оказалась, скажем, база данных историй болезни районных поликлиник. Интересна ли она, например, страховой компании или банку? Да, потому что — не

афишируя, естественно, источников своей информации — они могут ужесточить условия страхования или кредитования, минимизируя тем самым свои риски, но резко осложняя жизнь, например, инвалидам. Может ли воспользоваться такой информацией любое физическое лицо, для того, допустим, чтобы скомпрометировать конкурента в глазах работодателя? Да, и такие случаи уже зафиксированы.

Но все-таки самая неприятная перспектива связана с тем, что большой массив персональных данных, их слабая защищенность и дефекты законодательной базы открывают соблазнительные возможности для спецслужб. Речь не только о сборе конфиденциальной информации.

Практика создания бытовых трудностей для критиков политической системы широко применялась в работе КГБ СССР, новые технологии делают ее практически безнаказанной: банк или страховая компания не обязаны отчитываться перед вами об источниках информации, на основании которой они отказывают вам в кредите или ужесточают условия страхования.

Проблема контроля над частной жизнью существует не только в России. В мире об этом активно заговорили после событий «арабской весны», когда выяснилось, что для противодействия протестам применялись технологии британского и немецкого происхождения. Если оборот оружия в мире человечество хоть как-то научилось контролировать, то аналогич-

ную задачу в отношении средств слежения и контроля оно только начинает формулировать.

Особенность российской ситуации состоит в том, что Россия — не только потребитель, но и производитель этих технологий. Основная масса экспортных поставок предсказуемо приходится на бывшие советские республики, прежде всего страны Центральной Азии и Белоруссии. Вместе с технологиями, например распознавания речи или поиска людей в Интернете, Россия поставляет потребителям и способ их применения, методику хранения данных, их обработки — довольно специфические. И очень скоро поставщики преставляются в советники, устанавливая ту систему — не техническую, а правовую, — которая им привычна.

Но поскольку в некоторых областях, например в распознавании речи, российские производители добились большого успеха, их продукцию можно найти в самых неожиданных местах, скажем, в Мексике. Речь идет о той самой «шарашке», которая описана Солженицыным, только теперь она переехала из Марфина в Петербург и стала называться «Центром речевых технологий». Период, когда разработчики этой техники не сотрудничали с отечественными спецслужбами, был коротким и закончился давно. Некоторые из этих проектов разрабатываются в Сколково, центре инноваций. Но проблема заключается в том, что в неправовом государстве инновации становятся эффективным инструментом репрессий. □

Очевидное ослабление уличного протеста и явная растерянность лидеров оппозиции могут привести российскую власть к выводу, что ее страхи годичной давности были напрасными. Не окажется ли эта мысль ложной?

Не окажется ли эта мысль ложной?

Мы их даже не представляем

ЮРИЙ ТИМОФЕЕВ

Россия отмечает год с начала самых массовых протестов в своей новейшей истории. Пока в стране обсуждали, кто «слил протест», корреспондент «Совершенно секретно» изучил судьбу лидеров протеста и молодых активистов: за год как слова, так и поступки многих из них претерпели существенные изменения

■ Кирилл ФИЛИМОНОВ

Одна из самых показательных трансформаций произошла за год с Алексеем Навальным. В декабре 2011 года он показал себя сторонником решительных действий, готовым если и не «пойти на Кремль», то, во всяком случае, «вывести на улицы миллионы». «Мы не отдадим то, что принадлежит нам. Нас не надо уговаривать подождать до 2013 года. Вы готовы ждать два года? Вы готовы ждать неделю? Отдайте прямо сейчас! Мы заберем сами!» — восклицал он на митинге в Москве 24 декабря. — Мы будем выходить на улицы до тех пор, пока не вернут то, что принадлежит нам. В следующий раз мы выведем на улицы Москвы миллион человек! Выйдут ли на улицы России миллионы — да или нет?» На проспекте Сахарова Навальный обещал, что «в следующем году власть будет принадлежать народу», потому что «мы не хотим больше ждать».

Однако уже на «Марше миллионов» 15 сентября 2012 г. Навальный говорил нечто противоположное: «Мы должны сказать себе, что... да, скорее всего, власть эта падет в обозримом будущем. Но даже если этого не получится, даже если она будет длиться годы... мы всё равно будем приходить».

В конце прошлого года Алексей Навальный был подчеркнут агрессивен. «Давайте сделаем так, чтобы Березовский, Абрамович боялись граждан нашей страны, а не лондонского судью!» — говорил Навальный на «Русском марше» 4 ноября 2011 года. «Да, нас объединил враг, и мы его ненавидим!» — это уже на митинге в центре Москвы 5 декабря.

К сентябрю эта риторика поменялась: на последнем в 2012 году «Марше миллионов» На-

вальный предпочитал оперировать понятиями «свобода», «равноправие» и «человеческое достоинство». Исчезла и его знаменитая формула «да или нет?!».

Строивший глобальные планы на декабрьских митингах в 2011 году, в сентябре 2012-го Навальный развил уже едва ли не «теорию малых дел»: «Никто не даст нам избавления, кроме нас самих. Я хочу, чтобы каждый из нас, заглядывая утром в зеркало, спрашивал себя: что я готов сделать для отстаивания свободы и человеческого достоинства? Можно прийти на митинг. Можно перечислить 200 рублей в поддержку политзаключенных. Можно поддержать такие проекты, как «Роспил» и «Росузник». Можно перечислить Чириковой деньги на выборы. Можно приехать в Химки и поагитировать за нее. Можно распространить листовки в Доброй машине правды. Каждый из нас может что-то делать каждый день».

На нашу просьбу прокомментировать такие перемены в своей риторике Навальный через пресс-секретаря ответил, что слишком занят организацией «Марша свободы» (который, впрочем, не состоялся).

В 2012 году изменились не только слова, но и поступки Алексея Навального. Сюрпризом для наблюдателей стало то, что он впервые за несколько лет не пошел на «Русский марш», сославшись на болезнь. Навальный утверждает, что если бы был здоров, то обязательно бы пришел на акцию. Однако политик, обычно активный в социальных сетях, никак не пытался агитировать националистов идти на мероприятие. Журналист интернет-издания Lenta.ru Илья Азар, многократно просивший Навального в «Твиттере» четко определить

свое отношение к «Русскому маршу», получил неожиданно резкий отпор: Навальный заявил, что уже десятки раз отвечал на этот вопрос, и попросту заблокировал журналиста.

Летом против Алексея Навального было возбуждено уголовное дело по эпизоду трехлетней давности: якобы он расхитил имущество госкомпании «Кировлес» на сумму 16 миллионов рублей. За это ему может грозить до 10 лет тюрьмы. Навального, который считает дело политическим, оставили под подпиской о невыезде. 14 декабря СКР объявил уже о втором уголовном деле против оппозиционера.

«Вы странные вопросы задаете. Всё, до свидания»

«Они говорят, что это революция норковых шуб. Что вы врете, гады?! Я вот в этой куртке уже третий год хожу!» — говорит с трибуны координатор Левого фронта Сергей Удальцов. Действие происходит на Болотной площади 4 февраля 2012 года, и это — его первое выступление на многотысячной акции протеста: во время всех предыдущих он сидел за решеткой. На нем, действительно, обычная черная куртка и простые джинсы. Образ «простого парня» удается ему лучше, чем многим другим. Только он может позволить себе говорить с трибуны: «Я не хочу, чтобы меня имели еще шесть лет», добавляя к этому характерный жест. И только он может крикнуть с трибуны в ответ на обвинения в связях с США: «Ложь, пиз*** и провокация!»

Удальцов весь год оставался одним из главных сторонников радикализации протеста. Именно по его инициативе люди не разошлись с Пушкинской площади в Москве 5 марта, забравшись в фонтан, что

стало прологом к событиям 6 мая. Сюжет программы «Анатомия протеста-2» и последовавшее за ним уголовное дело показали, что и власть воспринимает Удальцова всерьез.

Тем не менее в среде левых активистов отношение к нему неоднозначное: одни видят в Сергее Удальцове самого желанного преемника Геннадия Зюганова, другие — упрекают в том, что во время митингов он слишком редко выражает левые идеи. Удальцов таких претензий не принимает, называя их «сектантством»: «Те, кто спрашивает, почему мы не выдвигаем лозунги социалистической революции, не хотят понимать реальный расклад сил. В этих общих акциях сейчас никто не доминирует — ни левые, ни либералы, ни националисты. Если на таких крупных акциях навязывать какие-то лозунги, то это скорее вызовет отторжение. Нам сегодня важно единство: добиться честных выборов и реальных реформ можно только вместе».

Вместе с тем Удальцов, по его словам, всегда настаивает на включении левых лозунгов в итоговые резолюции митингов: «Если почитать резолюцию «Марша миллионов» 15 сентября, то там можно увидеть три требования политических и три социальных: про тарифы ЖКХ, образование, медицину и права профсоюзов. Это наша заслуга, заслуга левых сил. Мы добились включения в требования маршей социальных лозунгов, что было не так-то просто».

И всё же, несмотря на свою радикальность и призывы к борьбе, Сергей Удальцов нередко пропускает акции, где его очень ждут. Отсутствие лидера Левого фронта чувствовалось на первомайских демонстрациях левых сил. Тогда он не пришел, сославшись

на плохое самочувствие. Но, призвав пикетировать Следственный комитет в июле и пообещав «обидеться» на тех, кто этого не сделает, он и там появился нерегулярно. Вопрос корреспондента «Совершенно секретно» о причинах отсутствия Удальцова на акциях, к посещению которых он сам же призывает, вызвал у лидера Левого фронта неожиданное раздражение: «Я появляюсь на тех акциях, на которых считаю нужным появляться. И вообще, мне некогда вам это комментировать, странные вопросы задаете. Всё, до свидания», — отрезал он и бросил трубку.

Этот год для Сергея Удальцова начинается гораздо тревожнее, чем предыдущий: против него возбуждено уголовное дело, его соратники — под арестом по обвинению в подготовке массовых беспорядков, а сам он занял неубедительное 20-е место на выборах в Координационный совет, набрав в два раза меньше голосов, чем Алексей Навальный.

«Этот закон — шаг вперед, хотя он отражает желание власти «прикрыть вольницу»

Илья Пономарев, работающий в Госдуме с 2007 года, достиг вершины популярности именно благодаря митингам, а летом поддержал проект «Единой России», который в гражданском обществе иначе как «репрессивным» не называют: речь идет о поправках к закону о защите детей от вредоносной информации (подробнее об этой законодательной инициативе — в публикации Ирины Бороган и Андрея Солдатова «Слежка. Участвуют все» на стр. 11).

Для многих такое решение Пономарева стало неожиданностью. В декабре 2011 года он

С декабря 2011 года в Москве прошла серия массовых акций протеста, которые собирали десятки тысяч человек

Начиная с июня 2012 года массовое протестное движение пошло на спад. В декабре 2012 года московская мэрия впервые не согласовала массовую акцию оппозиции

сыграл большую роль в объединении оппозиции, противодействуя попыткам некоторых членов оргкомитета митингов принимать решения «узким составом». После акций протеста Пономарев с помощниками ездил по спецприемникам, навещая задержанных: ему, депутату Госдумы, не могли отказать в посещении. Во время «Оккулай Абай» (летний лагерь гражданских активистов на Чистых прудах. — Ред.) он пытался узаконить собрания в центре Москвы, называя их «встречами с депутатом» (для них закон не требует согласования). В июне 2012 года, когда Госдума ужесточала штрафы за нарушение митингового законодательства, Пономарев выступил одним из инициаторов «итальянской забастовки»: он и его коллеги по «Справедливой России» вынудили депутатов рассматривать каждую из 430 поправок отдельно. В результате страна могла наблюдать, как во время голосования по каждой поправке несколько депутатов от «Единой России» бегают по залу, отчаянно нажимая на кнопки за отсутствующих коллег.

Поэтому, когда в ответ на крики толпы «Сдай мандат!» Пономарев парировал: «В Госдуме я нужнее», наблюдатели могли признать такой ответ вполне справедливым. Вопросы к Пономареву появились, когда он поддержал поправки к закону об ограничениях в Интернете. Согласно принятому проекту, в России появляется реестр запрещенных сетевых порталов. Механизм блокирования веб-страниц в законе был прописан до мелочей. Основаниями для блокировки отныне могут быть распространение детской порнографии, а также пропаганда наркотиков и самоубийства. После вступления закона в силу интернет-провайдеры впервые в истории

России должны были закупить DPI-технологии. «Установив такое оборудование, провайдер сможет не только блокировать запросы на определенные адреса и с определенных адресов, но и отключать отдельные сервисы. Например, полностью запретить Skype», — утверждает один из критиков поправок, главный редактор ИЦ «Агентура» Андрей Солдатов.

Илья Пономарев с ним не согласен. «Я считаю, что этот закон является шагом вперед, а не назад — несмотря на то что он отражает общую тенденцию регулирования сети и желание власти «прикрыть вольницу», — так, несколько парадоксально, говорит о своем решении оппозиционный депутат.

«Денежные переводы Коли с общественного кошелька — это были повседневные траты»

Николай Беляев был одним из самых ярких лидеров молодежного протеста. 25-летний активист уже через два дня после думских выборов создал группу «Сопротивление», которая стала политическим трамплином для многих известных активистов. «Сопротивленцы» распространяли информацию о протестных акциях, раздавали знаменитые белые ленты и организовывали акции сами. Николай Беляев вошел в состав Лиги избирателей, выступал на митингах на проспекте Академика Сахарова и Новом Арбате, раздавал многочисленные интервью и заработал репутацию восходящей звезды оппозиции.

Беляев, как и многие молодые политики эпохи Болотной, с самого начала призывал заниматься «малыми делами». «Я считаю, что гражданином человек становится тогда, когда он начинает обращать внимание на свой подъезд, на детскую площадку, на парковку, — говорил он в одном из

интервью. — Невозможно говорить о каких-то серьезных политических изменениях в стране, пока мы не станем ответственны за тот микромир, в котором живем.

Всё поменялось для Николая Беляева в октябре, когда Ольга Романова, отвечающая за финансы оппозиции, передала огласке историю с загадочным исчезновением почти 500 тысяч рублей на одном из счетов оппозиции. Во время июньских обысков в квартирах оппозиционеров Романова, как она говорит, «на всякий случай» передала Беляеву логин и пароль от онлайн-кошелька. Он был предназначен для финансовой поддержки госслужащих, которые отказываются от работы и переходят на сторону оппозиции. Кошелек принадлежал одному из основателей движения «Россия для всех» Виктору Бондаренко. Вскоре Романова обнаружила, что со счетом «что-то неладно».

«В один прекрасный день в августе Виктор сказал мне, что не может войти в кошелек, который я же и регистрировала, — рассказывает Ольга Романова. — У меня тоже не получилось. Спросила у Коли Беляева — он сказал, что не знает, что произошло. Какое-то время я не могла [от него] ничего добиться. Через некоторое время — не скажу, какими путями — я поняла, что что-то неладно».

Николай Беляев в своем фейсбук-аккаунте опровергал информацию о растрате общественных средств. «Поступившие деньги по-прежнему находятся у меня и будут использованы по назначению в соответствии с изначальной целью кошелька. Это общественные деньги». Николай Беляев, кроме того, рассказал об угрозах, которые стали поступать ему и его семье после предания этой истории огласке.

Ольга Романова утверждает, что средства были возвращены

Виктору Бондаренко усилиями Лиги избирателей — Николай Беляев отказался возвращать «общественные деньги». В результате скандала его кандидатура была снята с выборов в Координационный совет оппозиции.

Судя по тому, как в частных беседах отзываются об этом скандале активисты, работавшие с Николаем Беляевым раньше, история с «кошельком Бондаренко» поставила крест на его политических перспективах в рядах оппозиции. Во всяком случае, в ближайшем будущем.

«Призывы к честным выборам далеки от народа»

Катастрофа в Крымске стала поворотным моментом в судьбе многих оппозиционных активистов, поехавших на Кубань волонтерами. Одна из них — предприниматель Алена Попова, 29 лет, баллотировалась в Госдуму в 2011 году. Во времена зимних протестов она работала помощницей Ильи Пономарева и участвовала в антипутинских митингах. Активная сторонница «теории малых дел», Попова настаивала на том, что профессиональным политиком быть не хочет, а хочет предлагать «конкретные проекты». И все-таки создание Лиги избирателей она поддерживала, про «неэффективность системы» говорила, а на своей странице в «Фейсбуке» до сих пор называет себя «будущим премьер-министром России».

Потом случилась катастрофа в Крымске, куда Алена Попова уехала работать волонтером. Именно в этот момент ее взгляды кардинально поменялись. Вернувшись в Москву, она дает интервью газете «МК», в котором жестко критикует противников действующей власти и их лозунги.

«Все эти политические лозунги и призывы, все эти «честные выборы» и «справед-

ливые суды» далеки от народа, от реальной жизни, они совсем не о том, — заявляет Попова в интервью. — Реальные нужды людей совершенно другие — вода, еда, электричество, нормальная система оповещения в случае чрезвычайной ситуации. Я видела, как люди, потевшие все, боялись, что, если с ними что-то произойдет, их детей заберут в детдом и они будут там жить в кошмарных условиях. Это история о том, что вопли с митингов не имеют отношения к реальности — не про людей и не для людей».

«После Крымска слова «оппозиция» для меня не существует», — резюмировала Попова, раскритиковав оппозиционеров за недостаточное внимание к катастрофе в Краснодарском крае. Предпринимательница не стала баллотироваться в Координационный совет. Впрочем, ее шансы едва ли были велики: интервью Поповой вызвало слишком большое разочарование в среде оппозиции.

В годовщину первого митинга на Болотной площади корреспондент «Совершенно секретно» предложил Алене Поповой ответить на два вопроса: не изменилась ли ее позиция с июля 2012 года и по-прежнему ли она проводит различие между справедливым судом и «реальными нуждами людей»? Попова несколько раз обещала ответить, но на связь с редакцией больше не выходила.

«Не будет проблем с ЖКХ, если будут честные выборы»

В противоположность Алене Поповой другой активист, 34-летний Николай Левшиц, никакого разочарования в оппозиции не испытал. «Только еще больше осознал неповоротливость нашей бюрократической системы. Столкнулся с боязнью чиновников разных ведомств взять инициативу или

Алексей Навальный верит в скорую победу...

«Мы не отдадим то, что принадлежит нам. Нас не надо уговаривать подождать до 2013 года. Вы готовы ждать два года? Вы готовы ждать неделю?»

«...скорее всего, власть эта падет в обозримом будущем. Но даже если этого не получится, даже если она будет длиться годы... мы всё равно будем приходить»

... и уже не верит

ответственность на себя», — говорит Левшиц.

К оппозиционерам Николай присоединился после первой Болотной и сразу вошел в группу «Сопротивление». Работал наблюдателем на региональных выборах, ездил поддерживать Олега Шеина в Астрахань, долго находился на «Оккупай Абае».

В Крымск Николай Левшиц приехал сразу после наводнения и пробыл там с перерывами больше месяца. С мнением Алены Поповой он не согласен: «Нужно понимать, что все проблемы людей как раз и упираются в честные выборы, или коррупцию чиновников, или подконтрольность судов. Не будет проблем с ЖКХ, если будут честные выборы и справедливые суды».

Николай Левшиц сожалеет, что в Крымске волонтеры старались не афишировать свою политическую позицию, чтобы власти не представили это как самопиар. «А почему пиар, если это правда? Сейчас понимаю: можно было везде говорить, что я ходил зимой на митинги, а в Крымск приехал по зову души. Но мы скромные, честные... Мы молчали».

Левшиц считает, что смещение работы оппозиции в сторону «малых дел» — естественный результат действий Кремля против оппозиции. «Стало понятно, что быстро эту власть не поменять. Стало видно, что они применили репрессии и все свои административные ресурсы. А «малые дела» и активное участие в муниципальных выборах, где мы можем доносить свою позицию и рассказывать людям правду, стали находить отклик».

Сейчас Николай Левшиц участвует в рабочей группе Союза наблюдателей России, помогая набирать людей в участковые избирательные комиссии. Помимо этого, Николай занимается проектом поддержки детей-сирот. В новом году он планирует поработать советником кандидатов на региональных и муниципальных выборах и, как раньше, просто быть наблюдателем на выборах.

Лидеры протеста Алексей Навальный и Сергей Удальцов так и не смогли ответить на вопрос корреспондента «Совершенно секретно» о планах оппозиции на 2013 год. Ольга Романова, одна из ключевых фигур Координационного совета, напоминает, что еще год назад невозможно было представить себе мирно заседающих за одним столом левых, либералов и националистов. «Главное — понимать, что перед нами протопарламент. Да, мы деремся, в том числе публично. Потому что парламент — это место для дискуссий. Так давайте драться и там тоже», — считает Романова.

К чему приведут те перемены, которые произошли с лидерами оппозиции и гражданскими активистами за год? К спаду протестов и массовой апатии? К появлению новой волны, которую возглавят куда более радикальные и непредсказуемые политики? Или, несмотря ни на что, те, кто вышел на улицы в 2012 году, еще сохранили шанс стать серьезной гражданской силой, с которой власть будет вынуждена считаться? 2012 год оставил эти вопросы 2013-му.

Раскол среди российских интеллектуалов становится все более

Новые русские

Одно из самых ярких событий 2012 года в русскоязычном сегменте Интернета — появление самодельных журналистов, освещающих в режиме реального времени события, которые ни при каких условиях не имеют шанса появиться в эфире федеральных каналов. Аудитория таким журналистам оказалась рада. Власти — не очень

■ Юрий ТИМОФЕЕВ

Мероприятия оппозиции в Москве освещают десятки фотографов и операторов. Не редки случаи, когда их насчитывается больше, чем непосредственных участников события. Постоянные участники акций знают: люди с одинаковыми видеокамерами, одетые нарочито casual, — это оперативники Центра по борьбе с экстремизмом, занимающиеся «видеофиксацией». Возможно, настанет «день X» и «видеоафиксированным» участникам событий придется несладко. Чуть меньше на акциях протеста — профессиональных журналистов, пришедших сюда по заданию редакций и ожидающих красивых картинок «винтилова и проноса», то есть задержания участников акции и доставки их до полицейского автобуса. Остальные снимающие на акциях (и их подавляющее большинство) — «блогеры» (так их называют в свои рации люди в штатском и лаковых ботинках, руководящие «видеофиксаторами»).

Это, конечно, не вполне точное определение. Да, кто-то снимает в надежде раскрутить свой блог до уровня аудитории, интересующей рекламодателей, кто-то практикуется в репортаже, желая затмить снобистских профи. Однако не все движимы соображениями наживы или карьеры, среди снимающих появляется всё больше людей, называющих себя гражданскими журналистами, для которых такие репортажи не работа за зарплату, а гражданская позиция, миссия и даже стиль жизни. И несмотря на экономический кризис, общество отвечает гражданам-журналистам платежеспособным спросом.

— Источником средств для всей моей деятельности и существованию являются пять тысяч моих фолловеров в «Твиттере», — рассказывает Кирилл Михайлов, двадцатитрехлетний переводчик из Уфы.

Из его «Твиттера» (@ReggaeMortis1) всегда можно узнать, что «оппозиционно» происходит в Москве. Мы идем с ним с одного митинга на другой, Кирилл не отрывает взгляд от смартфона: отвечает на комментарии, ищет информацию о событиях, о которых он может успеть сегодня рассказать своим читателям, или с помощью этого же смартфона провести прямую видеотрансляцию. У Государственной Думы с плакатом «Спасем Леонида Развозжаева» стоит Александр Рыклин, главный редактор интернет-журнала e.j.ru. Кирилл становится единственным журналистом, который сообщил об этом пикете. У Кирилла с собой две сумки: с оборудованием и личными вещами. Он еще не знает, где

будет сегодня ночевать, и «кидает» в «Твиттер» просьбы о «вписке».

— Началось все с 5 декабря 2011-го, с первых массовых митингов против фальсификаций на выборах в Государственную Думу, — продолжает рассказ Кирилл. — Я участник Левого фронта, и у себя в Уфе мы тоже устраивали митинги. Пару раз выходил в прямой эфир телеканала «Дождь», давал картинку со своего смартфона с помощью программы онлайн-видеотрансляции. В апреле 2012-го я со своим другом Тимуром Хоревым (в настоящее время находится где-то за пределами России, опасаясь преследований властей. — Ред.) поехал в Астрахань поддержать борьбу Олега Шеина против фальсификаций на выборах мэра города. На следующий день уже вел твиттер-трансляцию с забастовки водителей маршрутных такси. Когда я увидел, как Ксения Собчак ходит по набережной Волги и приглашает удивленных астраханцев выйти на митинг, я понял, что это надо показать всем, и начал прямые видеотрансляции. Чтобы не кончились деньги на оплату мобильного Интернета, я попросил зрителя переводить деньги на Яндекс-кошелек. Я не ожидал, что пожертвования пойдут валом. Но ведь пошли... Мы купили смартфоны и фотоаппараты другим активистам, чтобы вести трансляции с других точек и фиксировать нападения на пикетчиков. Мой телефон во время одной из трансляций выхватили и разбили. На пожертвования я купил новый. У меня появилось много зрителей-подписчиков, и уже не было никаких сомнений, что такие трансляции нужны. После Астрахани мы поехали в Москву, чтобы принять участие в «Марше миллионов» 6 мая, транслировали столкновения ОМОНа с демонстрантами. Меня задерживали несколько раз во время гуляний по бульварам 7–8 мая, я вел трансляции из автозаков. Потом начались «оккупай» (летние лагеря оппозиции в разных точках центра Москвы. — Ред.), вел трансляции оттуда, ездил по регионам, был в Санкт-Петербурге, в Крымске после наводнения, в Нижнем Новгороде на «Марше регионов», в Киеве, Воронеже, Казани, вел трансляции со всех автопробегов из оппозиционных лагерей, которые устраивал депутат Госдумы Илья Пономарев. Последняя моя поездка была в Копейск, где взбунтовались заключенные.

Кирилл Михайлов сомневается, что у него есть перспектива получить штатную работу в какой-нибудь газете или на телеканале.

— Я не думаю, что меня могут взять на работу в традиционное СМИ, хотя они иногда и берут мои фотографии, — я необъективен, можно даже сказать, ангажирован и фак-

тически показываю события глазами активиста-участника. Веду трансляции с неинтересующих широкую аудиторию событий, например с судов над задержанными активистами. Но я работаю для той аудитории, которой все это важно. Иногда нас обвиняют в том, что мы делаем с политической активностью граждан то же, что и «торренты» с кинотеатрами: вместо того чтобы пойти на оппозиционную акцию, человек следит за ней на экране компьютера. Однако бывают и противоположные примеры: иногда ко мне подходят люди и говорят, что смотрели мою трансляцию и решили сами участвовать в гражданских акциях. Поэтому я начинаю каждую трансляцию словами: «Чем меньше народу будет меня смотреть, тем лучше. Приходите и смотрите сами».

Отсутствие постоянного жилья в столице и стабильных источников заработка Кирилла Михайлова не смущает.

— Квартиру я не снимаю — ишу ночлег у своих читателей. Не сразу, но находят места, где можно переночевать. В среднем пять-шесть раз в месяц меняю квартиру, но ночевать на вокзале ни разу не приходилось. Я не хожу по ресторанам, питаюсь в закусочных типа «Макдоналдс», раз в месяц могу позволить себе погулять в клубе «Завтра». Все затраты, включая расходы на командировки, на обновление техники, — за счет пожертвований. Я не могу сказать, что у меня есть сейчас денежные проблемы.

Потребности в офисе и профессиональном оборудовании для видеотрансляций Кирилл Михайлов не испытывает. И конкуренция его не пугает, скорее наоборот.

— Гражданская журналистика открыта для всех: достаточно желания, смартфона, доступа в Интернет и нетбука (в качестве дополнительного аккумулятора), чтобы начать трансляции. У меня есть проект Фонда гражданской журналистики, который будет помогать активистам, и не только оборудованием, но и пиаром, обучением. Нужно зарегистрироваться как СМИ — пресс-карта пока еще защищает от задержаний полицией. Нужен сайт, на котором любой человек может узнать, откуда, с какого события сейчас ведется трансляция. Многие уже занимаются гражданской журналистикой в Москве и регионах, но их не слышно, надо помочь им встретиться со своими читателями-зрителями. Менять телефон на профессиональное оборудование я не хочу — он помогает мне быть интерактивным. Во время трансляции я вижу комментарии зрителей, они просят задать определенные вопросы участникам событий, подсказывают, откуда

■ ПРОГНОЗ

Кем рассержены и почему горожане?

Директор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс» Александр Тарасов сформулировал главную проблему современной российской оппозиции

— Уже тот факт, что «рассерженные горожане» не могут сформулировать свою политическую позицию, говорит против них. В политике люди, которые не могут этого сделать, оказываются марionетками тех сил, которые политическую позицию имеют. Само понятие «рассерженные горожане» бессмысленно. Что значит «рассерженные» — против кого, почему? Возможно, каждый рассержен по-своему. Что значит «горожане»? В политике самоназвание не только маркирует группу, но кому-то ее противопоставляет. Кому противопоставлены «горожане» — сельским жителям, что ли? Это абсурд.

«Теория малых дел», о которой постоянно говорят «рассерженные горожане», — это действия в рамках существующей системы по ее частичному улучшению. В советский период любители говорить, что у нас «есть отдельные недостатки». Если у вас двор не убирают или протекает крыша — пишите письмо в орган власти. Как вы понимаете, это не было покушением на существовавшую систему и к реальным изменениям не вело.

Те, кого называют «лидерами протеста», — это очень разные люди. Часть из них представляет интересы каких-то общественных групп, временно и случайно оказавшихся вместе. Другие — например, Ксения Собчак — не представляют ничьих интересов, кроме своих собственных. Просто она, как раскрученная медийная персона, очень быстро и успешно пробилась в так называемые лидеры. Или вот чьи интересы представляет Борис Акунин? Ничьи.

Алексей Навальный и Сергей Удальцов — это люди, которые по всем параметрам должны противостоять друг другу. Одно дело — сторонник капитализма Навальный, другое — противник капитализма Удальцов. То, что они оказались рядом на одной трибуне, — случайность и недоразумение.

Существуют разные формы противостояния власти. Первая форма, оппозиция, — это политические действия внутри существующей системы в согласии с ее правилами. Оппозиция предлагает что-то подкорректировать в этой системе, но не заменить ее. Другая форма — это сопротивление. Оно отличается от оппозиции тем, что у людей есть альтернативный проект, который радикально расходится с существующим. Сопротивление предполагает реальную замену действующей системы, и власть не контролирует его, а может лишь стараться прихлопнуть. Это куда более долгая история, чем та, на которую рассчитывали люди с Болотной. Первым этапом должны стать разработка идеологии и проекта экономической и общественно-политической альтернативы существующей системе. И только после этого начинается вербовка сторонников, создание организационной структуры и так далее. Вот таких сил сопротивление у нас в стране пока нет, и альтернативного проекта — нет.

заметным. Линия водораздела — вопрос: «Сотрудничать или не сотрудничать с властью?»

журналисты

лучше снимать, даже помогают ориентироваться в городе. Иногда я хочу отдохнуть или поехать в регионы, но не могу, зная, что некому будет провести трансляцию с некоего важного события.

На вопрос: «Вы не боитесь репрессий?» Кирилл Михайлов, похоже, отвечал уже не раз.

— Сейчас проблем нет, но в принципе я готов. Все можно подвести под статью, но я думаю, что, если что-то со мной случится, уж точно кто-то подхватит и трансляторы станут еще больше.

Слово «репрессии» не производит особого впечатления и на основателей сайта Politvestnik. TV — профессионального диктора Александра Сотника и оператора Дмитрия Милехина. Они не ведут прямых трансляций с событий, как Кирилл Михайлов, а своей репортерской группой делают полноценные репортажи обо всех значимых событиях, и не только общественной жизни — записывают интервью, комментарии, фактически выполняют рабо-

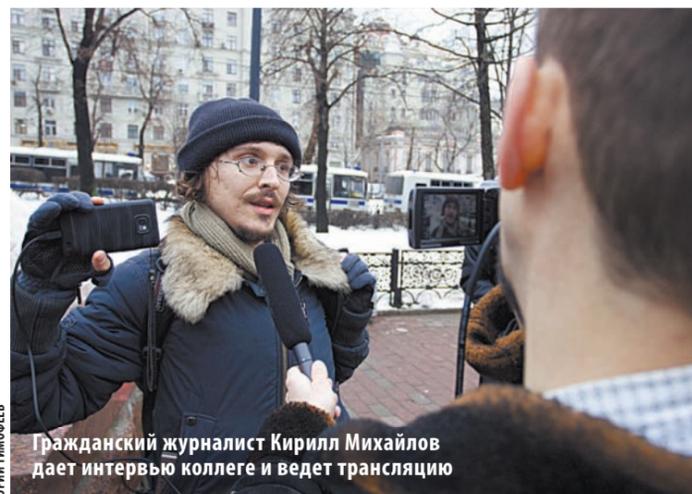
ту настоящего телевидения.

— С апреля 2012 года «Политвестник» — наше единственное место работы, — рассказывает Александр Сотник. — Первый взнос на покупку аппаратуры дал один предприниматель с условием, что если не получится, то мы вернем оборудование. Пока все получается. Сейчас мы работаем исключительно в интересах гражданского общества и за его счет. Мало того, мы принципиально не берем денег от политиков и не принимаем переводы из-за границы. Наша позиция простая: «Спасение утопающих» — дело рук самих утопающих», поэтому помощь принимаем только от граждан России, проживающих в России.

Наша работа в какой-то мере — это даже вызов гражданскому обществу: «Дядя Вася, хочешь видеть, что на самом деле происходит, — поддержи копеечкой!» Мы благодарны за любые пожертвования. Сейчас есть положительная динамика поступлений денег и уве-

личения числа подписчиков. Когда случилось наводнение в Крымске, с нами связался один из наших зрителей — обычный гражданин, молодой парень, никак не связанный с оппозицией или политикой. У него были свободные деньги, которые он, без сомнения, мог потратить на себя, но он решил, что узнать правду о Крымске важнее, и оплатил нашу командировку. Мы проехали по всем разрушенным населенным пунктам, пока официальные журналисты сидели в штабе МЧС, сняли почти часовой сюжет, в котором дали слово пострадавшим. В результате — более 60 тысяч просмотров только на Youtube. Надо подчеркнуть, что и при полном отсутствии финансирования мы продолжим свою деятельность. Будет, конечно, меньше сюжетов — нам придется где-то работать за зарплату, но свое дело мы не оставим.

Дело дошло до того, что люди стали презирать журналистов. Некоторые уже не хотят давать интервью, говорят, что

ЮРИЙ ТИМОВЕВ

Гражданский журналист Кирилл Михайлов дает интервью коллеге и ведет трансляцию

вы смонтируете, как НТВ, и я буду выглядеть идиотом. Открытая и честная позиция по финансированию нашего телеканала вызывает у зрителей доверие. Мы не возьмем деньги у какого-то олигарха, мы всегда расскажем о том, что сами видели, дадим выговориться непосредственным участникам событий и прокомментируем это так, как на самом деле думаем. Кстати, мы отказались делать видеоролики кандидатам в Координационный совет оппозиции — остались над схваткой.

Появление гражданских журналистов в России — закономерная реакция на состояние официальных средств массовой информации. Встречное движение государства пока тоже не удивило: 7 декабря у Павла Костомарова, который в качестве гражданского журналиста принимает участие в документальном проекте «Срок», прошел обыск. Пока он — только свидетель по делу о беспорядках на Болотной площади 6 мая 2012-го.

На кого не обижается Владимир Путин

PHOTOPRESS

■ Ирина ЧЕВТАЕВА

Совет за прошедший год потерял 17 своих членов. Сначала из него вышли журналист Светлана Сорокина и экономист Ирина Ясина — в знак протеста против массовых фальсификаций на выборах. А после избрания Владимира Путина президентом совет покинули еще 11 человек. Тогда председателю СПЧ Михаилу Федотову пришлось объявлять новый набор.

При этом Кремль предложил изменить порядок формирования Совета по правам человека: любая общественная организация теперь может выдвинуть своего кандидата, а станет ли он защищать права при президенте, определит сначала интернет-голосование, а затем Владимир Путин. Глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева на этом этапе также вышла из состава совета, заявив, что после таких процедур работать в этом органе станет невозможно.

Глава ассоциации «Голос» Лилия Шибанова и обозреватель «Новой газеты» Леонид

Никитинский, напротив, вошли в обновленный состав президентского совета. В интервью «Совершенно секретно» они пояснили свои мотивы:

Лилия Шибанова:

— Я вошла в состав совета, чтобы как-то изменить ситуацию с выборами. Мы сейчас внесли в Государственную Думу проект Избирательного кодекса России. И надеемся, что в ближайшее время состоятся слушания в Думе. Мне очень хочется, чтобы совет тоже дал свои рекомендации и оценку проекту. Возможно, депутаты прислушаются к ней. Другая проблема, которая меня волнует, — это поток обращений, связанных с нарушениями прав граждан. Чтобы изменить ситуацию, во многих случаях даже не надо менять закон. Достаточно четких разъяснений Верховного и Конституционного судов. Мы хотим инициировать обращение от имени совета и в тот, и в другой суд, чтобы потом соответствующие разъяснения можно было бы использовать в обычной судебной практике. Возможно, тогда права граждан окажутся защищены более основательно.

Весь 2012 год Совет по правам человека при Президенте России раздирали конфликты: многие его члены покинули состав совета в знак протеста против действий властей. На их место пришли другие люди, которых происходящее в стране смущает меньше

Леонид Никитинский:

— Я вошел в состав совета, потому что меня выдвинул Союз журналистов России. Я не понимаю ваш вопрос — почему я не должен был входить в него. Безусловно, у меня есть свои цели. Прежде всего, это противодействие давлению на средства массовой информации и борьба с «казакухой» в прессе.

— Считаете ли вы, что власть будет прислушиваться к вашим рекомендациям?

Лилия Шибанова:

— Я не думаю, что власть будет вмешиваться в законодательные инициативы. Мне кажется, что цель совета — это прежде всего поиск неких механизмов воздействия на конкретные органы власти, а не на президента. Наша цель — не только дискутировать, но и добиваться конкретных решений по прецедентным вопросам.

Леонид Никитинский:

— Боюсь, что власть вряд ли будет прислушиваться к рекомендациям членов совета. Но это ничего не меняет. Нужно просто делать свое дело.

— Не помешает ли правозащитной работе расширение состава совета?

Лилия Шибанова:

— Я думаю, в той команде, которая сейчас складывается, можно что-то делать. В той теме, которой я буду заниматься, взаимодействовать, например, с Игорем Борисовым (бывший член Центральной избирательной комиссии. — Ред.), конечно, будет сложно.

Но мне кажется, что он единственный, с кем могут быть проблемы.

Леонид Никитинский:

— Я делаю то, что я должен делать, то, что считаю необходимым. Надо делать дело, а результат зависит не от нас. Сегодня в совете преобладают те люди, с которыми я бы хотел работать. Есть часть людей, которая мне представляется скорее искусственно созданными фигурами — я не верю, что они принадлежат к самостоятельно сформированному гражданскому обществу. Это, видимо, каким-то образом будет сказываться. Работать будет, конечно, сложно. Никто и не обещал, что будет легко. Но разные мнения — это нормально. В этом совете представлено действительно много интересных, активных людей и общественных организаций.

— Не считаете ли вы, что можете понести репутационные издержки, работая в совете?

Лилия Шибанова:

— Вы знаете, у нас уже такая репутация, что испортить ее просто невозможно. Нам это точно не грозит.

Леонид Никитинский:

— Не думаю, что это негативно может отразиться на моей репутации. И «Новая газета», которая меня туда не направляла, но поддерживала мое решение, тоже не считает, что это плохо отразится на ее репутации. Мы не ставим целью конфронтацию с кем бы то ни было, мы хотим разговаривать,

сотрудничать. «Митьки никого не хотят победить». Мы хотим, чтобы нас было лучше слышно. Мы журналисты, а отнюдь не военные и не разведчики. Наша функция состоит в том, чтобы как можно громче сказать то, что мы думаем. Только это должно быть обоснованно и честно.

— Что должно случиться, чтобы вы вышли из состава президентского совета?

Лилия Шибанова:

— Если наша работа будет абсолютно бесполезна, если она превратится в пустую трату времени, а сам совет будет выглядеть просто как «тусовка», тогда, конечно, я выйду из него.

— Я сделаю все, чтобы не обижаться ни на что из того, что услышу от вас, — сказал Владимир Путин на первом заседании совета в новом составе. — Но и вы, пожалуйста, на меня тоже не обижайтесь.

2013 год покажет, были эти слова президента приглашением к сотрудничеству или предупреждением. Мы также узнаем, удалось ли новым членам президентского Совета по правам человека добиться успеха там, где потерпели фиаско их предшественники. Но нет никаких сомнений в том, что в 2013-м дискуссия о моральной допустимости сотрудничества с нынешней российской властью по-прежнему будет острой.

ОМОН как диагноз

Что происходит в головах у омовцев, которые обеспечивают порядок на митингах?

■ Дмитрий Флорин

Весь последний год я ходил на митинги как журналист. И не раз встречал там своих недавних сослуживцев. Наш рязанский ОМОН перекрывал Zubовский бульвар, когда его взяли в «Белое кольцо». Позже — стоял в цепи, преграждая путь колонне координатора «Левого фронта» Сергея Удальцова у метро «Арбатская». Товарищи, увидев меня, радовались, жаловались на то, что не понимают, какого черта их привезли в Москву, и даже пытались выяснить, как отличить оппозиционеров от «нашистов».

Среди омовцев у «Арбатской» был и мой бывший коллега Саша — мы с ним «восстанавливали конституционный порядок» в Чечне.

Эти дни я помню до мельчайших деталей. Мы играли в карты, защищенные блокпостом так, что с дороги нас видно не было. К блокпосту подъехала машина, водитель не заметил нас и не останавливаясь двинулся дальше. Саша, бросив карты, буквально сорвался с цепи: схватил автомат, передернул затвор и выпустил очередь: «Сука, стой!» Я едва успел долбануть по его автомату, чтобы очередь не попала в машину.

— Ты охренел?! На посту никого не было, — заорал я.

— А по фигу — должен был остановиться и ждать! — ответил Саша.

В той машине, помимо водителя — чеченского милиционера, оказались три женщины и двое детей.

Если бы Саша попал в машину, вероятнее всего, потом всё объяснили бы так: «россий-

ские милиционеры пресекли попытку незаконного проезда через блокпост вооруженной группы под прикрытием женщин и детей». Оружие и взрывчатку у них в машине точно бы нашли — не сомневаюсь.

Кстати, Саша был самый лучший в роте «вышибала» — специалист по отбиранию денег у задержанных. Сколько поломанных носов, выбитых зубов и сломанных ребер... Не думаю, что он считал.

И вот теперь Саша охраняет законность на митингах.

Разрядка напряженности

На войне мы, как будто защищаясь от того, что происходит вокруг, всё время говорили о доме, о детях, о женщинах, по возвращении — о войне. На войне сняты сны о доме и возвращении, дома — о войне и невозвращении: ты не можешь бежать от войны, даже если хочешь.

Сны рассказали бы о нас, тех, кто прошел войну, многое. Но только хочет ли кто-то «многое» про нас знать?

Вот один из мучающих меня до сих пор кошмаров. Стою в строю на отправку. Зачитывают приказ — в стороне семьи отъезжающих. Кто-то плачет, кто-то фотографирует. Спрашиваю стоящих рядом: «Я же уволился? Почему меня опять отправляют в Чечню?» Отвечают: «Людей не хватает, теперь всех отправляют, тех, кто уволился, — тоже».

Другой стандартный сон — о сломанном автомате. Еще один — о том, как попадаю в окружение. Вот-вот плен, а гранаты куда-то исчезли, и самоподорваться нечем...

Еще после первой командировки в Чечню весной 2001 года родные поняли, что меня нельзя будить, пока я не проснусь сам. Иначе я не понимаю, где нахожусь... Когда меня в первый раз разбудили, я орал: «Не понял!» и скачками перемещался по комнате, стараясь не попадать в район окон (на случай обстрела), не узнавал близких, которые казались мне вражеским окружением. До-

командировки в Чечню сидели с другом во дворе. Мирно беседовали о вечном. Подошли два пьяных молодых человека, потребовали сигарет. Не курил. В ход пошло обычное пьяное: «А если поискать?». Вот тут и произошло замыкание. Ненависть сжала голову. На лоб накатил волна тепла, и откуда-то всплыла такая привычная команда: «уничтожить».

Последняя попытка не

себе — воюем с террористами, чтобы вы, гады, могли жить спокойно, а вы не цените... И — по кругу, копия обиды.

А ведь мог бы просто радоваться, что приехал живой, что сижу во дворе с другом, что отвоевался...

«Предел допустимой самообороны» для участника боевых действий — пустые слова. На войне так думать нельзя. От этого зависит жизнь. Решения

«Предел допустимой самообороны» для участника боевых действий — пустые слова. Реакция ветеранов жесткая и зачастую неадекватная степени опасности. А ветеранов в ОМОНе много. И я думаю, неслучайно

машине постепенно привыкли и терпеливо ждали, когда я проснусь сам. Им пришлось помнить об этом не один год.

Коллега рассказывал, как после командировки в Чечню вскакивал по ночам, командуя жене «рассредоточиться по окнам». Она сначала пугалась, потом привыкла и послушно «рассредоточивалась», ожидая пока ее муж окончательно проснется и поймет, где он находится.

Пытаюсь понять, что со мной происходило, когда я вернулся с войны, я нашел, как мне кажется, точный образ. У воюющих как бы перегорают предохранители. В тех случаях, когда нормальный человек может сдержаться, пусть и в тяжелой, пусть и в унижительной для себя ситуации, «возвращенцы» срываются в штыпор. Знаю. Испытал на себе. Помню, как после очередной

взорваться — встаю и почему-то говорю: «Кругом и бегом отсюда — пять секунд».

Молодчики ввиду алкогольной заторможенности опасности не почувствовали, тупо протянув: «Че?»

Далее всё происходило стремительно. Удар, сланцы с ног в разные стороны, еще удар... В какой-то момент один крикнул второму: «Заходи со спины и сбивай его». Лучше бы он этого не делал. Я схватил подвернувшийся под руку кирпич и прицелился в голову.

К тому времени я был только в одной поездке в Чечню. Думаю, только поэтому сумел взять себя в руки. Драка закончилась, шпана отступила.

А голова еще долго болела от ярости. Разговаривал сам с собой, как, наверное, многие из моих товарищей, оказавшись на гражданке. Мы — говорил я

надо принимать моментально. Избавиться от этих навыков на гражданке почти невозможно. Именно поэтому реакция ветеранов быстрая, жесткая и зачастую неадекватная степени опасности или оскорбления.

А ветеранов в ОМОНе много. И теперь я думаю, неслучайно.

Боевые заслуги

Бойцов ОМОНа часто упрекают в чрезмерной жестокости при задержаниях. Бывает.

...Несколько лет назад наша дежурная группа передвигалась по городу на машине. Увидели, что на остановке автобуса несколько молодых людей избивают своего сверстника. Первым среагировал наш водитель. Машина вылетела через встречу на тротуар. Она еще не остановилась, а водитель Сергея уже был на улице и гнался

Москва, 2012 год

ДЕНИС ВЫШИНСКИЙ / КОММЕРСАНТЪ

за одним из участников драки. Мы вывалились из машины, вообще не понимая, в чем дело, потому что начала конфликта просто не видели. Но сработал «боевой взвод» — просто кинулся за двигающейся мишенью.

В Чечне бы я за ним не бежал — с собой было оружие. Но тут нельзя, мы не на войне. «Своего» я догнал и сбил с ног. Дальше, автоматически, его — на живот, коленом в шею, пара «расслабляющих» ударов, руки за спину, на излом... Потом поднял его с земли автоматом, сдавил горло спереди, на конвоирование и в машину.

В итоге поймали двоих. Повезли в ближайший отдел. Задержанные забились от нас под кресла «уазика». Когда мы приехали в РОВД, у одного из них штаны были мокрыми.

Вытащили из машины, закинули им руки за голову, головы вниз, чтобы не видели наших лиц (масок с собой не брали), и далее — в отдел под жестким конвоированием. Это когда в шею упирается ствол оружия, а свободная рука держит в напряжении какую-либо болевую точку.

Мы затащили их в коридор, поставили на «полушпагат» и еще раз более тщательно провели «наружный осмотр». В нормальной полиции это значит «похлопывание и прощупывание карманов с требованием предъявить подозрительное содержимое», у нас — выкрученные наружу карманы и выброшенное на пол их содержимое.

При этом безо всякой необходимости старший группы стал проводить допрос. От

страха один из задержанных не мог вспомнить свое имя и возраст. Всё происходило по «боевой схеме», как в Чечне — на задержанных орали, их пинали, а то и били.

Капитан, дежурный по отделу, прибежал, пытаясь привести нас в чувство. Был послан: «Они пока наши, мы тебе их не отдавали еще».

Для меня, участвовавшего во всем этом, не вставало вопроса — правильно ли мы поступаем? Мы добросовестно отработывали то, чему нас учили перед отправкой на войну и чему мы сами научились на войне.

Работа у нас такая

Чаще всего наша ежедневная рабочая смена в ОМОНе начиналась с зачистки «потенциальных мест нахождения

лиц кавказской национальности». Официально мы получали приказ быть в готовности для возможной помощи постовым милиционерам, операм и вообще к экстренным случаям.

Командование назначало наряды, и вооруженные бойцы выезжали во вверенные им районы.

Далее — та самая неофициальная зачистка по «возможным местам скопления» наших «клиентов».

В основном — рынки и торговые комплексы. Делалось всё по правилам боевой операции.

Группы высаживались в разных местах объекта, с флангов ОМОН заходил к центру, к точке сбора. На ходу задерживались все «лица кавказской

национальности» или те, кто на них похож, у них отбирались паспорта, их затаскивали в машины.

В машине уже работали «дознатели». В короткие сроки им было нужно отсеять из общего количества задержанных тех, у кого есть какие-то нарушения. Неважно — регистрация, просроченный паспорт или привычка «задавать вопросы». Родившиеся в Чечне, Ингушетии и Дагестане — без вариантов — «наш контингент».

Работали, как умели, а умели только так, как в Чечне.

И беседа в машине была очень похожа на допрос подозреваемых, взятых на зачистке.

И когда стоящая рядом с ряжанским городским рынком машина раскачивалась от «бе-

■ ЭКСПЕРТИЗА

Психолог — о том, можно ли вылечить полицейских от жестокости

Михаил Виноградов, психолог, психиатр-криминалист, доктор медицинских наук, руководит Центром правовой и психологической помощи в экстремальных ситуациях, который сотрудничает с МВД.

ВАСИЛИЙ ИВАН / ФОТОПРЕСС

— Многие полицейские воевали в горячих точках. После этого им жизненно необходима реабилитация. В настоящее время ее фактически не проводят.

Кроме того, в горячие точки должны направляться не по разрядке, а по рекомендации психолога, лучше — после специальной психологической подготовки. У полиции есть для этого все возможности: деньги, силы, средства.

Для начала те, кто возвращается из зоны боевых действий, должны пройти обследование у психологов и психиатров — так называемое психодиагностическое обследование. По его результатам выстраивается режим реабилитации и адаптации к обычной жизни: в санатории или в больнице. Некоторых, вероятно, придется на время отстранить от работы с оружием.

Раньше, чтобы милиционер умел трезво оценивать обстановку и сдерживать свою агрессию, с ним проводили специальные тренировки. Даже в совершенно мирной жизни. Психологам известно, что бойцы, к примеру, СОБРа и ОМОНа, находясь на дежурстве в отсутствие вызовов, испытывают серьезный дискомфорт от ожидания стресса. И требуется разрядка. Именно поэтому «засидевшихся»

бойцов отправляли в спортзал, а иногда и к психологам, чтобы снять это напряжение ожидания.

А ведь когда человек приходит с войны, опасностей куда больше. Ситуация с полицейскими, страдающими посттравматическим синдромом, стала критической после того, как начались масштабные выступления оппозиции. Мы уже наблюдали столкновения активистов с полицейскими и видели проявления излишней жестокости. Недопустимо, чтобы насилие по отношению к мирным людям нарастало.

Полицейские, которые не прошли реабилитацию после боевых действий в горячих точках, как правило, озлоблены, они склонны к физическому насилию — вплоть до неправомерного применения оружия. Кроме того, многие из них начинают злоупотреблять спиртным, что в итоге может привести к алкоголизму.

Новый министр внутренних дел Владимир Колокольцев, насколько я знаю, начал эту ситуацию исправлять. Прежде всего, он требует от подчиненных, чтобы те вычисляли людей, склонных к жестокости, и изгоняли их из рядов полиции. При этом речь не только о рядовых, но и о генералах тоже. Моя позиция: те, кто не может адаптироваться к мирной жизни, должны быть уволены из полиции безжалостно.

сед», у бойцов не возникало вопроса: «А это законно?» По-другому не учили.

Время от времени наш отряд бросали в город с установкой «работать жестко» и в других ситуациях. Именно тогда я впервые подумал: а может, нас для этого и держат на службе и не дают выходить из «боевого режима»?

Однажды бандиты при ограблении магазина расстреляли приехавший по тревоге экипаж вневедомственной охраны УВД.

В городе ввели экстренный план «Вулкан», в подразделения вызвали всех сотрудников. Нас собрали в райотделе. Дали команду — показать, кто в городе хозяин, действовать жестко.

Разделили на группы и по карте раздали улицы — какой части где работать. Цель — увеселительные заведения. Официально это называлось «усилением паспортного ре-

Дмитрий Флорин (в центре). Чечня, Ножай-Юрт, 2001 год

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Врач узнала, что был в Чечне. Сказала, что у нас, инфицированных ПТС (посттравматический синдром), — обостренное чувство справедливости. Мол, из-за этого и клинит сердце. Наверное, правда. Наверное, не вся

жима» — мы должны были проверять документы и в случае их отсутствия сдавать задержанных в автобус, доставлявший их по райотделам «для установления личности».

В реальности мы работали, как на зачистке, исключив лишь стрельбу при малейшей угрозе. Мы точно так же «отрабатывали» объекты — окна, двери, дворы; вход в помещения производился в боевом варианте.

Самый быстрый вбегал внутрь, за ним следовали остальные, сбивали с ног всех попадавших на пути, оставляли за собой удары «на память», затем всем закручивали руки и либо держали на полу, либо, если человек успел прижаться к стене, впрысывали в нее с руками за голову и на «растяжке» — максимально расставленными в стороны ногами.

Автобусы не вмещали задержанных, райотделы были забиты стоящими на «полушпагатах» людьми. «Особо выступающих» оформляли рапортом за мелкое хулиганство (в рапорте — «нецензурная брань в общественном месте»), а на месте «отрабатывали» с помощью боевых приемов борьбы.

Преступников мы, разумеется, не поймали, но операция утешения удалась. Что умеем, то умеем. За это — понял я позже — и ценят.

Реабилитированные

После возвращения из первой чеченской командировки весной 2001 года случайно стал обладателем путевок в госпиталь ветеранов войн — оказывается, нам по закону положена «реабилитация». И хотя ездил в Чечню отряд из 50 человек, путевок почему-то выделили всего 5.

Госпиталем оказался бывший пионерлагерь какого-то завода под Рязанью, в поселке Солотча, примерно в 20 км от города.

Мы были здесь самыми молодыми. Основной контингент — ветераны Великой Отечественной и, как нам потом

сообщили, несколько ветеранов «неофициальных войн» — в Корее и Вьетнаме.

Поселили на одном этаже в соседних номерах. Только предупредили — если к вам подойдут старики и спросят, почему это вас кормят лучше, чем нас, отвечать надо: за нас доплачивает наше ведомство.

Целыми днями мы ничего не делали. Никто о нас даже не вспоминал. Ну и отлично, «ничего» по традиции перерастало в ежевечерние застолья. Днем ходили на ближайший водоем купаться. Чем реабилитация отличалась от обычного отпуска, мы сначала не поняли. Лучше бы отдали деньгами. Или хотя бы вернули нам невыплаченные «боевые».

Дней через пять к нам привезли психолога. Представитель УВД приехал с женщиной средних лет и сообщил, что вечером всем надо собраться вместе. Собрались не все. Кто-то продолжил борьбу с посттравматическим синдромом по традиционной методике — за стаканом.

Нас же посадили в круг и попросили представиться. Как положено — имя, звание, выслуга, сколько командировок в Чечню.

Затем всем раздали бумагу, краски и карандаши, попросили что-нибудь нарисовать.

Я нарисовал дом. Кто-то — танк. Один наш товарищ нарисовал какой-то орнамент.

Психолог сказала, что с автором орнамента ей надо поговорить отдельно. Он испугался и сказал, что ему некогда. Понимаю, мы все побаивались психушки.

Нас попросили объяснить, почему мы нарисовали такие картинки. Почти все ответили: «Просто пришло в голову». Ответы психологу понравились. На этом наша реабилитация закончилась.

Мы пробыли в этом госпитале около недели. Через месяц — на новую подготовку. Еще через два — опять в Чечню. Эта была моя первая и последняя «реабилитация». После следующей командировки путевок мне не вручали.

Возвращение никем

На войне ты кто-то. Царь блокпоста, император КПП базы, президент группы зачистки... По ощущению. От тебя зависит многое. Ты можешь стрелять, можешь взрывать, можешь избивать, вершить суд так, как считаешь нужным.

Законы — это там, далеко, дома. Здесь свои законы или отсутствие таковых. Приказ заменяет Уголовный кодекс, а личное мнение — Конституцию.

Чаще всего, совершая что-то противозаконное на войне, никто не думает, что за это придется отвечать. Опыт показывает: обычно ответственности за это никто не несет. Так сложилось.

Сложилось на войне, а «работает» на гражданке.

Если человек неудачно пошутил при проверке документов на посту ГАИ под Рязанью, он может пускать кровавые пузыри лежа в грязи, точно так же, как пускал бы их на выездном блокпосте у развилки Даттах — Ножай-Юрт в Чечне.

При этом практически никто из воевавших не замечает «деформации личности». Хотя о «вежливом и корректном отношении к гражданам» омонументам напоминают ежедневно в приказе, который зачитывается, когда они заступают на службу. Вежливость и корректность для ветеранов Чечни? Не убили — значит, были вежливы и корректны. Примерно так.

Когда в суд попадает дело об очередном полицейском, превысившем полномочия (чаще всего, поколотившем мирных граждан), полицейское руководство объявляет: герой дела прошел через Чечню. Для потерпевших это трагедия; скорее всего, обидчика всего лишь отправят на лечение от «посттравматического синдрома». А потом он опять возьмет в руки дубинку и наручники...

Мой коллега по последней командировке в Чечню уже давно мог выйти на пенсию. Выслуга позволяла. Но он не выходил.

Более того — рвался в бой. Отсидев с нами в Чечне 3 месяца, вернувшись домой, через

полтора месяца он ехал меняться на полсрока с кем-то из того отряда, который менял нас.

Мы удивлялись, зачем? Он мог никуда не ездить. Мог выйти на пенсию. Он не мог.

«Понимаешь, в Чечне все понятно — отработал, отдохнул, выпил, поспал, на работу, только старайся живым остаться. А дома? Приехал: первый месяц — как в сказке. Все тебя любят, кормят, уважают. А потом наваливается гора проблем — дети, жена, ЖКХ, ремонт, огород... Не справляюсь», — объяснял мой коллега.

Он такой не один. Когда наш отряд сняли с одного из мест дислокации в горах перед переброской в Грозный, образовалась «временная дыра» в несколько месяцев, которые надо было провести дома. Разговоры были об одном: ну когда же уже поедет...

Посттравматический финал

Опять слег с сердцем. Кардиолог сказала, что я рекордсмен по возрасту с таким заболеванием. Уже слышал это в прошлом году в реанимации другой кардиологии.

Врач узнала, что был в Чечне. Сказала, что у нас, инфицированных ПТС (посттравматический синдром), — обостренное чувство справедливости. Мол, из-за этого и клинит сердце.

Наверное, правда.

Наверное, не вся.

...До прихода президента Путина к власти срок командировок милиционеров в Чечню составлял 1,5 месяца. При нем — 2 месяца, затем — 3. Врачи говорили: такой длительный срок пребывания в экстремальной ситуации приводит к необратимым изменениям в психике. Врачей не слушали.

В 2001 году один боец рязанского ОМОНа по ошибке свалил машину с моста, следуя с блокпоста на базу. Остался цел, но покалечил сидевших в машине коллег. Сам на себя наложил наказание: отказался возвращаться домой, оставшись сразу на следующую командировку. Через 4,5 месяца с момента его отъезда из дома (его 3 месяца плюс еще 1,5 месяца «сверхсрочных») по приказу врачей военно-врачебной комиссии бойца вернули домой. Врачи сказали: психика не выдерживает, 4,5 месяца — предел.

Ближе к концу первого президентского срока Путина командировки милиционеров в Чечню продлили до 6 месяцев.

...Теперь мои бывшие товарищи обеспечивают порядок на митингах. А те, кто ходит на них, не знают, чем это им грозит. Я знаю. Впрочем, все равно хожу.

БИОГРАФИЯ

После срочной службы в ВДВ в 1997 году Дмитрий Флорин поступил на службу в правоохранительные органы.

В марте 2001 года — первая командировка в составе ОМОНа в Ножай-Юртский район Чечни в составе группировки, созданной для проведения контртеррористической операции. Получил статус ветерана боевых действий и крест внутренних войск «За отличие в службе» 1-й степени.

В сентябре 2001 года — вторая командировка в составе ОМОНа в тот же горный район Чечни.

В октябре 2001 года участвовал в двухнедельной операции «по блокированию и захвату президента Ичкерии Аслана Масхадова» в районе сел Симсир, Байтарки и Татай-Хутор. Масхадов тогда ушел из окруженного района с небольшим отрядом.

10 ноября 2002 года уволился из правоохранительных органов по собственному желанию. Накануне пять рапортов об увольнении пропали из отделения при странных обстоятельствах. Конфликт с командованием, потерявшим их, длился полтора месяца.

Восемь лет длились судебные тяжбы за «боевые» выплаты, полагающиеся участникам боевых действий.

Календарная выслуга в МВД составила 5 лет, в связи с ра-

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ботой в спецподразделении и участием в боевых действиях 5 лет считаются за 6,5 года.

Еще находясь на службе в МВД, начал писать для «Новой газеты». Первая статья вышла осенью 2002 года под названием «Как становятся ментами».

С тех пор сотрудничал с разными изданиями. В 2010 году стал получать угрозы из-за своей статьи о встрече ветеранов чеченской войны, представляющих противоборствующие стороны. Полиция угрожавших не нашла. В целях безопасности с помощью организации Frontlinedefenders временно уехал из России.

В 2011 году с группой итальянских единомышленников создал и возглавил зарегистрированный в Милане сайт «Интеркавказ», получивший в том же году Сахаровскую премию «За журналистику как поступок» за статьи о чеченской войне.

Кофе с русским акцентом

Кто-то предпочитает кофе в постель, но большинство из нас, как в известном анекдоте, — лучше в чашку или кружку, бокал или стакан. Главное, что без кофе сейчас не представляют своей жизни миллионы людей на планете. Он бодрит и освежает, прогоняет усталость и поднимает настроение. Его родина — Африка, провинция Каффа, расположенная в Эфиопии, а его главные фанаты живут на севере — это шведы, финны и датчане, лидирующие по количеству кофе, употребляемого в расчете на одного жителя. Но и Россия, впервые испробовав этот напиток при Петре I, влюбилась в кофе раз и навсегда и сегодня является одним из крупнейших импортеров кофейных зерен, занимая шестое место в мире. Более того, благодаря таким компаниям, как «Московская кофейня на паях», наша страна превратилась в ...настоящую кофейную державу, производящую высококачественный кофе, который получает высшие международные награды и неизменно вызывает похвалы как специалистов, так и любителей этого чудесного напитка.

Спасибо Макс

«Хороший кофе должен быть черен, как дьявол, горяч, как адский огонь, и сладок, как поцелуй» — гласит мадьярская поговорка. «Кофейный рынок» сейчас предлагает сотни разновидностей кофе, как правило, состоящих из смеси нескольких сортов — на все вкусы и потребности. Но, пожалуй, один из секретов этого напитка кроется в обжарке зерен. Это настоящее искусство, считают знатоки этого дела. Легкая обжарка придает кофейным зернам кислотоватый вкус, более сильная — пикантную горчинку. Как дирижер, взмахом руки меняющий звучание оркестра от еле уловимого пиано до победно ликующего форте, специалисты обжарки зерен владеют мастерством раскрывать все оттенки вкуса и аромата кофе, чуть меняя температуру и продолжительность обжарки зерен. Ну а потом наступает черед следующих нюансов — насколько тонко смолоть готовые зерна и как правильно приготовить кофе. Эти «три кита», собственно, и позволяли людям наслаждаться этим чарующим напитком на протяжении веков, пока некий Макс Моргенталер, химик из Швейцарии, не произвел настоящий переворот в «кофейном мире», став изобретателем растворимого кофе. Тут не надо гадать на кофейной гуще, чтобы понять, что для славного древнего напитка наступили новые времена: он стал более демократичным. И чтобы получить великолепный напиток, надо просто купить банку отличного растворимого кофе. Главное — не ошибиться в выборе.

Не кот в «мешке»

Понятно, что климат наш не позволяет вырастить кофейные деревья. Все производители кофе, даже те, кто имеют свои заводы по его переработке, закупают зеленые кофейные зерна на бирже. И тут уж как повезет — кто знает, где и как хранились эти 60-килограммовые мешки и какого они окажутся качества. Однако в России существует компания, которая не только производит, но и сама выращивает кофе. Это «Московская кофейня на паях», один из лидеров на рынке натурального растворимого и жареного кофе. Это единственная компания, располагающая собственными плантациями кофе в предгорьях Колумбии. Более того — у нее еще есть и свой завод по первичной переработке кофейных ягод, располагающийся там же. А это значит, что весь процесс — от выращивания кофе до его переработки — находится под контролем специалистов ком-

пании и в конечном итоге здесь получают сырье высочайшего класса, в качестве которого уверены.

Можно сказать, что великолепный вкус и аромат своего кофе «Московская кофейня на паях» профессионально культивирует на всех этапах. Во-первых, работники собирают только спелые кофейные ягоды, а это существенно ска-

паях», поистине вкуснейшим. Первое — это высокотехнологичное производство, второе — высококлассные специалисты. Существенная деталь — этот кофе свежайший, поскольку с момента его переработки и упаковки на подмосковном заводе до попадания на прилавки магазинов проходит буквально 1–2 дня (в регионы — чуть подольше). И третье — суперсовремен-

производстве, оснащенном новейшим немецким и датским оборудованием, автоматизация достигает 98 процентов! А это является гарантией стабильно высокого качества продукции. Именно этот завод, в который было вложено \$80 000 000, позволяет теперь России встать в один ряд с мировыми лидерами переработки кофе — такими, как Швейцария и Дания,

кипятком, чтобы уже через пару минут окончательно проснуться и взбодриться, отхлебывая утренний кофе. Правда, истовые «кофеманы» отдают предпочтение исключительно свежемолотому кофе. Однако и тут их непоколебимую уверенность в своей правоте пошатнули специалисты «Московской кофейни на паях». Им впервые в мире удалось соединить преимущества свежемолотого и растворимого кофе, взяв лучшее от каждого из них. Они создали Aroma fresh кофе под маркой Espresso, который так же превосходен на вкус и ароматен, как только что сваренный молотый кофе, но при этом его не нужно караулить на плите или дожидаться, пока его приготовит кофеварка или кофемашина. Его достаточно просто залить кипятком, упрощая до минимума процесс приготовления вкуснейшего напитка.

Секрет новшества прост — это инновационная технология, которая творит чудеса. Правда, для того чтобы качество продукта было безукоризненным, кофейные зерна высокогорной арабики отбираются вручную и степень их обжарки в дополнение к «умным машинам», которые это делают, контролируется дегустаторами. И результат такого сочетания последних достижений науки со «штучной» работой высококлассных специалистов оказался настолько впечатляющим, что удивил того, кого в «кофейном деле» удивить почти невозможно — Нестора Осорио, самого авторитетного эксперта по кофе в мире, главу Международной организации по кофе (ICO), объединившей под эгидой ООН 77 стран, производящих и обрабатывающих кофе. По его словам, вкус и аромат Aroma fresh кофе под маркой Espresso не имеет себе равных в своем классе.

зывается на вкусе кофе в лучшую сторону. Во-вторых, ягоды перерабатывают, извлекая из них ценные зерна, самым прогрессивным, самым качественным способом — влажным. Он более дорогой, чем сухой способ, но зато результат говорит сам за себя: кофе, приготовленный из зерен, полученных влажным способом, намного более вкусный и ароматный. Затем кофейные зерна расфасовывают в мешки. Так, в мешках, кофе транспортируется в Россию — на основной завод для дальнейшей переработки. Другие участники рынка вынуждены закупать кофе на бирже, и где на самом деле был выращен такой кофе, как его собирали и обрабатывали, неизвестно. В то время как контроль за выращиванием сбором и первичной переработкой дает неоспоримые преимущества «Московской кофейне на паях»: этот кофе уже не «кот в мешке», как с биржи, а продукция, высокое качество которой не оставляет никаких сомнений.

Секреты вкусного кофе

Еще три немаловажные вещи делают кофе, выпущенный «Московской кофейней на

паях», поистине вкуснейшим. Первое — это высокотехнологичное производство, второе — высококлассные специалисты. Существенная деталь — этот кофе свежайший, поскольку с момента его переработки и упаковки на подмосковном заводе до попадания на прилавки магазинов проходит буквально 1–2 дня (в регионы — чуть подольше). И третье — суперсовремен-

производстве, оснащенном новейшим немецким и датским оборудованием, автоматизация достигает 98 процентов! А это является гарантией стабильно высокого качества продукции. Именно этот завод, в который было вложено \$80 000 000, позволяет теперь России встать в один ряд с мировыми лидерами переработки кофе — такими, как Швейцария и Дания,

кипятком, чтобы уже через пару минут окончательно проснуться и взбодриться, отхлебывая утренний кофе. Правда, истовые «кофеманы» отдают предпочтение исключительно свежемолотому кофе. Однако и тут их непоколебимую уверенность в своей правоте пошатнули специалисты «Московской кофейни на паях». Им впервые в мире удалось соединить преимущества свежемолотого и растворимого кофе, взяв лучшее от каждого из них. Они создали Aroma fresh кофе под маркой Espresso, который так же превосходен на вкус и ароматен, как только что сваренный молотый кофе, но при этом его не нужно караулить на плите или дожидаться, пока его приготовит кофеварка или кофемашина. Его достаточно просто залить кипятком, упрощая до минимума процесс приготовления вкуснейшего напитка.

Секрет новшества прост — это инновационная технология, которая творит чудеса. Правда, для того чтобы качество продукта было безукоризненным, кофейные зерна высокогорной арабики отбираются вручную и степень их обжарки в дополнение к «умным машинам», которые это делают, контролируется дегустаторами. И результат такого сочетания последних достижений науки со «штучной» работой высококлассных специалистов оказался настолько впечатляющим, что удивил того, кого в «кофейном деле» удивить почти невозможно — Нестора Осорио, самого авторитетного эксперта по кофе в мире, главу Международной организации по кофе (ICO), объединившей под эгидой ООН 77 стран, производящих и обрабатывающих кофе. По его словам, вкус и аромат Aroma fresh кофе под маркой Espresso не имеет себе равных в своем классе.

и иметь веские основания для вступления в Международную организацию по кофе (ICO). Недаром наш кофе неоднократно отмечен высшими наградами. «Московская кофейня на паях» — единственная кофейная компания, получившая на международном конкурсе в Швейцарии золотую медаль «За качество»!

«Aroma fresh — нет равных!»

С каждым годом потребление кофе в мире увеличивается. При этом в США среднестатистический покупатель, выбирая кофе в магазине, скорее положит в свою корзину натуральный молотый, быстрорастворимый или упаковку капсул, его «собрата» в Турции — обжаренные кофейные зерна, а в Египте — зеленые, чтобы самому приготовить кофе с нуля. Россияне же, по статистике, отдают предпочтение растворимому кофе — он занимает 80 процентов российского рынка. Нам некогда молоть кофейные зерна и уж тем более — обжаривать их самим. Нам удобно, почти не открывая глаз спозаранку, засыпать ложку-другую в чашку и залить

Елена Цыганкова

В Москве в конце 2012 года вручили премию имени Артема Боровика

Владимир Платонов, председатель Мосгордумы, и Вероника Боровик-Хильчевская, президент Группы компаний «Совершенно секретно»

Генрих Боровик, председатель Благотворительного фонда имени Артема Боровика

Владимир Платонов (справа) вручает диплом Александру Хвостову

Лауреата премии Елену Сулову поздравляет Ясен Засурский

Николай Гоцицкий (в центре) получает премию из рук кардиолога Юрия Бузиашвили (справа). Слева – герой Чернобыля Валентин Алексашенко

Шод Муладжанов (слева) поздравляет лауреата премии Владимира Отяшкина

Обладатель диплома Александр Чернякин

Дипломант Ольга Лушникова

Диплом режиссеру Денису Марлинскому (слева) вручает Владимир Хотиненко

Под знаком

■ Ирина ЧЕВТАЕВА

Впервые премия имени Артема Боровика была вручена двенадцать лет назад, через год после его трагической гибели — «за творческие достижения в жанре журналистского расследования и за значительный вклад в развитие независимой журналистики в России». Девиз премии: «Честь. Мужество. Мастерство». В этом году свои работы на конкурс представили несколько сотен соискателей. Премии удостоены немногие, лучшие.

Окончательное слово — за жюри под председательством известного журналиста Генриха Боровика, отца Артема. В состав жюри вошли журналист Ирина Петровская, президент факультета журналистики МГУ Ясен Засурский, председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов и Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин.

Открывая церемонию награждения в московском театре Et cetera, Генрих Боровик сказал: «Сейчас для журналистов очень трудное время. Наши правоохранительные органы раскрывают 80 процентов убийств, а когда речь идет об убийстве журналистов — то только 9 процентов». Он подчеркнул: расследования — один из самых опасных жанров. Наверное, поэтому далеко не все редакции рискуют заниматься расследовательской журналистикой.

Премии 2012 года получили девять журналистов, еще четырнадцать были награждены дипломами. Специальным призом был отмечен певец Иосиф Кобзон, с чьим именем тесно связана деятельность Фонда Артема Боровика. Книга «Расследуют журналисты», состоящая из работ награжденных, выйдет в свет через несколько месяцев.

В разные годы лауреатами премии имени Артема Боровика становились такие известные журналисты, как Владимир Мукусев, Марианна Максимова, Леонид Велехов, Александр Минкин, Зоя Ерошок. По традиции большая часть наград достается журналистам, работающим в российских регионах.

Корреспондент «Совершенно секретно» попросил участников церемонии награждения ответить на вопрос: «Что до сих пор не удалось расследовать российским журналистам?»

Андрей Солдатов,
главный редактор сайта Agentura.ru:

— Сейчас осталось очень мало печатных изданий, в которых сохранились отделы расследований. В основном журналисты вынуждены ограничиваться репортажами, новостями, комментариями. Расследование как жанр находится в упадке. Некоторым областям жизни в этом смысле повезло больше. Можно говорить о том, что, к примеру, экономика более или менее постоянно привлекает внимание журналистов. Но то, что касается политической сферы, проблем безопасности и армии, — это белое пятно. Почему расследовательская журналистика в упадке? Ду-

маю, что не только из-за самоцензуры, из-за экономического давления на издания, но и потому, что потеряно доверие к журналистам-расследователям. В результате журналисты оказались под двойным ударом: они скомпрометированы с точки зрения публики и находятся под давлением со стороны государства.

Всеволод Богданов,
председатель Союза журналистов России:

— Тем для расследований — масса. Но меня волнует не разнообразие тем, а то, почему нет реакции на расследования? Журналисты пишут, а ничего не меняется. Другая проблема. То, что под видом расследований слишком часто публикуются заказные статьи, не зря вошло в обиход слово «журналиги». Пока мы не решим эту проблему, ничего к лучшему не изменится — у нас так и останется масса нерасследованных тем.

Ясен Засурский,
президент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова:

— Не расследовано еще очень многое. Я думаю, что в первую очередь — судьба науки. У нас столько научных открытий, но они не реализуются. Журналисты должны помогать ученым. Вместе с тем из нашей страны уезжает все больше хорошо образованных людей. Причины этого явления — тоже тема для расследования. Мы отстаем в развитии экономики, промышленности — почему? Еще одна тема. В каждой сфере можно найти очень много нерасследованных тем.

Игорь Чубайс,
декан факультета социологии (россиеведения) Института социальных наук:

— Я думаю, очень многое не удалось расследовать: корни коррупции, причины непрозрачных выборов, массу политических дел. Более того, я считаю, что не написана история двадцатого века — история протестов, сопротивления, восстаний, митингов. А она нужна, потому что поднимает национальное сознание. Проблема в том, что у нас 70 лет цензура существовала официально, а последние 20 лет — неофициально. Основная борьба происходит за трактовку истории, в том числе новейшей.

Владимир Платонов,
председатель Московской городской думы:

— Мне понятна работа журналиста, потому что она сродни работе следователя. А я работал в прокуратуре и знаю, что такое расследовать и доказывать. Если мы возьмем журналистское расследование за границу, там очень жесткие требования и очень жесткие наказания за домыслы или ложь. И там статья про злоупотребления политика заканчивается его отставкой, потому что журналистский текст — это уже готовый материал для суда. У нас ситуация другая. Причин тому много. И качество журналистских материалов, и то, что еще не написаны законы, которые позволят журналистам вести любое расследование и быть защищенными.

Чести, мужества, мастерства

Лауреаты премии

«Честь. Мужество. Мастерство»-2012

Роман Аннин, «Новая газета», Москва
 Дарья Асламова, газета «Комсомольская правда», Москва
 Николай Асташкин, газета «Уполномочен заявить», Ростов-на-Дону
 Георгий Бородянский, собкор «Новой газеты», Омск
 Вадим Востров, ТВК-6 канал Красноярск, Красноярск
 Николай Гощицкий, г. Заречный Свердловской области
 Иосиф Кобзон
 Владимир Отяшкин, газета «Омская трибуна», Омск
 Елена Сулова, газета «Открытая для всех и каждого», Ставрополь

Среди лауреатов премии — главный редактор газет «Уполномочен заявить» и «Аргументы недели. Юг» Александр Толмачёв (Ростов-на-Дону), уже год находящийся в СИЗО по обвинению, которое коллеги и друзья журналиста считают мстостью за его профессиональную деятельность («Совершенно секретно», №7/2012)

Обладатели дипломов

«Честь. Мужество. Мастерство»-2012

Андрей Бугаев, Ростов-на-Дону
 Валерий Ганский, газеты «Саратовские вести» и «Голодающее Поволжье», газета «МК в Саратове»
 Лина Зернова, сайт экологического правозащитного центра «Беллона», г. Сосновый Бор Ленинградской области
 Ольга Лушникова, ГТРК-«Вятка», Киров
 Игорь Максимчук, ТВ Центр, Москва
 Денис Марлинский, режиссер фильма, Красноярск ТВК, 6-й канал
 Владимир Напольнов, газета «Южный Урал», Оренбург
 Сергей Парфенов, Екатеринбург
 Аким Салбиев, ГТРК «Алания» — Республика Северная Осетия — Алания
 Алексей Филатов, вице-президент международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», Москва
 Марат Хайруллин, газета «Мир новостей», Москва
 Александр Хвастов, курсант 5-го курса военного гуманитарного факультета Военного университета МО РФ, Москва
 Игорь Цагоев, газета «Северный Кавказ», Нальчик
 Александр Черняткин, главный редактор областного журнала «Русский Север», Вологда
 Игорь Чубайс, телерадиослужба «Комсомольской правды», Москва

Благотворительный фонд имени Артема Боровика благодарит за финансовую поддержку:
 — Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы
 — Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
 — Банк торгового финансирования
 — НК «Альянс»
 — лично Якобавили Давида Михайловича, вице-президента Российского союза промышленников и предпринимателей

Фото Юрия ТИМОФЕЕВА, Михаила ПАТАЛОВА

Обладатель диплома
Игорь Чубайс

Дипломант Алексей Филатов

Иосиф Кобзон

«Бурановские бабушки»

Ольга Кормухина

Сергей Соколов (передний план) получает премию за Романа Аннина из рук Шода Муладжанова

■ Андрей СОТНИК,
финансовый аналитик

Одно из самых громких дел 2012 года — дело о так называемом молочном кредите. Оно возбуждено еще в 2011 году по ч. 4 ст. 159 УК РФ («Мошенничество в особо крупном размере, совершенное организованной группой»), но стремительное развитие получило год спустя. Речь идет, как утверждает следствие, о хищении кредита, выданного британской «дочкой» ВТБ — VTB Capital PLC — якобы компании «Руссагропром» в 2007 году. Именно так трактуют событие представители российских следственных органов. Целевое назначение кредита: покупка молочных заводов у компании Nutritek International Corp. (входила в группу компаний «Нутритек») — точнее, речь шла об акциях этих предприятий. Nutritek International Corp., как утверждали СМИ, ранее контролировалась фондом Marshall Capital Partners, которым в разное время руководили Константин Малофеев и Александр Провоторов. По этому делу уже задержана Евгения Кремнева, генеральный директор «Руссагропрома».

На публику

Объявлено: основанием для возбуждения уголовного дела стало заявление британской «дочки» ВТБ — VTB Capital PLC. В ходе расследования — подчеркиваю, по версии российских правоохранительных органов — якобы было установлено, что в 2007 году эта структура выдала «Руссагропрому» кредит в размере более 200 млн долларов на приобретение у Nutritek International Corp. 100% акций компании Newblade Limited. Основными активами последней являлись акции и доли в уставных капиталах девяти российских молокозаводов.

В качестве обеспечения по кредиту британская «дочка» ВТБ получила в залог акции молочных предприятий. Незадолго до получения кредита Евгения Кремнева как руководитель ООО «Руссагропром», сообщили представители российского следствия, заключила договор с ООО «Эрнст энд Янг — оценка». Как говорится в материалах дела, Кремнева «предоставила компании фиктив-

дикт не устроил VTB Capital, однако и апелляция была отклонена. При этом точка в деле будет поставлена, по сообщениям СМИ, не ранее весны 2013 года.

И вот тот же сюжет получает развитие в России. При этом он оказался настолько резонансным, что комментаторы предъявили его обществу как пример решительной антикор-

— судебный арест похищенного и в итоге возвращение денег пострадавшему, а в роли «пострадавшего» очень часто выступает государственный бюджет;

— реформирование законодательства таким образом, чтобы коррупционные схемы перестали работать.

Итак, попробуем разобраться, насколько велик шанс все-

вестными адвокатскими бюро — Dewey, LeBoeuf, Green & MacRae (со стороны кредитора) и Clifford Chance Punder (многолетний консультант российского правительства и бизнеса) — со стороны заемщика. Уверен, что разработанная ими модель юридической защиты была очень грамотной. Не думаю, что ее смогли разрушить мелкие российские аферисты. Такое по плечу только высококлассной международной группе мошенников.

Но почему тогда российские следователи в поисках истины, а значит — денег не пытаются расширить круг компаний, которые могли иметь отношение к скандальному кредиту? Детальное изучение материалов Лондонского суда и открытой российской информации об аффилированных с российскими участниками сделки зарубежных компаниях позволяет утверждать: к этой истории имели прямое отношение компании, зарегистрированные на Кипре, на Британских Виргинских, а также на Каймановых островах, в Люксембурге... При тщательном изучении в этом деле можно обнаружить следы нескольких десятков фирм, зарегистрированных в не менее чем 10 юрисдикциях, и физических лиц, имеющих разное гражданство.

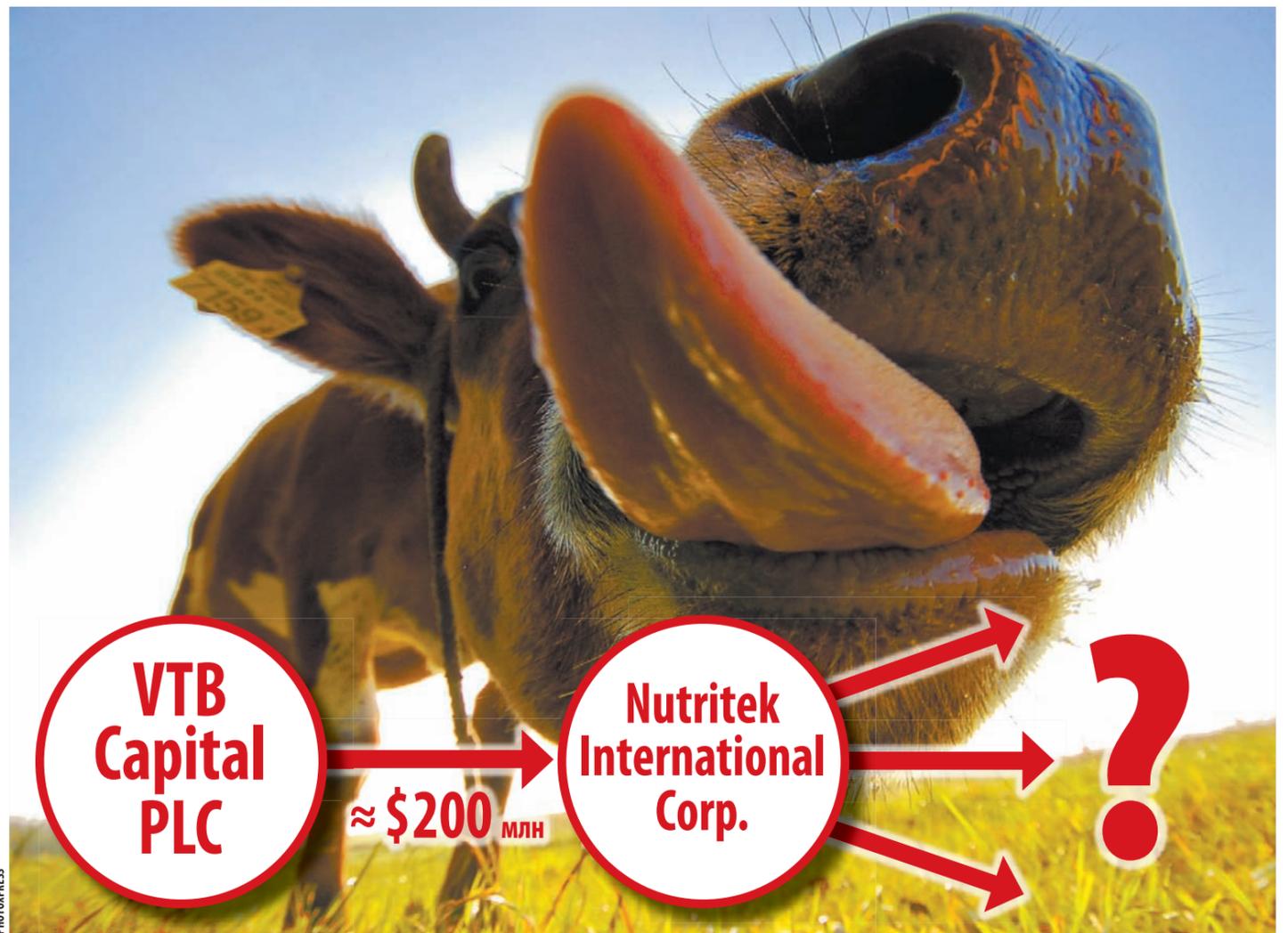
Для того чтобы понять, у кого именно пропали и где «осели» кредитные средства (а мы ведь заинтересованы в их возврате добросовестному владельцу), российским следо-

вателям имело бы смысл поработать в целом ряде юрисдикций. Возможно, им было бы интересно узнать, что ряд упоминаемых в материалах Высокого суда Лондона компаний располагаются по одним и тем же адресам (город, улица, дом, подъезд, помещение) с другими офшорами российского происхождения, которые пока находятся вне поля зрения следствия? А может быть, следователей заинтересовало бы то, что аффилированные структуры заемщика и кредитора почему-то используют одну и ту же фирму-регистратор на Британских Виргинских островах?

Все эти связи — по идее — должны были быть не только открыты следователям, но и доступны любому российскому налогоплательщику. Ведь ВТБ, как следует из официальной информации, контролируется государством! Но кто-нибудь видел в открытом доступе отчеты, к примеру, кипрских «внучек ВТБ»? Между тем, если вы посмотрите на международное законодательство о борьбе с отмыванием грязных денег, то увидите, что отсутствие открытых публикаций такого рода является одной из главных причин, по которым та или иная фирма может быть отнесена в разряд подозрительных — в смысле причастности к отмыванию грязных денег. Мне бы хотелось вспомнить об этом и перейти к политике большей открытости. Ради собственной дело-

Кредит ВТБ,

Можно ли победить коррупцию в отдельно взятой стране?

Как «дочка» Внешторгбанка могла стать жертвой мошенников? Любой из тех, кто берет кредит в банке, знает, сколько крови выпивает кредитор, проверяя все, что касается платежеспособности заемщика.

ные сведения о фактическом финансовом состоянии молокозаводов, на основании которых та оценила их в 9 млрд 162 млн руб.». Именно этот отчет был якобы представлен банку VTB Capital PLC при оформлении кредита. По версии следствия, все полученные у банка деньги Евгения Кремнева и ее сообщники похитили, сообщила газета «Коммерсантъ».

Известно, что VTB Capital пытается компенсировать свои убытки, предъявив иск инвестиционному фонду Marshall Capital Partners и другим компаниям Константина Малофеева в Высоком суде Лондона. Первый итог: иск не подпадает под юрисдикцию Высокого суда Лондона, а потому он не может вынести решение. Вер-

рупционной политики российских властей.

Между тем информация, которая распространяется в том числе со ссылкой на следствие, заставляет поостеречься восклицательных знаков. В этой ситуации уместнее — знаки вопросительные.

По убеждению автора этих строк, реальная борьба с коррупцией предполагает:

— сбор документальных доказательств, которые подтверждают вину каждого из соучастников преступления (вне зависимости от гражданства), включая точное расследование связей фигурантов любого мошенничества с государственными структурами и чиновниками или аффилированными с ними компаниями;

рез ударить по коррупционерам с помощью расследуемого дела.

Концы с концами

Для начала зададим простой вопрос. Как «дочка» государственного Внешторгбанка могла стать жертвой мошенников? Любой из тех, кто берет кредит в банке, знает, сколько крови выпивает кредитор, проверяя все, что касается платежеспособности заемщика. А в нашем случае?

Разумеется, отвечая на это вопрос, мы только высказываем ряд предположений, базирующихся на информации из Лондона, которая нуждается в официальной проверке.

Все необходимые документы по кредиту готовились из-

НЕВОЗВРАЩЕнец

вой репутации, прежде всего.

Итак: расследовать это дело исключительно на территории России бессмысленно.

Еще вопрос — могли ли быть похищены деньги таким образом, чтобы это было сюрпризом для банка-кредитора?

Интересно, что для получения кредита в VTB Capital PLC был открыт специальный блокированный счет №1001632020. И этот счет был открыт структуре, зарегистрированной на Британских Виргинских островах. Именно на этот счет двумя траншами и был зачислен кредит. Таким образом кредит из банка никуда не уходил — говоря попросту, деньги из левого кармана были переложены в правый карман одного и того же пиджака. Блокированный счет — значит лишь то, что заемщик не мог использовать кредитные средства без разрешения на это самого банка.

Вывод: если хищения (как утверждает следствие) действительно были, то осуществить задуманное мошенничество без участия банка, как мне представляется, было бы крайне сложно.

Еще более странно то, что первый транш из кредита получил не заемщик, а аффилированная к ВТБ (российскому или его британской «дочке» — неизвестно) офшорная структура из Белиза, упоминание о ней есть в материалах Высокого суда Лондона.

Третий вопрос — кто пострадавший? Если верить сообщениям российской прессы, то это вроде бы ВТБ. Но сам ВТБ кредитов на покупку молочных заводов не выдавал. Неслучайно же вся предыдущая тужба происходила по инициативе другого юридического лица — британской VTB Capital PLC. Именно эта «дочка» ВТБ подала в Высокий суд Лондона иск, предъявив претензии к Nutritek International Corp (тому самому офшору, который номинально был владельцем счета №1001632020), а также к фонду Marshall Capital Partners и другим компаниям, которые

находятся под управлением фонда. Плюс к Константину Малофееву персонально. Суть претензий — возмещение полной суммы причиненных банку убытков вследствие обмана и предоставления неверной информации.

В пакете документов (подписаны на территории Великобритании) упоминается, что стороны, VTB Capital PLC и Nutritek International Corp (обе в британской юрисдикции) согласились, что именно местное право используется как инструмент, на основе которого будут разрешаться все споры. Почему все забыли об этом? Теперь же ситуация выглядит примерно так. Дочку обидели в Лондоне, она затеяла там судебный процесс, но мать на всякий случай побежала за справедливостью к полицейским в Марьину Рощу. Не странно ли?

Не менее важное обстоятельство: полученные кредитные средства никогда не пересекали границ Российской Федерации, следовательно, вся документация по ним находится вне российских границ.

Вывод: вести расследование в России, как бы не замечая всех этих обстоятельств, значит дать возможность мошенникам уйти от ответственности.

Пока внятных ответов на эти вопросы нет, остаются большие сомнения в том, что объявленный «удар по коррупции» будет ударом, а не криком о намерениях.

Цена вопроса

А теперь попробуем разобраться со стоимостью заложенных активов — кто, кого и с чьей помощью обвел вокруг пальца? И тут опять возникает масса дополнительных вопросов.

Первый среди них — какой вариант договора о залоге (британский или отечественный) принят российским следствием, идентичен ли он британской версии и, если нет, какой из документов подлинный?

Второй — кто мешал британской «дочке» или российской «матери» — ВТБ самим провести независимую экспертизу и

установить реальную стоимость этих молочных заводов при подготовке договора залога?

И наконец, споры о стоимости заложенных активов есть предмет рассмотрения арбитражными судами. Нет решения арбитража — нет и достоверного подтверждения реальной стоимости заложенных активов. Но в арбитраж стороны не обращались. В таком случае российское следствие должно по закону назначить соответствующую экспертизу. Впрочем, надо оговориться: ее достоверность будет прямо зависеть от объективности оценщика. Словом, я с осторожностью относился бы к той якобы реальной цене молокозаводов, которая приводится в СМИ.

Плюс-минус экономика

Позволю себе несколько слов о том, что не касается напрямую экономики, но может иметь существенные последствия.

Прежде всего — об арестах и допросах. Первой была арестована Елена Кремнева, гендиректор российской фирмы «Руссагропром». Потом были допрошены Александр Провоторов и Константин Малофеев. Но любопытно, почему до сих пор никто ничего не говорит о реальном (бенефициарном) владельце «Руссагропрома», исчерпывающая информация о котором есть в материалах Лондонского суда?

Далее. С экономической точки зрения совершенно ясно, почему интерес проявлен к собственникам Marshall Capital Partners? Marshall Capital Partners по своей сути — фирма-оператор. Она занималась не операционным управлением, а инвестициями. То есть, как правило, имела дело с чужими деньгами, которые вкладывала в то или иное коммерческое предприятие. У меня вопрос: а почему именно оператор заинтересовал правоохранительные органы, а не бенефициарный владелец денег? Согласитесь, что именно бенефициар может быть ключевой фигурой в этом деле.

Теперь что касается допрошенного в качестве свидетеля Константина Малофеева. Напомню, что Высокий суд Лондона уже арестовывал принадлежавшие ему активы — его доли в ряде офшорных компаний, в том числе имеющих отношение к «Ростелекому» и «Связьинвесту». Всего на сумму около 200 миллионов долларов.

Это позволяет предположить, что на заблокированных счетах в VTB Capital PLC ничего нет (деньги, несмотря на специальный режим их расходования, куда-то исчезли). Поэтому кто-то и попытался компенсировать потери исключительно за счет личных активов Малофеева. Не получилось. Суд снял арест, обнаружив весомых доказательств того, что эти активы приобретены Малофеевым за счет пропавшего «молочного кредита».

Неучтенные потери

Это громкое дело может иметь и самые неожиданные последствия. Для тех, кто не в курсе: Константин Малофеев — не только член совета директоров ОАО «Связьинвест», но и крупный благотворитель. И его благотворительность напрямую связана с Русской православной церковью.

В 2006 году он основал православную гимназию святителя Василия Великого. Он же глава попечительского совета благотворительного Фонда святителя Василия Великого (Фонд — один из крупнейших спонсоров РПЦ). Чтобы читатель мог оценить уровень его связей в РПЦ, напомним, что именно этот фонд профинансировал ремонт здания Отдела внешних церковных связей Московского патриархата.

Что из этого следует? Только одно. Если Константина Малофеева обвинят в хищении «молочного кредита» и тем более осудят за это, то вся его благотворительность немедленно попадет в разряд операций, подозрительных с точки зрения отмывания грязных денег. Не бывает благотворительности за счет во-

рванного. Благотворительность, разумеется, не может быть смягчающим обстоятельством. Жертвовал — не жертвовал — отвечай по закону. Но вот тот, кто принимает помощь, должен проявлять осторожность. Иначе — репутационные потери неизбежны. Об этом надо помнить и РПЦ.

Зарубежные прецеденты, связанные с РПЦ, уже есть. В марте 2012 года прокуратура немецкого Мангейма начала предварительные проверки в отношении компании EnBW — одного из четырех крупнейших энергоконцернов Германии. Предмет проверки — сотни миллионов евро, которые компания перевела фирмам россиянина Андрея Быкова. Последний заявил, что существенную часть этих средств он потратил на благотворительные проекты в России через благотворительный Италороссийский фонд святителя Николая Чудотворца.

При многомиллионных оборотах российских благотворителей их деятельность не может не стать объектом пристального зарубежного внимания, тем более когда речь идет о резонансных делах.

Конечно, следствие делится со СМИ не всеми имеющимися сведениями. Но уже вброшенная в публичную сферу информация вызывает ряд сомнений в том, что удар по коррупции будет нанесен, украденные деньги найдены, а все виновники, в том числе близкие к государству, если таковые были, будут наказаны. Пока же есть знакомое по прежнему «антикоррупционному» делам ощущение показательного процесса, громкого и бессмысленного. В результате таких показательных акций наказание несут стрелочники, украденные деньги растворяются на счетах неустановленных офшоров, а высокопоставленные соучастники выводятся из-под удара.

Александр Провоторов

Константин Малофеев

■ Константин РИВКИН,
адвокат

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВСКИЙ / КОММЕРСАНТЪ

Роль тюрьмы в российской экономике

Насколько уникальна судьба самых известных зеков России Михаила Ходорковского и Платона Лебедева?

Константин Ривкин, адвокат бывшего совладельца ЮКОСа Платона Лебедева на протяжении последних девяти лет, обобщил опыт, полученный в деле ЮКОСа, написав книгу под названием «Ходорковский, Лебедев, далее везде», которая выходит в печать в начале 2013 года. «Совершенно секретно» публикует отрывки из этой работы, ставшей правовым и политическим диагнозом сегодняшней России. Книга посвящена памяти еще одного фигуранта дела ЮКОСа — не дожившего до суда Василия Алексаняна.

Несмотря на безусловную уникальность дела ЮКОСа в части супермассированной атаки властных структур на одну из лучших отечественных нефтяных компаний, все же такая ситуация выдвигается из общего ряда лишь масштабом бедствия. Сами по себе «наезды» представителей государственных органов на бизнес давно уже стали обыденностью. Но без понимания истинных причин данного социально опасного явления невозможно выработать противоядие.

К сожалению, есть все основания констатировать, что для бизнес-сообщества создаются такие условия, когда едва ли не любое лицо, занимающееся предпринимательством, может быть подвергнуто уголовным репрессиям со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Не случайно

в средствах массовой информации все чаще используется такой термин, как «геноцид бизнеса».

...Во второй половине 90-х годов в России начали активизироваться представители силовых структур, имевшие свои интересы в предъявлении предпринимателям налоговых претензий, чаще всего совершенно необоснованных. Из тех времен мне вспоминается разговор с начальником следственного отдела налоговой полиции, которого я спросил, как его подчиненные собираются доказывать обязательный в таких случаях прямой умысел в действиях моего подзащитного, привлекавшегося по ст. 199 УК РФ по обвинению в уклонении от уплаты налогов с организаций. Ответ был сколь откровенен, столь и циничен: «Ничего доказывать мы не будем. Направим дело в суд, и, будьте уверены, — он вынесет обвинительный приговор. Я считаю, что человек, с того момента как он дал согласие стать генеральным директором коммерческой фирмы, должен начинать сушить сухари».

От практики частных наездов «правоохранителей» с целью выполнить требуемый начальством план, попутно по возможности пополнить казну, а заодно подзаработать к государственной политике «закошмаривания» бизнеса и огульных «посадок» дело подошло к началу 2000-х годов. К тому времени для уголовных репрессий созрели все условия.

Во-первых, была необходимость ликвидировать последствия созданного самим государством, а точнее — его первыми лицами дефолта 1998 года. Не удивительно, что взоры ликвидаторов обратились на частный сектор экономики, с которого предстояло взимать в самых различных формах повышенную дань, попутно почему-то регулярно призывая к социальной ответственности. Для нежелающих понимать свою добровольно-принудительную роль «дойной коровы» среди прочих средств воздействия был припасен Уголовный кодекс. Во-вторых, к этому времени оперативные, следственные, прокурорские органы и суды наработали определенный опыт апробации новых норм уголовного закона. Речь прежде всего идет о таких составах, включенных в специальную главу 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»), как незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, легализация (отмывание денег, добытых преступным путем), незаконное получение кредита, фиктивное и преднамеренное банкротство и ряд других.

Ретивость оперативных сотрудников и следователей очень часто доходила до абсурда, когда они, привлекая человека к уголовной ответственности, даже не пытались задумываться над тем, а обладают ли его действия на самом деле хоть какой-нибудь социальной опасностью, наличия которой

требует закон, чтобы говорить о совершении именно преступления. Вспомогая, что едва ли не первое в Москве уголовное дело о легализации выглядело следующим образом. Предприниматель средней руки имел скромный бизнес, относившийся в то время к числу лицензируемых. Незадолго до очередного истечения срока лицензии он подал необходимый пакет документов в лицензирующий орган, но тот выдачу разрешения затянул. В результате коммерсанту около двух месяцев пришлось работать без лицензии. Прознавшие об этом сотрудники милиции возбудили против него уголовное дело о незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК в старой редакции), а затем еще и обвинили в легализации (ст. 174-1), усмотрев такие действия в уплате налогов (!) с доходов, полученных за указанные 2 месяца!

Наконец, третьей и, пожалуй, самой главной причиной явилось усиление в составе правительства сторонников антирыночного направления, стоявших, говоря словами бывшего вице-премьера и министра финансов Алексея Кудрина, за «глубокое госучастие» («Ведомости», 12 декабря 2011 года). Именно эти люди, обладающие большой властью и широкими полномочиями, направили свою деятельность на передел уже сложившегося рынка в пользу чиновничье-государственного аппарата, при этом, безусловно, не забывая о своекорыстных интересах.

Вспоминаю, как примерно в те времена один мой знакомый, вращавшийся «в верхах», помимо прочего, в разговоре сообщил, что «там» зреет идея создания мощной нефтяной государственной корпорации. Впрочем, особым секретом это не являлось. Если взять в архиве, например, журнал «Компания» за апрель 1999 года (№13), то в статье под весьма красноречивым названием «Без государства в России долго не живут» как раз и обсуждались варианты возникновения такой структуры. По этому поводу здесь было запеллационно сказано: «То, что такая компания рано или поздно будет создана, — сомнению не подлежит». В качестве одной из платформ для формирования государственной нефтяной компании (ГНК) довольно прозорливо указыва-

лась «Роснефть». И даже применительно к методам создания государственного монстра авторы делали весьма точный прогноз: «Государственная компания на то и государственная, что государство имеет возможность при необходимости подключить к решению своих проблем органы, весьма далекие от управления нефтяной отраслью». В подтверждение этих слов давалась ссылка на брифинг в МВД РФ, где заместитель начальника главка по борьбе с экономическими преступлениями привел несколько коммерческих структур в качестве примера «неправильной» приватизации и в связи с этим не исключил возможности ее пересмотра в отношении этих компаний. В статье далее говорилось: «Надеемся, что все догадываются, где эти компании окажутся в случае пересмотра итогов приватизации — естественно, в ГНК».

Интересно, кому из прочитавших эти строки неизвестно, что в итоге жертвой для закланья стала нефтяная компания ЮКОС, чьи руководители отчасти оказались за пределами страны, а отчасти — в «местах не столь отдаленных», с букетом составов преступлений, которыми обильно насыщены разделы УК, посвященные посягательствам на собственность и нарушениям в области экономической деятельности. А сама преуспевавшая компания была на основе весьма сомнительных налоговых претензий обанкрочена и при помощи явно подставных современных «рогов и копыт» под громким названием «Байкалфинансгрупп» скуплена на корню уже упоминавшейся «Роснефтью», в итоге ставшей самой большой нефтегазодобывающей компанией России.

...Платон Лебедев, давая интервью тому же журналу «Компания» в декабре 2002 года, то есть за полгода до начала преследования нефтяной компании, заявлял: «От неразумности наших политиков нет никакой гарантии... У меня нет «страховки» от правительства Российской Федерации. У меня нет гарантии, что, если будет совершена очередная глупость, мне покроют все убытки. Скорее всего, будет наоборот». Далее он сказал о том, что, «если взаимодействие

РИСУНОК ПЛАТОНА ШЕВЧЕНКО

власти и бизнеса станет более «цивилизованным», будет лучше. Как теперь общеизвестно, пожелание бизнесмена, к сожалению, не оправдалось, а сам он оказался за решеткой.

Михаил Ходорковский, по сути, заблаговременно предсказал даже способ вменения ему впоследствии хищения. В интервью, показанном по пермскому телевидению 7 июля 2003 года (за 2,5 месяца до своего ареста), он на примере с изменением во времени масштаба цен пояснил, что обратную силу закона недобросовестные его применители вполне могут использовать для обвинений в мошенничестве. Что в итоге и произошло с самим Ходорковским на втором судебном процессе, прошедшем в 2009–2010 годах в Хамовническом суде Москвы, хотя здесь использовалась разница в ценах не во времени, а в пространстве.

На примере дела ЮКОСа я видел, как бригады следователей формируются за счет сотрудников, прикомандированных из регионов в столицу. «Пехота» выполняет основной массив заданий, определяемый им коллегами из федерального органа, не особо задумываясь над их законностью и необходимостью. Зато оправдавшие доверие бригадира могут рассчитывать на включение в штат главного следственного органа страны с дальнейшим ростом либо на существенное повышение в должности после возвращения в родные пенаты.

Чтобы не быть голословным, скажу, что привлеченный в 2003 году из Волгоградской области член следственной группы Валерий Алышев через определенное время был принят на должность следователя по особо важным делам Следственного комитета, затем возглавил расследование по второму делу Михаила Ходорковского и

Платона Лебедева, а в декабре 2011 года указом президента РФ Дмитрия Медведева назначен на должность руководителя управления по расследованию особо важных дел о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики в Главном следственном управлении Следственного комитета России. Не менее активный член следственной группы, ранее трудившийся в прокуратуре города Ельца Руслан Ибиев назначен на высокий пост руководителя следственного управления СК по Уральскому федеральному округу.

Начинавшие расследование по делу ЮКОСа штатные следователи Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ также не избежали существенных повышений в должности. Салават Каримов, поработав какое-то время первым заместителем прокурора Башкирии, стал советником Генерального прокурора РФ. Его коллега, старший следователь по особо важным делам Михаил Безуглый вырос до начальника отдела, а 10 июля 2009 года был назначен заместителем прокурора Астраханской области.

Если же попытаться как-то классифицировать следователей, работавших по делу ЮКОСа, то, наверное, в основу следует положить субъективное отношение к работе, обусловленное степенью понимания сущности решаемой задачи и ее оценкой. В связи с этим я, наверное, не ошибусь, если скажу, что самую большую группу составят те, кого можно назвать «пофигистами». Они, тяготясь получаемыми заданиями только в случае их избыточности, абсолютно равнодушно относятся к повседневной рутине, мало задумываясь над тем, кого и за что в данный момент привлекает к уголовной ответственности руководитель следственной бригады. Именно подобно

безразличию влечет за собой появление в процессуальных документах глупостей и несуровости, хотя часть из них на совести более активных, но малограмотных коллег «пофигистов». Такой типаж персонафицируется, лишь когда при выполнении очередного задания своего руководства совершит такое нарушение, которое не может остаться без внимания и реагирования защиты. И вот тогда он становится объектом жалоб, а порой и судебных разбирательств. Как раз таким людям посвящена широко известная фраза, заканчивающаяся словами «...именно с их молчаливого согласия происходят на земле предательства и убийства»...

Другое, хотя и малочисленное, но весьма опасное образование составляют идейные

...Весьма осторожная в своих решениях международная правозащитная организация Amnesty International, дождавшись вердикта кассационной инстанции, утвердившего обвинительный приговор Хамовнического суда, признала Ходорковского и Лебедева узниками совести.

Это, правда, не мешает российским чиновникам самого разного уровня использовать имя Ходорковского и его печальную судьбу как жупел в своих собственных интересах. Недавно мне рассказали такую историю. Действующий вице-премьер, отвечающий за строительство одного из крупных федеральных объектов и привлечший к реализации проекта предпринимателей, распекая одного из них на совещании

гуг любого, поскольку коррупция и игнорирование законов со стороны власти стали теперь тотальными» (Газета.ru, 2 декабря 2011 года)...

Что же касается работы защиты, чему во многом посвящена данная книга, то мы ни в коей мере не переоцениваем заслуги адвокатов, которые, возможно, где-то могли сработать лучше, а порой и достичь несколько больших результатов. В целом же задача раскрыть всем заинтересованным наблюдателям глаза на истинную сущность и причины обвинений против Михаила Ходорковского и Платона Лебедева была решена. И та реально возможная в данных конкретных условиях правовая помощь, в чем нуждались наши доверители, была оказана.

Большую группу следователей составляют те, кого можно назвать «пофигистами». Они равнодушно относятся к повседневной рутине. Подобное безразличие влечет появление в процессуальных документах глупостей

члены рассматриваемого сообщества. Практика показывает, что длительное нахождение в группе зачастую выводит таких субъектов на лидирующие позиции. Их следовало бы назвать «комиссарами», поскольку в основе «идейности» у таковых просматривается не что иное, как отголоски свойственного большевикам классового подхода, о проявлении которого мы подробнее поговорим, когда речь пойдет о судьях. В сочетании с огромными властно-репрессивными полномочиями и жуткой правовой и экономической безграмотностью сия гремучая смесь в итоге дает Шарикова и Вышинского в одном флаконе.

за какие-то погрешности в части соблюдения сроков, свою гневную тираду закончил такими словами: «Я для тебя уже подыскал место на нарах рядом с Ходорковским». Тот, не искушая судьбу, быстро распродал все свои внутрироссийские активы и отбыл за границу.

Кстати, о Ходорковском. Можно его не любить и не одобрять методы ведения им бизнеса, но к словам человека, пробывшего в тюрьме без малого десяток лет и познавшего на себе все grimасы нашего правосудия, следует прислушаться. А он сказал следующее: «Для уголовного дела и тюрьмы сейчас объективные основания не обязательны. Посадить мо-

При этом в активе команды защитников на данный момент есть несколько полезных для всех практикующих юристов определенных Конституционного суда РФ и постановлений ЕСПЧ. В свою очередь, Верховный суд РФ не один раз после активных и последовательных сражений адвокатов со всей судебной вертикалью принимал решения в пользу наших подзащитных. Кроме того, совместные усилия российских и иностранных юристов не раз позволяли одерживать победы по юкосовским делам в судах зарубежных юрисдикций.

Так что многое еще впереди.

■ ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Константин Ривкин: «Платон – не ангел, а я адвокат вредный»

Автор книги «Ходорковский, Лебедев, далее везде» ответил на вопросы «Совершенно секретно»

■ Людмила ТЕЛЕНЬ

– Как известно, вы больше не адвокат Платона Лебедева. Почему?

– Рано или поздно любое дело для адвоката заканчивается. Я занимался делом ЮКОСа 8 лет – срок для адвоката уникальный. Каждый из адвокатов отработывал свою линию, и отработывал ее до конца. В моем случае это была линия, связанная с налоговыми эпизодами в первом деле, во втором я занимался координацией в команде защитников Лебедева. В какой-то момент у команды адвокатов появились другие задачи. К примеру, в деле по-прежнему работает Елена Липцер, которая занимается Европейским судом по правам человека – ЕСПЧ. Платон Леонидович Лебедев сказал, что отправляет меня в действующий резерв, чему я был рад.

– Есть ситуация, в которой вы сочтете возможным вернуться к делу ЮКОСа?

– Если Европейский суд по правам человека примет решение, что в первом процессе было нарушено право моего клиента на справедливое судебное разбирательство, то по процедуре Верховный суд РФ должен будет отменить приговор и отправить дело на повторное рассмотрение. Значит, опять придется вернуться к налоговым эпизодам, которыми я занимался. Я готов.

– Есть ли шанс на такое решение ЕСПЧ?

– Я бы был очень аккуратен в прогнозах. К сожалению, ЕСПЧ рассматривает дела очень долго. В нашем случае – уже много лет. И я не исключаю, что решение появится тогда, когда Лебедев уже выйдет на свободу. А теперь предположим, что решение – в нашу пользу. Что тогда? Отмена приговора, новое рассмотрение дела в суде... А человек, который только-только вышел на свободу, хочет забыть обо всем этом кошмаре

и спокойно жить. Счастлив он будет от такого поворота событий?

– И никто не гарантирует, что российский суд не вынесет такой же приговор повторно.

– Да, подобные прецеденты уже были. Должен сказать, что российская власть делает все, чтобы отбить охоту у своих граждан обращаться в Европейский суд. А компенсации, которые назначает ЕСПЧ, ее абсолютно не волнуют, они закладываются в расходную часть государственного бюджета. То есть за ошибки российских судов расплачиваемся мы, налогоплательщики.

– Изменилось ли ваше отношение к Платону Лебедеву в процессе работы?

– Могу сказать, что сейчас, войдя в новое, тоже громкое дело, я часто думаю, как хорошо мы с Платоном Леонидовичем работали по сравнению с тем, с чем приходится сталкиваться сейчас. Сложности были. Он человек сколь талантливый, сколь мужественный, столь и непростой. Это отмечают практически все люди, которые с ним сталкивались, будь то подчиненные, будь то компаньоны, будь то адвокаты. Словом, не ангел.

– Были ли разногласия в команде адвокатов?

– Конечно, и это нормально. Тем более что дело было абсолютно нестандартным. Но с точки зрения адвокатской практики дело ЮКОСа – это бесценный опыт. В том числе и потому, что обвинения носили абсолютно абсурдный характер.

– Во время первого процесса адвокаты ЮКОСа избегали любой политики, а второй процесс был откровенно политическим. Не считаете ли вы, что и первое дело надо было вести подобным образом?

– Первый процесс проходил тогда, когда была надежда, что ЮКОС не разгромят. И Ходорковский, который определял позицию адвокатов, не хотел давать повод власти пере-

йти к более резким действиям по отношению к компании и людям, которые в ней продолжали работать. То есть были надежды как-то спасти ситуацию. К моменту второго процесса иллюзий не было ни у кого.

– Во время первого процесса ходили слухи, что адвокаты очень надеются на закулисные переговоры с властью. Адвокаты вправе вести такой кулуарный торг?

– Если я не нарушаю Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы – не бью никого по голове, не ворую секретные документы, – то все, что я делаю в интересах клиента, законно.

– И конфиденциальные переговоры, скажем, с высокими кремлевскими чиновниками?

– Если на это меня уполномочит мой клиент, то почему нет? Я ни с кем из кремлевских чиновников таких переговоров не вел, но теоретически – не вижу никаких противопоказаний. Тем более в делах, когда в рамках процесса тебя никто не слушает, ты наблюдаешь издевательство над правосудием, тогда приходится делать что-то еще – давать интервью, апеллировать к общественности, использовать кого бы то ни было как канал информации.

– И судьи, и прокуроры в деле ЮКОСа вызвали у наблюдателей весьма бурные чувства. Адвокаты не могут себе этого позволить? Или могут?

– Адвокаты тоже люди. И в этом деле у меня и судьи, и прокуроры вызвали исключительно негативные эмоции. Максимум, что мы видели со стороны судей, – это такое снисходительно-понимающее отношение к тому, что происходит. Именно так вел себя судья Данилкин во время второго процесса. Но к сути дела эта манера поведения никакого отношения не имела. Я помню, как Михаила Ходорковского спросили,

насколько, на его взгляд, самостоятелен судья. Он ответил: «Я считаю, все, что может себе позволить самостоятельно решить судья Данилкин, – это на какой стене в зале суда будет висеть кондиционер».

– Ваш подзащитный понимал, что его стараются сломать. И понимал, что при определенных уступках его судьба окажется легче. Насколько тяжело ему было делать выбор?

– Представить себе Лебедева, который идет на сделку с людьми, из-за которых он и Ходорковский оказались в тюрьме, невозможно.

– А предложения действительно делались?

– Да, делались.

– Какие именно?

– Не знаю, он не распространялся на эту тему.

– Вы очень хорошо говорите о своем подзащитном. Не только в этом разговоре, но и в вашей книге. Вас не смущало, что все эти лестные слова относятся к человеку, который платил вам деньги?

– Честно говоря, мне такая мысль в голову не приходила. Может быть, потому, что, хотя он мне и платил, мы многократно ругались. По стойке «смирно» я никогда не стоял. Я всегда говорю клиентам: я вредный адвокат, на слово в то, что подзащитный белый и пушистый, не верю. И потом – я работал над этой книгой, когда я уже вышел из дела. Хотя написать объективно о человеке, которого ты 8 лет защищал, наверное, невозможно.

– Надеется ли ваш клиент на помилование?

– Я уверен, что просить о помиловании ни он, ни Ходорковский не будут ни при каких обстоятельствах. Если же такое решение президент примет по собственной инициативе, то, я думаю, и семьи обоим, и они сами воспримут это с облегчением.

Российские пациенты: кролики или камикадзе?

Российский фармацевтический рынок переживает бум, природу которого еще предстоит понять. Стремительно растет количество испытаний лекарственных средств европейского происхождения. Одновременно проверенные иностранные препараты вытесняются сомнительными отечественными аналогами

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВСКИЙ / ИТАР-ТАСС

■ Анастасия КИРИЛЕНКО

Постоянно растущее количество добровольцев, готовых принять участие в клинических испытаниях иностранных препаратов на территории России, привлекло внимание европейских официальных структур и правозащитников. Европейская комиссия готовит к публикации доклад «Сотрудничество с Россией в области клинических исследований». Швейцарская неправительственная организация «Бернская декларация» весной собирается начать кампанию по контролю за соблюдением этических норм при тестировании новых препаратов на людях в России.

Рыночный успех

Как показало расследование «Совершенно секретно», в России пациенты с тяжелыми диагнозами, такими как рак, рассеянный склероз, сердечно-сосудистые заболевания, выстраиваются в очередь, чтобы испытать на себе новые, еще не допущенные к продаже медикаменты европейского производства. И это несмотря на риск того, что им попадет таблетка-плацебо, безвредная, но совершенно бесполезная. Или что от нового лекарства возникнут неожиданные побочные эффекты. Много ли в России больных-камикадзе и почему они так стремятся стать подопытными кроликами?

«Европейская комиссия подготвила доклад о соблюде-

нии этики клинических исследований в России, который будет доступен на сайте Генерального директората здравоохранения и потребителей к концу 2012 года», — сообщила корреспонденту «Совершенно секретно» ведущий советник директората по вопросам здравоохранения Европейской комиссии Изабель де Ла Мата.

Известно, что за последние несколько лет Россия наряду с Китаем, Индией и странами Латинской Америки стала одним из мест, где западные фармацевтические компании проводят наибольшее количество клинических исследований. Каждый второй препарат, поступающий на европейский рынок, тестируется на добровольцах из развивающихся

стран и России, сообщили в «Бернской декларации», расположенной в Лозанне. Фармацевтические компании Швейцарии проводят более ста двадцати исследований в год только в России.

■ ДОСЬЕ

Клинические испытания в России

Согласно данным официального регистра ClinicalTrials.gov, всего в России сейчас проходят 2205 международных клинических исследований (тогда как в Европе — 1139). Для сравнения: в 2009 году пропорции были другими — в России проводилось 500 международных испытаний, а в Европе — 4414.

Если в 2009-м российский рынок клинических испытаний называли развивающимся, то теперь он, очевидно, переживает успех на фоне «заката Европы».

«Очевидно, здесь важна финансовая составляющая. В России клинические исследования обходятся дешевле, чем в Европе: меньше претензий от пациентов, и, соответственно — выплаты по страховкам в случае вреда здоровью и летального исхода. Насколько научная культура врачей России соответствует европейским стандартам — это вопрос. Насколько препарат, протестированный для проформы в каком-нибудь институте, действительно безопасен (а ряд исследований проходит именно так)? Кто платит за исследование, тот и заказывает музыку, полагают в России и подгоняют результаты исследований под нужную статистику. Интересы пациента здесь вторичны», — утверждает председатель Общественного совета по защите прав пациентов при Росздравнадзоре Александр Саверский.

Этические помехи

Между тем испытания нового препарата на людях, так называемые III и IV фаза исследований (после лабораторных работ и тестов на животных), — это этически самый спорный и потому законодательно сложный этап исследований. В Европе этика клинических испытаний регулируется с 1965 года и постоянно совершенствуется. Общим неизменным правилом, по словам Изабель де Ла Мата, является приоритет интересов пациента над интересами науки.

А вот соблюдается ли этот приоритет в России — стране с высоким индексом коррупции и «порой плавающими регуляторными механизмами», европейские эксперты и решили проверить. Наличие специальных лицензий Росздравнадзора, выдаваемых российским больницам для проведения

клинических исследований, не воспринимается в Европе как безусловное доказательство соблюдения законности. В Европе специальные лицензии не нужны: больница получает одну лицензию — на ведение медицинской деятельности. В России лицензий нужно две — на медицинскую деятельность и на проведение клинических исследований.

По словам Светланы Завидовой — исполнительного директора «Ассоциации организаций по клиническим исследованиям» (АОКИ, объединяет более двадцати участников российского рынка клинических исследований, в том числе фармкомпаний, контрактные организации и фирмы, обеспечивающие юридическую поддержку проведения клинических испытаний в России), ей постоянно звонят и пишут тяжелобольные люди или их родственники с вопросами о том, как им вступить в ту или иную программу клинических исследований. «Для российских пациентов это часто единственная возможность получить качественное лечение», — убеждена Светлана Завидова. АОКИ завела горячую линию для звонков участников клинических исследований.

«Наш номер — практически единственный, по которому могут звонить пациенты — участники испытаний, и мы всегда отвечаем. Никаких серьезных недомоганий не было — ну, поднялась у кого-то температура, тогда мы советуем обратиться к лечащему врачу», — сообщила Светлана Завидова. Куда, кроме этой горячей линии, может обратиться пациент? По словам Светланы Завидовой, на Западе пациент может обратиться в независимый этический комитет, куда входят представители общественности. В России этический комитет тоже существует — при Минздраве. Но этот комитет работает только с фармацевтическими компаниями. В России обязательен еще и «локальный этический комитет», состоящий из нескольких врачей и существующий при каждой больнице, где проводятся исследования. Однако и этот комитет взаимодействует только с фармацевтическими компаниями.

Как пояснила руководитель локального этического комитета при Российской медицинской академии последипломного образования Елена Вольская, она занимается изучением протокола информированного согласия, который подписывают пациенты, и вычеркиваем из него фраз, которые могут быть расценены как манипуляции, давление на пациента. Непосредственно в локальный этический комитет пациенты обратиться не могут. (Как выражается руководи-

тель общественной организации Лига защиты пациентов Александр Саверский, «в России работают не с людьми, а с бумагами».)

Все проблемы российским пациентам предлагается решать с лечащим врачом.

Конфликт интересов с клятвой Гиппократова?

Между тем клинические исследования — деятельность, выгодная для врачей не только с научной, но и с финансовой точки зрения. По словам Светланы Завидовой, на каждого участника клинических исследований фармацевтическая компания тратит около 10 тысяч долларов. Немалая часть этих денег достается лечебным учреждениям. Довольны ли при этом пациенты?

Корреспонденту «Совершенно секретно» удалось поговорить с несколькими участниками клинических исследований в России. Не все они разрешили указывать свои фамилии из-за боязни осложнить отношения с лечащим врачом.

Наталья Морозова, жительница Санкт-Петербурга, 50 лет, больна рассеянным склерозом. Два года назад согласилась на клинические испытания препарата «Гиления» (впоследствии он был зарегистрирован в России под торговым названием «Финголимод») швейцарской фармкомпании «Новартис». Почти полтора года она принимала этот препарат под наблюдением врачей в разных дозах, но ей пришлось остановиться после того, как она несколько раз попадала в больницу с температурой 40 градусов.

— Зато я поняла, что я не попала в группу плацебо. Полгода

назад я вышла из программы клинических испытаний, теперь поправляю здоровье. До того как я согласилась испытывать на себе «Гилению», мне хорошо помогал иммуноглобулин, давно существующий на рынке. Я хочу снова получить его. Но врачи мне заявляют, что он показан только беременным женщинам, и отказываются его прописывать. Что, мне в 50 лет забеременеть? Вместо этого мне предлагают вступить в новое клиническое исследование.

В Уфе 25-летняя Анна Николаевна прочитала и подписала информированное согласие только после приема все того же препарата — «Гиления». Ничего странного в этом она не видела. От участия в программе исследований пришлось отказаться только недавно из-за серьезных побочных эффектов, рассказывает Анна Николаевна.

В Ростове-на-Дону Наталья А., 36 лет, начала принимать в феврале 2012 года некий новый препарат, еще не зарегистрированный:

— Если бы в России была возможность принимать другой препарат — «Бетаферон», то я бы отказалась. Но в России такой возможности нет — он вытеснен с рынка. И мне надо хоть как-то лечиться... Если я откажусь, мне не предложат участвовать в других исследованиях. Фирмы не захотят иметь дело с учреждением, где работает мой врач, и у меня вообще не будет лечения. По-моему, мне попалось плацебо. Нет вообще никакого эффекта от препарата.

Юлия из Москвы, также страдающая рассеянным склерозом, безуспешно пытается добиться включения в клиническое исследование.

Самостоятельно нашла крупный медицинский центр, где ей предлагали все ту же «Гилению», она проходила тестирование, но не подошла врачам:

— Я осознала, что стану опытным кроликом. Но это лучше, чем принимать «Ронбетал», рекомендованный российским Минздравом. Моя подруга умерла, хотя и лечилась «Ронбеталом». Уж лучше клиническое исследование.

— «Ронбетал» — препарат российского производства, рекомендованный Минздравом, является так называемым «биоаналогом» ранее использовавшегося «Бетаферона» немецкого производства. Если верить пациентским организациям, истории с этим препаратом происходят удивительные.

33-летний житель Петербурга Артем Головин болен рассеянным склерозом. Несмотря на заболевание, поразившее иммунную систему и вынудившее его передвигаться на костылях, он ведет активный образ жизни. Во всяком случае, активно занимается защитой прав инвалидов, став председателем правления регионального отделения «Общероссийской общественной организации инвалидов — больных рассеянным склерозом» в Ленинградской области:

«Ронбетал» недавно рекомендован Минздравом для лечения больных рассеянным склерозом по программе «7 нозологий» (7 диагнозов, при которых государство бесплатно предоставляет дорогостоящее лечение. — Ред.). Согласно сообщениям на тематических форумах и в социальных сетях, часть больных получают «Ронбетал» и просто склади-

руют препарат у себя дома: отказать нельзя — испортятся отношения с лечащим врачом. Принимать тоже нельзя — настолько сильны побочные эффекты. Подобные биоаналоги существуют и для лечения других заболеваний, а пациентские организации безуспешно против них борются.

На вопрос, согласился бы он участвовать в клинических исследованиях западных препаратов, Артем Головин отвечает решительным «нет». Он убежден, что при клинических исследованиях у врачей наступает конфликт интересов: больница на этом хорошо зарабатывает.

В России, как поясняет бывшая сотрудница швейцарской фармкомпании «Рош», занимающаяся рекрутированием пациентов для постмаркетинговых клинических испытаний (IV фаза испытаний) препаратов от болезней суставов в республике Тыва, много «наивных пациентов» — то есть тех, которые до этого никак или почти никак не лечились. По ее словам, в некоторых регионах России Швейцария, например, может найти столько пациентов, сколько бы у себя искала десятилетиями.

Остается убедить не только россиян, но и западную общественность в том, что ничего страшного не происходит: в России пациенты подписывают информированное согласие на участие в исследовании фармацевтических компаний, они застрахованы, по документам исследования регулярно проверяет контролирующая инстанция (Росздравнадзор).

«Россияне сами стремятся принять участие в клинических исследованиях, пытаются попасть в них «по благу», — настаивает Елена Вольская. По ее словам, таким образом россияне надеются оказаться под более пристальным наблюдением врачей, которым при обычных условиях «не до пациентов». Об опасности испытаний новых препаратов в этическом комитете, который представляет Вольская, предпочитают не говорить либо пожимают плечами: ведь все это оговорено в «информированном согласии».

Обязанность доказывать связь ухудшения здоровья либо смерти с приемом препарата лежит на врачах, утверждает Евгений Евдошенко — главный врач Санкт-Петербургского центра рассеянного склероза. Впрочем, ни одного случая выплаты страховок он не помнит.

Произошедшие после успешных клинических испытаний в России и регистрации препарата «Гиления» пятнадцать смертельных случаев заинтересовали регулирующие органы Европы и США. Пока проверка Европейского медицинского агентства ничего особенного не выявила: виновными были объявлены сами пациенты, «большинство из которых принимали и другие лекарства». Работу продолжит Европейская комиссия и неправительственная организация «Бернская декларация». О планах российского Министерства здравоохранения в этой сфере ничего не сообщается.

«Совершенно секретно» вернется к этой теме, как только будет обнародован доклад Европейской комиссии.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Критические дни бывают не только у женщин. Мужчины об этом молчат. И даже не всегда задумываются. А зря...

Как и вся природа, зимой наш организм переживает не самые простые времена. Женщины хорошо это знают, поэтому зимой часто принимают разнообразные витаминно-минеральные комплексы, помогающие организму накопить защитные силы и пережить непростой период. А вот мужчины пускают все на самотек, а потом удивляются, почему утром еле сползают с кровати, хотя ночью не нашли сил порадовать любимую женщину, почему на работе все раздражает, и отчего вечером ничего не хочется делать по дому.

В надежде на чудо мужчины приходят в аптеку и спрашивают средства, которые обещают моментально вернуть «вторую» молодость, невзирая на опасность препаратов, вызывающих «быструю» эрекцию. Между тем, эректильная дисфункция — заболевание всего организма. Никакая «волшебная таблетка» не сможет мгновенно побороть застой крови в малом тазу. Никакие «стимуляторы» потенции не решат проблем с предстательной железой, правильная работа которой и есть залог так называемой «мужской силы».

Зима — не просто пора простуд и падения иммунитета. В этот период в организме мужчины происходят серьезные гормональные изменения. Чем меньше солнца, тем больше в организме падает содержание важнейшего мужского гормона — тестостерона, дефицит которого тут же отрицательно сказывается на работоспособности, выносливости, настроении и, конечно, потенции. В такой ситуации мужской организм крайне нуждается в поддержке. Можно обойтись стандартными препаратами, но, заботясь о себе, лучше использовать **правильный,**

MAN'S FORMULA: РЕАЛЬНАЯ ФОРМУЛА НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

с точно рассчитанными мужскими дозировками, биокомплекс.

Так что же делать? НИИ Урологии МЗ РФ рекомендует использовать натуральный комплекс **Man's formula «Больше чем поливитамины»**. Этот биокомплекс, помимо **20 витаминов** и **11 минералов**, специально подобранных и тщательно сбалансированных, содержит **4 растительных экстракта** лекарственных растений, избирательно действующих на мужскую репродуктивную систему. В состав **Man's formula «Больше чем поливитамины»** входит знаменитая **карликовая пальма**, благоприятно влияющая на предстательную железу, которая в сочетании с **селеном** и **цинком** способствует активной выработке тестостерона и предотвращает его трансформацию в женские половые гормоны. Также в комплекс входят **пажитник**, обладающий мощным противовоспалительным действием, **сибирский женьшень**, обеспечивающий крепкий иммунитет, экстракт **кайенского перца**, значительно улучшающий кровоснабжение органов малого таза — а значит снижающий риск инфекций и воспалений. Биокомплекс **Man's formula «Больше чем поливитамины»** — своевременный и надежный способ обеспечить мужскому организму **правильный гормональный баланс, укрепить иммунитет и поднять настроение.**

Прожитые годы также негативно сказываются на мужской репродуктивной системе, в частности, с возрастом ухудшается состояние предстательной железы. Враг — **хронический простатит** — силен и коварен, а специальных препаратов для борьбы с ним производится не так много. Многим мужчинам с определенного возраста знакомы изнуряющая боль и тяжесть в промежности, болезненные походы по малой нужде, отсутствие былой эрекции — явные симптомы хронического простатита, а не аденома простаты, как могли бы сказать многие.

В этом случае НИИ Урологии МЗ РФ рекомендует цинксодержащий витаминно-минеральный комплекс **Man's formula «Простата Форте»**, созданный для своевременной и эффективной помощи мужчине и его предстательной железе. «Простата Форте» включает 14 важнейших витаминов, минералов и натуральных экстрактов, необходимых для восстановления нормальной работы предстательной железы, улучшающих снабжение ее клеток необходимым питанием. Главное оружие против хронического простатита, заключенное в этом комплексе — **особое сочетание экстракта Пигеума африканского и цинка**, что позволяет комплексу «Простата Форте» активно воздействовать на воспаление предстательной железы, блокировать развитие

аденомы простаты на самых ранних стадиях ее возникновения.

Далеко не каждый препарат поможет в распространенной ситуации, когда эрекция, хоть и с трудом, но произошла, а **удовольствия особого нет**. Причина как правило в нарушении спинно-мозговой проводимости, в сбое мужского гормонального баланса. Такую ситуацию можно разрешить с помощью комплекса **Man's formula «Потенциал Форте»**, где объединились **новейшие научные разработки и натуральный состав.**

Не нуждающийся в представлениях экстракт **йохимбе** стимулирует **проводимость спинно-мозговых нейронов**. Мексиканская **Дамиана Тернера** высвобождает половые гормоны и **активизирует спинномозговые эрکتильные центры**. Экстракты корня **сасапарилы** и **зеленой мидии**, усиленные **кайенским перцем** и **сибирским женьшенем**, обеспечивают силу и длительность эрекции, попутно оказывая противовоспалительное действие. Экстракт коры дерева **Муира Пуама** — мощнейших афродизиаков, оптимизирующий функции нервной системы, особенно той ее части, которая отвечает за «эротическое настроение». **Витамины** в сочетании с **цинком** увеличивают синтез важнейшего мужского гормона — тестостерона и обеспечивают предстательную железу необходимыми

веществами. В результате мужчина, прошедший хотя бы минимально рекомендованный курс приема **«Потенциал Форте»**, помимо улучшения потенции, получит непривычно мощный оргазм и яркий половой акт. Речь идет о **совершенно новом качестве секса, когда один половой акт, возможно, стоит целых трех**. Больше не нужно искать удовольствие на стороне — с помощью **«Потенциала Форте»** вы получите яркий праздник даже там, где daytime были бесцветные семейные будни.

Жизнь современного мужчины не проходит без стрессов. Его пытаются снять с помощью спиртных напитков, либо колят в себе, что приводит к проблемам со здоровьем, тогда как традиционные успокаивающие лекарства могут быть причиной различных побочных эффектов. Мы предлагаем натуральный комплекс **Man's formula «Антистресс»**, не имеющий таких недостатков, но по своей эффективности не уступающий синтетическим препаратам. В состав комплекса **Man's formula «Антистресс»** входит 17 компонентов: витамины, микроэлементы и, конечно, экстракты лекарственных растений — **пажитник, сибирский женьшень, валериана, зверобой, шишки хмеля**. Благодаря этому он обладает хорошим успокаивающим эффектом, улучшает сон, снимает психические напряжения. И это без опасных побочных эффектов!

Все комплексы линии **Man's formula** отпускаются в аптеке без рецепта и по стоимости доступны каждому мужчине. Берегите своё мужское здоровье!

Сергей МАКСИМОВ.

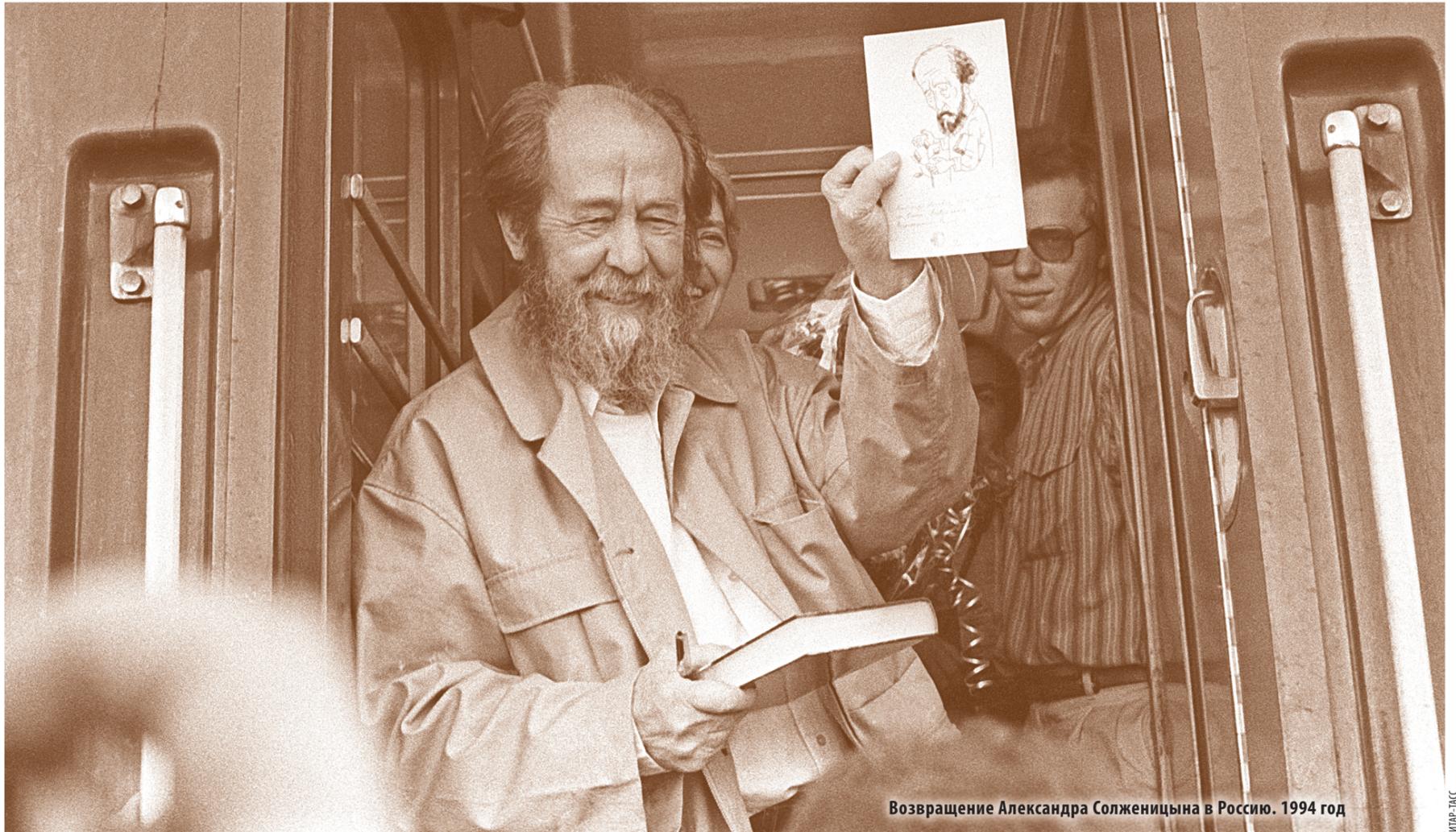
Компания «PharmaMed»
www.pharmamed.ru

Консультация специалиста:
Т. (495) 744-06-27

Александр Солженицын ушел с тревогой за Россию

Вдова писателя отвечает на вопросы заместителя главного редактора газеты «Совершенно секретно»

Возвращение Александра Солженицына в Россию. 1994 год

ИТАР-ТАСС

■ Леонид ВЕЛЕХОВ

Пятдесят лет назад в журнале «Новый мир» был напечатан рассказ «Один день Ивана Денисовича», подписанный никому не известным именем: Александр Солженицын. Рассказ произвел шоковое впечатление на страну, где мало было семей, которых не коснулся сталинский террор, но где фактически всё еще запрещено было говорить об этом терроре.

В прозаических строчках воспоминаний Анна Ахматова писала:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слышала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

На самом деле вот эту задачу — оставить описание того, что такое ГУЛАГ — взвалили на себя Александр Солженицын, посвятив ей выполнению большую часть жизни. А началось все с «Ивана Денисовича». Недаром та же Ахматова, прочитав рассказ, произнесла: «Это о-бя-зан про-чи-тать и

выучить наизусть — *каждый гражданин* изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза».

Публикация одного лишь рассказа, повести — как хотите определите жанр, но это в любом случае лишь несколько десятков страниц — стала колоссальным событием литературной, общественной, политической жизни, личной жизни каждого думающего человека советской эпохи. Лучше, чем замечательный писатель Ион Друцэ в тогда же опубликованной рецензии на «Ивана Денисовича», не скажешь: «Небольшая повесть — и как просторно стало в нашей литературе!»

И в жизни стало просторнее, добавил бы я. Сама жизнь переменялась, потому что впервые открылось страшное, еще даже не прошлое, которое было буднями миллионов:

«В пять часов утра, как всегда, пробило подъем — молотком об рельс у штабного барака. Перерывистый звон слабо прошел сквозь стекла, намерзшие в два пальца, и скоро затих: холодно было, и надзирателю неохота было долго рукой махать».

Звон утих, а за окном все так же, как и среди ночи, когда Шухов вставал к параше, была тьма и тьма, да попадало в окно три желтых фонаря: два — на зоне, один — внутри лагеря».

Так начинается эта повесть, впервые рассказавшая всему миру об одном дне из жизни одного человека, а на самом деле — о десятилетиях жизни

миллионов людей в огромной стране, превращенной в концлагерь, в ГУЛАГ.

В дни 50-летнего юбилея публикации «Одного дня Ивана Денисовича» я пригласил вдову писателя, Наталью Дмитриевну Солженицыну, в студию своей программы на телеканале «Совершенно секретно». Сегодня мы публикуем выдержки из этой беседы.

— «Один день Ивана Денисовича» вышел в свет в ноябре 1962 года, но написан был в 1959-м: что делал Солженицын с рукописью в течение нескольких лет? Он пытался ее, что называется, куда-то пристроить? Или со свойственной ему страстью к перфекционизму продолжал над ней работать?

— И не работал, и не пытался пристроить. Написал он эту вещь исключительно быстро, за сорок дней. Написал и спрятал. Ему и во сне не могло прийти, что это может быть напечатано в Советском Союзе. А в 1961-м, после XXII съезда, на котором Хрущев вновь выступил со звонкой атакой на Сталина, друзья стали говорить Солженицыну: вот, может быть, настал момент и стоит попробовать... И Раиса Орлова, жена его старого друга Льва Копелева, передала рукопись сотруднице «Нового мира» Анне Самойловне Берзер. Анна Самойловна сумела отдать ее прямо в руки Твардовскому, сказав при этом: «Лагерь глазами мужика, очень

народная вещь». Как говорил позже Александр Исаевич, нельзя было точнее попасть в сердце Твардовского...

— Это уж верно!

Он взял рукопись домой. Как сам позже рассказывал, решил прочитать перед сном, в постели, но через несколько страниц понял: такое лежать не почитаешь. Встал и всю ночь на кухне, наливая себе чай, чашку за чашкой, читал рассказ. Кончил и перечитал еще раз. Не мог дождаться утра, чтобы позвонить в редакцию. Позвонив, спросил: «Кто автор?» На рукописи стоял псевдоним, который даже не сам Солженицын сочинил. Солженицын на своей рукописи вообще имени не поставил...

— Почему?

— Боялся дать на себя след! И на рукописи «Ивана Денисовича», которую он передал в редакцию, вообще фамилии автора не было. Но она была в таком виде — напечатана через один интервал, с двух сторон страницы, без полей: все это для того, чтобы минимизировать объем рукописи, которую приходилось прятать, — чтобы перед тем, как дать Твардовскому, в редакции ее перепечатали набело. И вот тогда поставили кем-то придуманный псевдоним: А. Рязанский...

— То есть все-таки что-то про автора в редакции знали, во всяком случае, откуда он...

— Да, пожалуй, только это и знали. На Твардовского рассказ произвел огромное впечатление. Виктор Платонович Не-

красов, который с ним дружил, был свидетелем того, что Твардовский буквально жил тогда этой целью — напечатать «Ивана Денисовича». Ходил по кабинету и приговаривал: ничего больше не надо, только напечатать эту вещь, стену пробью, до Хрущева дойду... И дошел.

— Это сегодня даже трудно себе представить, мне кажется: человек в таком положении, как Твардовский, корифей, небожитель, всего достиг, — и такая увлеченность, такой темперамент, направленный на достижение не личной, а какой-то общей, высокой цели...

— Да, Твардовский был человек высоких достоинств. Он чувствовал, что «Один день Ивана Денисовича» — та правда, которая необходима стране, как дождь в засуху. Как писал Солженицын потом, если бы не было Твардовского, «Иван Денисович» не был бы напечатан. И если бы не было Хрущева, публикации бы не было. Сам Солженицын считал, что появление «Ивана Денисовича» в «Новом мире» в 1962 году было своего рода чудом, подобным нарушению всех физических законов, как если бы, например, предметы стали сами подниматься от земли кверху или холодные камни стали бы сами нагреваться, как он выразился в одном интервью. Но произошло стечение невероятных обстоятельств и исключительных личностей, позволившее этому чуду свершиться...

— Хрущева ведь тоже, навер-

ное, эта вещь пробила, попала в сердце, не только, видимо, конъюнктурные политические соображения в его мозгу сработали...

— Конечно, Александр Исаевич называл его — «верховой мужик». Возможно, какие-то мужские его корни были затронуты этим произведением. А еще потом рассказывали, что его очень тронул тот эпизод, где Иван Денисович кладет кирпичи: ему это показалось образцом того, как должен работать человек в социалистическом обществе... Мы-то понимаем, что к социалистическому труду эта сцена не имеет никакого отношения, но Хрущев воспринял ее именно так...

— И нельзя не вспомнить письмо Твардовского Хрущеву, в котором он очень искусно находит аргументы, убедительные именно для адресата...

— К тому же они и встречались по этому поводу. Твардовский Хрущев убедил, но единичную ответственность за публикацию тот на себя брать не захотел, а распорядился разослать расказ всем секретарям ЦК и членам Политбюро. Однажды вечером «Новый мир» получил распоряжение к утру обеспечить 25 экземпляров «Ивана Денисовича». Компьютеров тогда не было, текст разбили на части, и всю ночь наборщики «Известий» его набирали, корректоры тут же вычитывали, поражаясь необычному содержанию и непривычному синтаксису, а утром 25 экземпляров были разосланы адресатам. Те прочитали и не возразили против публикации, поняв, что такова воля «верхового мужика»...

Все это, как мы помним, продолжалось недолго, всего лишь через несколько лет номера «Нового мира» с «Одним днем Ивана Денисовича» и еще четырьмя солженицынскими рассказами, которые журнал сумел в те годы напечатать, изыли из всех советских библиотек. Но это было через несколько лет. А тогда, когда «Один день Ивана Денисовича» вышел... Людям, которые не жили в то время, даже трудно себе представить впечатление, которое произвело на наше общество появление «Ивана Денисовича». На Солженицына обрушилась лавина писем, в том числе от бывших заключенных. И в этом смысле «Иван Денисович» стал крестным отцом «Архипелага ГУЛАГ»: эти письма и встречи дали Солженицыну колоссальный фактический материал...

— Если я не ошибаюсь, сам он называл «Ивана Денисовича» пьедесталом к «Архипелагу»...

— Так оно и есть. Сергей Сергеевич Аверинцев вспоминал, как он шел в те ноябрьские дни 1962 года по Москве и у каждого газетного киоска видел одну и ту же картину: люди спрашивают книжку «Нового мира» с «Иваном Денисовичем». Один человек даже выговорить не мог названия журнала и только просил у киоскерши: «Ну это, это, где вся правда-то написана!» Тут уже, добавлял Аверинцев, не история словесности — история России...

— А сам Александр Исаевич ожидал такого фурора?

— Интересный вопрос. Думаю, что большого впечатления он ожидал, но такого — вряд ли. Вообще, этот успех, в первую очередь заставил его обеспокоиться тем, что он, как я уже говорила, дал на себя след. И что теперь у него могут изыять другие рукописи — ведь

к тому времени уже были написаны и «В круге первом», и политически очень острые пьесы... И первое, что он сделал, — стал объезжать своих надежных лагерных друзей, живших в разных концах Союза, с тем, чтобы у них спрятать микрофильмы с текстами.

— А ваши собственные ощущения и впечатления, когда вы прочитали «Ивана Денисовича», вы помните?

— Еще бы! Это из очень ярких впечатлений моей жизни. Я была тогда студенткой, заканчивала мехмат Московского университета. У меня уже был маленький сын. Моя семья выписывала «Новый мир», рассылка ноябрьского номера началась 18 ноября, и не позднее 20-го мы его уже получили: тогда почта работала не так, как сейчас. И вот, уложив ребенка спать, я расположилась с журналом на кухне. Кухонька была крохотная, пятиметровая, в ней стоял стол, но стульям места уже не было: были табуретки, которые в необременное время задвигались под стол. У меня была привычка читать, положив книгу на стол и став коленками на табуретку.

Одним словом, я знала о лагерях. И вообще, хотя я не была диссидентом, но была, я бы сказала, солдатом самиздата. Я очень много уже в школе и потом прочитала и перепечатала всякой «подпольной» литературы, у меня дома была целая библиотека из перепечатанных мною вещей. В 1957 году я печатала на машинке полученного на несколько дней «Доктора Живаго»...

— Ого! Это уже не солдат, а гвардеец самиздата!

— Ну вот, так что о том, что такое сталинский террор, я знала. Для меня потрясением стал не факт существования лагерей, а художественная мощь этой книги.

— Вы меня извините, но, получив вас в собеседницы, я не могу не расспросить вас о личных отношениях. Все равно как если бы ко мне пришла в программу Софья Андреевна Толстая, а я бы ее спрашивал только о «Войне и мире» или об «Анне Карениной»... Ваше знакомство с Александром Исаевичем как-то связано с «Одним днем Ивана Денисовича»?

— Очень опосредованно. «Иван Денисович» познакоми-

гивал: либо принимал, ставя рядом плюсики, либо не соглашался, ставя минус и при этом всегда поясняя, почему он не согласен. Одним словом, наш союз оказался гораздо счастливее, чем у Льва Николаевича с Софьей Андреевной, раз уж вы ее упомянули...

— Но из всей его творческой и общественной биографии складывается образ человека бескомпромиссного, вроде ибсеновского Бранда, живущего по принципу «все или ничего». В личной жизни с таким человеком, наверное, было непросто?

— В быту это был самый легкий человек из всех, кого я в жизни встречала. Абсолютно неприхотливый и нетребовательный во всем, что касалось быта. Только две вещи были важны ему, когда он работал, — тишина и много света. Дети знали — это уже относится к периоду жизни в Вермонте: до двух часов дня стучать мячом нельзя, отец работает. А после двух, когда он читал, делал выписки, — пожалуйста.

Комфорт, еда, одежда, деньги — ко всему этому он относился просто, даже аскетично. Обновки вообще не любил,

что не присоединится ни к одной из партий. Но, конечно, он надеялся, что его опыт и знания, его понимание России и представление о путях ее развития окажутся в большей степени востребованными, чем это оказалось на самом деле. Надеялся, но вместе с тем был готов к тому, что в реальности случилось. А что случилось, вы наверняка помните. В частности, его телепрограмму — 15 минут раз в две недели — закрыли через год и два месяца после его возвращения. Даже не предупредив и не извинившись.

— Но он ведь и после возвращения остался бунтарем, таких российская власть не любит. Помню, как он отказался от высшей награды, ордена Андрея Первозванного, если я не ошибаюсь...

— А как он мог принять награду от власти, которая довела страну до такого гибельного состояния? Объявить в России единственной идеологией рынок — это значит гарантировать ее нравственный коллапс, который и произошел.

— А вот это возрождение сталинского культа он ведь застал? И как он реагировал на него? По-моему, даже Солженицын не смог бы ответить на вопрос, как это стало возможно в стране, которая через ГУЛАГ прошла, а потом прочитала изданные миллионными тиражами «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг»? Весь мир прочитал, весь мир, выражаясь пастернаковскими словами, плакал над судьбой России, весь мир все понял, а для самой России — все, похоже, в одно ухо влетело, в другое вылетело...

— Расцвета этих неосталинских настроений он уже не увидел, но начало застал. Он, однако, считал, что этот откат вызван прежде всего разочарованием людей в сегодняшнем дне, неприятием того положения вещей, которое делает прожитую ими жизнь бессмысленной, а многих обрекает на нищету. Люди стали противопоставлять настоящему прошлое, идеализировать это прошлое. Ведь далеко не всем, даже среди элит, присущ аналитический склад ума, далеко не все хорошо знают историю своей собственной страны... А власть, в свою очередь, из истории всегда хочет сделать служанку, у нас история всегда — политика, опрокинутая в прошлое. А история должна бы быть дорожной картой, должна убереечь нас от тупиков и ям, от того, чтобы снова идти по неверному пути...

— Возвращаясь в финале нашего разговора к образу Толстого: вам не кажется, что Александр Исаевич тоже ушел, как Толстой? Не преданный, конечно, анафеме, в этом смысле все было ровно наоборот, ему были возданы все прижизненные и посмертные почести, но тоже — разочаровавшийся и непонятый?

— Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Было бы легко, если бы он был задан года за два до его ухода. Александр Исаевич по природе своей был оптимистом и оставался им в самых тяжелых жизненных обстоятельствах. Но последние года полтора он стал терять этот оптимизм. И он ушел в огромной тревоге за Россию.

Полностью интервью с Натальей Солженицыной было показано на телеканале «Совершенно секретно».

Александр Исаевич по природе своей был оптимистом и оставался им в самых тяжелых жизненных обстоятельствах. Но в последние годы он стал терять этот оптимизм. И он ушел в огромной тревоге за Россию

Александр Солженицын (в центре) с женой Натальей и сыном Игнатом

Об «Иване Денисовиче» я уже что-то слышала краем уха, но не более того. Тут я начала читать и как будто провалилась в это чтение: опомнилась только, когда прочитала последнюю фразу.

Но, вы знаете, это не было для меня политической сенсацией, мой дед погуб в лагере, и я знала о существовании лагерей. Когда я была совсем маленькой девочкой, еще дошкольницей, то ездила с бабушкой за 101-й километр отправлять деду посылки в лагерь. На самом деле деду уже не было в живых, он погуб в лагере в 1943 году, но нам никто этого не сообщил, и мы продолжали собирать и отправлять эти посылки, беречь каждую кроху, экономить на всем... Мой отец погуб на фронте, мама осталась вдовой в 22 года, жили очень трудно, но посылку подолгу собирали, а потом мы с бабушкой ехали за 101-й километр, чтобы ее отправить...

— Почему надо было ехать для этого так далеко?

— Не знаю. Может быть, не хотела бабушка ставить московский обратный адрес...

мил Александра Исаевича с большим числом людей, меня среди них не было, зато была моя добрая знакомая, секретарь Эренбурга Наталья Ивановна Столярова. Вот она меня и познакомила с Александром Исаевичем...

— И это, что, была любовь с первого взгляда?

— Да.

— Как, во всяком случае в первое время, вы смотрели на него? Снизу вверх? Ведь, кроме всего прочего, и разница в возрасте была приличная...

— Разница разницей, но я уже была взрослой женщиной. Так что не знаю насчет снизу вверх, но я была готова ради него, ради того, чтобы ему помочь, многим жертвовать и рисковать. Но когда любишь, это легко. Жертвовать, собственно, не пришлось, мы прожили счастливую жизнь, в которой я была его помощницей, первым читателем и редактором, к мнению которого он прислушивался. Я писала свои замечания на полях его рукописей, которые сама же и набирала, и на каждое из этих замечаний он реа-

очень привыкал к старой одежде. Был морозоустойчив — мог работать и в неотопляемом помещении. Все гонорары от «Архипелага ГУЛАГ», он сразу по выходе книги отписал, с того момента и навсегда, на помощь бывшим политзаключенным. Никогда не взял из этих гонораров ни копейки. А «Архипелаг ГУЛАГ» — это самая «гонорарная» из его книг, она переведена на сорок языков. Собственно, этими средствами и оперирует сегодня солженицынский Фонд, которым я руковожу, помогая бывшим политзаключенным и послесталинской эпохи.

— Вспоминая его возвращение в Россию: он чего-то больше от этого ждал? Не в смысле фанфар — их было достаточно. Но, наверное, он ждал, что в новой, постсоветской России к нему больше будет прислушиваться, он сумеет оказать влияние на общественную, политическую жизнь страны...

— Вы знаете, и да, и нет. Никакой политической роли он для себя не видел и, еще готовясь к возвращению, говорил,

«Своя игра»: хроника

«Юрий Васильев, журналист из Москвы». Почти десять лет автора этих записок неизменно представляли так перед началом каждой «Своей игры», СИ — или просто «Свояка» — с его участием. С января 2013 года СИ должна была прекратить свое пятнадцатилетнее существование на канале НТВ. И вдруг — редчайший случай: передача, изгнанная с канала, вернулась на прежнее место. Кто мог вернуть «Свояк» на экраны — и почему?

Юрий Васильев, Александр Эдигер, Юрий Хашимов. Вместе — команда Москвы, победители открытого командного чемпионата по СИ. Первого — едва не ставшего последним

■ Юрий ВАСИЛЬЕВ

Вернуть на экран проект, о закрытии которого уже объявили, мог только один человек: глава НТВ Владимир Кулистиков, лично. Убедительно попросить об этом его могли только два человека. Ну, может, еще пара людей из Газпрома...

Сергей Пехлецкий, продюсер «Своей игры», рассуждает о происшедшем с огромной осторожностью. Пехлецкого и его коллег можно понять: произошло действительно нечто неслыханное для ТВ новой России — программа, уже изгнанная с телеканала, догнали и вернули обратно. Слова об отношениях с покупателями — собственно каналом НТВ — создатели «Своей игры» подбирают особенно тщательно: — Время от времени мы наблюдали некоторые действия, направленные на то, чтобы программа ушла из эфира сама...

На этом, если позволите, я перестану изображать объективного и беспристрастного сотрудника СМИ, расследующего «случай СИ». И дело даже не в том, что, допустим, с Сергеем и его коллегами я знаком и дружен без малого десять лет, которые мне посчастливилось провести в «Своей игре», — а, допустим, НТВ по всем запросам отсылает к своему сайту с комментариями официальных лиц. Просто этот десяток лет дал мне самую большую возможность, редкую для основной профессии: говорить от первого лица практически обо всем, что происходило и происходит со «Свояком». Возможность, которой я не без удовольствия воспользуюсь — благо повод есть, и он действительно уникален. В отличие от всего остального, что происходило со «Своей игрой» на канале НТВ.

Итак. «Некоторые действия, направленные на то, чтобы...» делятся на очевидные и кулуарные. Очевидные — это когда СИ то и дело гоняли по эфирной сетке НТВ с неизбежной потерей рейтинга. Куда менее очевидные действия приходились на время

подписания очередного договора между производителями программы и покупателями. Выглядело это так: «В новом году, то есть через месяц, программа должна выйти в новых декорациях», — объявляли, допустим, представители НТВ. «А вы разве договор с нами уже подписали?» — спрашивали продюсеры СИ. «Нет, позже подпишем, а вы пока как-нибудь так». — «Извините, не можем: производство декораций — штука дорогая, без договора никак». — «Ага, не можете. Значит, отказываетесь от эфира?» Беспокоящий огонь по «Своей игре» шел долгие годы — и цель его была очевидна всякому, кто имеет дело с ТВ.

— Кто его знает, подо что на НТВ хотели расчистить эфир. Может, под балеты Чайковского? — предполагает Пехлецкий.

Предпоследнее обострение случилось весной — и уже тогда было оно не вполне обычным. В конце мая 2012-го, на следующий день после нашей победы в командном чемпионате — команда Москвы, в порядке выступлений: Юрий Васильев (приехал в столицу из Минска), Александр Эдигер (из Кишинева), Юрий Хашимов (как раз коренной, самый что ни на есть) — должны были начаться съемки следующих игр. Вместо этого после фанфар в нашу честь сразу же стали демонтировать декорации. Присутствовавшие на трибунах игроки не понимали, что происходит. Многие из них приехали из других городов по вызову редакции — билеты, гостиницы, с работы отпроситься тоже целое дело...

К безусловной чести авторов «Своей игры», те перед людьми извинились — совершенно не за свою вину — и деньги им вернули (обычно всё за свой счет). Съемки, однако, перенесли на неопределенный срок — из-за того, что очередной разговор о декорациях затянулся. Обострившиеся эстетические разногласия сведущие люди объясняли просто: «Ребята пытаются сторговать «Лендкрузер» по цене «Калины». При этом никто не

пояснил, что имелось в виду: соотношение сумм или нечто, близкое к абсолютным цифрам.

Результатов оказалось два. Один подковерный, другой очевидный. Денег за «Свояк», как говорят, с канала стало поступать «значительно меньше». А «Своя игра» во второй половине 2012-го стала идти раз в неделю вместо привычных двух эфиров в уик-энд.

К ноябрю разговор вернулся на круги своя. Договор на следующий год появляться на столе не желал, и при этом от «Своей игры» вновь потребовали изменить — с обычного телеформата 4:3 под широкоэкранный 16:9. Косметическими поправками здесь не обойтись: под растянутый экран надо кардинально поменять визуальный облик программы. В этот раз покупатель решил не размениваться на тактические маневры: контракт на СИ-2013 заключен не был. Ни в каком виде, даже в самом репрессивном.

Письма телезрителей действительно были. В том числе — на адреса тех двоих, которые, по мнению Пехлецкого, могли убедительно попросить Владимира Кулистикова, НТВ, за «Свою игру». Интеллектуальный клуб одной из московских школ забросал посланиями сетевые представительства Дмитрия Медведева. И сделано это было как раз накануне встречи премьер-министра России с руководителями основных телеканалов. — Верить, что Медведев спас СИ, — это было бы с нашей стороны манией величия, — сразу же предупреждает Сергей Пехлецкий. — Но если вдруг кто-то в «Твиттер» Медведеву скинул вопль «вот дожили, что делается на НТВ» — и люди, готовившие встречу, предупредили руководителя НТВ, что возможны вопросы о нашем проекте... почему нет? Никто не знает.

Кто и о чем именно писал Владимиру Путину, авторам «Своей игры» неизвестно. Известно лишь одно: между публичной

инвективной главы президентской администрации Сергея Иванова в адрес СМИ, занимающихся «дебилизацией населения», и объявлением на сайте НТВ — «Свояк» возвращается, а закрывает канал как раз скандально известную «Программу Максимум» — прошло всего несколько часов.

А в том, что наверху к нам в принципе хорошо относятся, за эти годы я мог убедиться на всех уровнях российской власти. То в Пошехонье, после аппаратного совещания у главы района, навстречу — улыбающийся военком: «Ну это же вы по телевизору играете? Вопрос жизни, смерти и коньяка, который я на вас поставил...» То вице-губернатор Оренбургской области спросит, когда следующую игру смотреть. И так далее, и так везде — и это с игроком, которому до великих Либера, Подольного, Хашимова, Эдигера — как до хрестоматийного Пекина.

Свой отбор на «Свою игру» я — Юрий Васильев, журналист из Москвы — в начале нулевых списал у соседа по счастью. Не весь списал, но многое. Ну не вспомнил за десять секунд, которые даются на очном отборе в участники СИ, кто это создал: «Мы, дети страшных лет России, / Забыть не в силах ничего». Правильный ответ — Александр Блок, спасибо; с дивана ответить каждый может. А я хоть и не на самой игре, но — забыл. Знал, но был не в силах и забыл. У людей из игры называется это, как позже выяснилось, специальным словом «переключин». Блока вот забыл и еще вопроса три. Или четыре. Из двадцати.

Совсем, конечно, не исклю-

чался вариант, что сосед на вопросы отбора ответил неправильно. Но на это в игре есть другое специальное слово, даже два: «инсайт» и «чуйка». Был мне инсайт, то есть у меня чуйка была, что сосед ответил верно. До игры допустили обоих; сработало.

Лично знаю человека, который проходил телефонный отбор на «Свою игру» так. Претендент, он же — владелец небольшого бизнеса, собрал самых башковитых сотрудников в офисе возле доски, где маркером показатели рисуют. Когда ему перезвонили, телефон поставил на громкую связь. Кто знал, тот тут же писал ответ. Тихо писал, чтобы босса не спалить. Так и прошел. Играет до сих пор. И, кстати, неплохо. Как и мы с соседом.

Народ около программы СИ собрался жесткий. Привыкли ко всему, видели многое — особенно те, кто играет отнюдь не только на ТВ. Эти люди постоянно в дороге — в плацкартных, как правило, вагонах. По маршрутам а la Счастливец с Несчастливецким: из Керчи в Вологду, из Вологды в Воронеж, из Воронежа в Саратов и далее везде. От турнира к турниру, от фестиваля к фестивалю, от почетной грамоты к жестяному кубку. Если повезет и пригласили, едут на съемки теле-СИ. Они — профессионалы игры, постоянно вкладывают в нее свое время, силы и — да, деньги. Многие из них уверены, что в «Своей игре» существует какая-то специальная тактика, отличная от «бей-беги»; в нашем случае — жми кнопку и отвечай, если вдруг соперники раньше не нажали. И если ответ знаешь.

■ ХРОНИКА

КАК ЗАКРЫВАЛИ И ОТКРЫВАЛИ «СВОЯК»

Ноябрь 2012 года

Максим Руссо, редактор «Своей игры»:

Только что мы получили распоряжение об отмене декабрьских съемок «Своей игры». Видимо, с телесериалами вроде «Братаны-3» и «Дикий-2» наша передача не гармонирует, а уровень интеллекта и эрудиции выше, чем у программы «Ты не поверишь!», для НТВ неприемлем.

Сайт НТВ:

Программа покидает телеканал из-за недостаточно высокого рейтинга. В свое время передача была популярна. Но телесмотрение меняется, и любая программа имеет свой жизненный цикл.

Петр Кулешов, бессменный ведущий СИ, — «Вечерней Москве»:

Рейтинг «Своей игры» был выше среднестатистического. Это при том, что у нас не было анонсов. Конечно, у сериалов типа «Братва» и «Братаны» рейтинг зашкаливает. За ними нам, конечно, не угнаться...

Декабрь 2012 года:

Максим Руссо:

Рад сообщить всем новость. Мы получили распоряжение вновь готовиться к съемкам «Своей игры». Снова на НТВ, как это ни удивительно.

Александр Нечаев, зам. гендиректора НТВ:

Новость о том, что «Своя игра» перестанет выходить в эфир, вызвала такой шквал бумажных и электронных писем, звонков, сообщений на сайте НТВ и по всему русскоязычному Интернету, что мы не могли не отреагировать... Мы договорились продолжить сотрудничество, несмотря на неблагодарную экономику программы. В 2013 году «Своя игра» все-таки будет выходить в эфире НТВ. Чем активнее «Свою игру» будут смотреть, тем дольше она будет оставаться в эфире.

объявленной жизни

Или догадался. Или не знаешь совсем, но — инсайт, он же чуйка. Паши и сей, сей и паши: пашешь на кнопке, выигрывая право ответа у соперников — сеешь на аукционах, сколько смелости твоей хватит. Хоть ва-банк ходи.

Это, однако, для них спорт. В котором — тактика, стратегия, апелляции в случае поражения, протоколы, рейтинги. Движение так и называется: спортивный «Своjak». Как правило, играют в него на тех же турнирах, где практикуют спортивное «Что? Где? Когда?» (и те же люди, чего уж там). Не все спортсмены попадают на ТВ, но в телевизоре спортсменов большинство. Они часто выигрывают в теле-СИ у людей, пришедших на отбор с улицы. Столь же часто им проигрывают. И то, и другое — вне всякой связи со спортивными успехами либо их отсутствием. Прямо как у нас, уличных. И у тех, и у других игра либо пошла, либо не пошла. Во втором случае ты ее — игру, которая не пошла, — либо сломал, либо не сломал. В последнем же случае тебе либо повезло, либо не повезло. А если не повезло, то уже без вариантов. Даже если ты наизусть знаешь пакет вопросов, к примеру, второй лиги Пермского края за две тысячи далекий год.

Чего не было и нет в «Своjке» при всем при этом — так это розни любого рода. Как в девяностые придумали авторы СИ для игроков мантии, чтобы скрыть не самую презентабельную повседневную одежду, так с тех пор и пошло — равенство во всех смыслах. А уж играть в «Своjку», где всех и отовсюду понемножку, и быть ксенофобом — лучше сразу повеситься. Оттого все отношения, попав в орбиту игры, приобретают академически-отвлеченный характер — даже когда речь шла о прямых и явных трагедиях. «Игрочё» — сволочёр; много в этом самонаблюдении правды, не отнять.

Дело было в один из не вполне прекрасных моментов жизни страны. Момент из той серии, когда в язык отечественных обывателей без спросу проникают специальные термины, которые от хорошей жизни ни под каким соусом туда попасть не могли: «зачистка», «дефолт», «миллирентген» и т.д. Тогда в очередной раз активизировались скинхеды — и в связи с этим читающую публику довольно мощно оповестили об обычаях и ритуалах этой, как теперь принято говорить, социальной группы. В том числе и о белых шнурах — символе того, что данный бритоголовый субъект совершил убийство по национальному признаку.

Разумеется, сообщество не смогло пройти мимо нового знания — приложив его к реалиям «Своей игры», где многонациональные тройки, скорее, правило. Пестрая компания игроков, в том числе коренной москвич Юрий Абдумажитович Хашимов, однажды в перерыве между съемками собралась на крыльце одного из ангаров в КБ Яковлева на Ленинградке (съемки в последние годы проходят там), чтобы между делом выяснить, кому и сколько шнушков в принципе положено — по совокупности игровых заслуг.

Понятно, что шнуры победитель межэтнического состязания «получал» вне зависимости от своего пятого пункта. С прочим регламентом такой кристальной ясности, однако, не было. Надо ли, к примеру, давать шнуры за второе место из имеющих трех? А если в игре двое украинцев обыграли, допустим, уроженца Еревана — как быть: каждому по шнуру? И если армянский, допустим, человек сам вынес этих двоих, то ему, получается, надо вручить два комплекта?

Подросли любители и профессионалы точных наук. Стали высчитывать коэффициенты, брать поправки и выводить формулы. Злополучные шнуры то умножались, то делились, когда к нам подошла Маша Пастухова. Одета в золотую мантию, она в вольном режиме циркулировала между игроками и зрителями — ей как раз после перерыва надо было идти к тумбочке, то есть, собственно, играть.

— Мальчики, — спросила Мария, — вы чего бубните «белые шнуры, белые шнуры»? Ну у меня белые шнуры, и что?

Приподняв край золотой мантии, Маша продемонстрировала пару вполне советских кедров (до повсеместной новой моды на эту обувь было еще далеко) — с чистой белизны галантереей.

— Стоять удобно, — пояснила она. — И ходить. Так в чем дело?

Стало понятно, что Мария о семантике шнушков в маргинальной субкультуре наслышана еще не была.

— Ну вот смотри, Маруся, ты на своих прошлых играх как сыграла?

— Выиграла, — сказала Маша. И тут же добавила: — У Мирослава Гринберга, психолога из Бердичева.

Женщины, как заметила Петрушевская, вообще пристальнее

мужчин. Мария из таких: любит отвечать с расстановкой и полным ответом. В наступившей многонациональной смеховой истерике никто так и не объяснил ей, в чем, собственно, было дело. Восполняю — ну да — пробел.

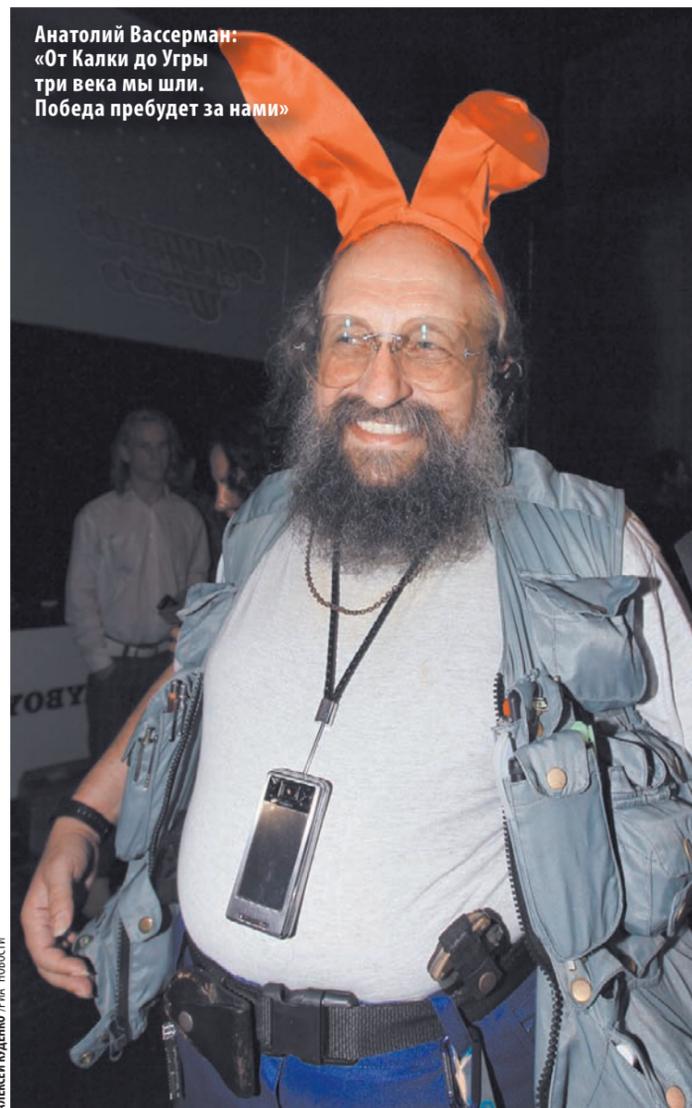
— Поскольку конечный результат каждой индивидуальной жизни заведомо известен, смысл жизни в целом — в непрерывности ее процесса. То есть каждому из нас желательно добиваться, чтобы жизнь продолжалась и после него — и продолжалась в лучших, чем при нем, условиях.

Анатолий Вассерман — человек, знающий, в чем смысл жизни, с точностью конкретного ответа на вопрос (кстати, кто под ним не подпишется полностью?); очки, борода, жилет фирменный, предметов в нем не счесть. Как всегда, предлагает окружающим горький шоколад — он у него и для игры, и, кажется, для всего. Потом обращается к коллегам со стихами собственного сочинения, только что им же прочитанными в другой программе канала НТВ:

Ордынский бунчук от родимой земли отбросило русское знамя. От Калки до Угры три века мы шли. Победа пребудет за нами!

И еще пять куплетов того же, с тем же рефреном: «победа пребудет за нами» — чисто грамматически озадачивающим, пожалуй, больше всего остального. К остальному за последние годы просто привыкли.

«Завидно, киса?» — в те же дни спрашивал Вассерман открытых критиков своей поэзии. — Сами родину потеряли, вот и обижаетесь, что у других она осталась — и покуче места Вашего нынешнего пребывания... Вы завидуете не моим стихам, а моему — и вообще русскому — оптимизму.

Анатолий Вассерман: «От Калки до Угры три века мы шли. Победа пребудет за нами»

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО / РИА «НОВОСТИ»

■ ДОСЬЕ

ЧТО ТАКОЕ «СВОЯ ИГРА»?

Формально СИ является российским вариантом популярной американской телевикторины Jeopardy! («Риск!»), появившейся на экранах США в марте 1964 года. «Своя игра» стартовала на канале РТР 7 апреля 1994 года. С января 1997-го — на НТВ, весь 2000 год — на ТВ-6, после чего программа ушла с экранов на девять месяцев. С сентября 2001 года и до последнего времени СИ вновь выходила в эфире НТВ. Бессменный ведущий «Своей игры» — Петр Кулешов. В 1994 году, победив в двух играх СИ, известный игрок «Что? Где? Когда?» Владимир Молчанов принял предложение стать редактором «Своей игры»; в течение полутора десятилетий он на посту главного редактора программы единолично отвечал за все вопросы для «Своjки». Среди наиболее известных игроков теле-СИ — Анатолий Вассерман, Александр Эдигер, Юрий Хашимов, Александр Либер, Борис Бурда, Станислав Мереминский, Анатолий Белкин, Яков Подольный.

Программа «Своя игра» была награждена «ТЭФИ» в номинации «Лучшая телевизионная игра» в 2003 году. Петр Кулешов как лучший ведущий телевизионной игры получил статуэтку в 2005 году.

Следует отметить, что телевикторина Jeopardy! неоднократно покидала национальный эфир США; в последний раз Jeopardy! не уходила с 1980 по 1983 год.

Петр Кулешов — бессменный ведущий «Своjки»

PHOTOPHES

Россия-то куда не потерялась. А вот Вы ее потеряли. Променили на свой... NY».

Задолго до того как перейти к постоянному воспеванию родины, Анатолий Вассерман выиграл 22 игры подряд — прославив себя, «Свою игру» и интеллектуальные битвы в целом. «Анатолий Вассерман знает слово, которое было вначале», «Гугл и Википедия — всего лишь небольшие частные случаи мимолетной задумчивости Анатолия», «Мы все — полуденный сон Анатолия Вассермана»; видит бог, интернет-остроумцы не так далеко ушли от истины, описывая великого игрока Онотоле.

От тех времен в нынешнем русском оптимисте Вассермане осталось разве что желание объяснить свою вдруг открывшуюся антилиберальную позицию — где угодно, вплоть до митингов рядом с Прохановым и Кургиняном. Выигрывать в «Своjку» он при этом перестал.

Зато теперь у него на НТВ своя передача, общественно-политическая. «Реакция Вассермана» называется. Онотоле как реакционер; видим, любим, скорбим.

Авторам СИ, однако, сейчас не до чего: вся подготовка к отменным был эфиром в декабре пошла раза в два быстрее. Если не в три — учитывая, что раз вызванных на съемки людей не всегда можно собрать обратно на другое время. Ждут новые декорации «Своей игры» и финансовые изменения к лучшему — тьфу-тьфу-тьфу, не слезить бы ни того, ни другого. Снова заговорили о командном чемпионате, втором по счету: Армения и Азербайджан, Израиль

и Ингушетия, Казахстан и Нидерланды, Франция и Ханты-Мансийский округ, Узбекистан и Сибирь, Германия, Чувашия, Удмуртия... Для русского мира — без чиновных кавычек, просто мира, где говорят и думают по-русски — телевизионный «Своjак» был одной из немногих точек пересечения. Был — и остается.

Чудо свершилось. Благодарные телезрители пишут (цитата с сохранением орфографии): «Даже боюсь радоваться. На столько популярно удушение всего умного на телевидении». Телевизионным приемникам — тем, которые еще во времена первого разгрома НТВ собирались как класс выкинуть из продвинутых домов — опять повезло. А Сергей Пехлецкий и его коллеги — авторы и продавцы «Своей игры» — даже не берутся предполагать, кто вскоре убедительно может попросить СИ о мелких услугах по борьбе с дебилизацией, «одичанием и падением нравов» (С.Б. Иванов). И, кстати, насколько мелкими эти услуги будут.

— Не знаю, какие механизмы создали эту ситуацию; не знаю, какие ее и разрушить могут. Завтра Газпром — владелец телеканала — скажет: «Ненавидим СИ, ни копейки не дадим!» — и что тогда? Нам везло всё время, другие и года не живут. «Программе Максимум» сейчас обидно так же, как было обидно мне. Отрасль такая. Не хочешь — не занимайся этим бизнесом, — говорит Сергей Пехлецкий. И добавляет:

— Грязным, мерзким, отвратительным.

Исполнилось 35 лет со дня смерти Александра Галича. 12 лет стихи поэта не переиздаются в России. Видимо, Галич для любой власти остается диссидентом. О нем вспоминает дочь — актриса Алена Архангельская (Галич)

ИЮЛИЯ АЛЕКСАНДР / ИТАР-ТАСС

Легко ли быть дочкой Галича?

Я никогда не верила в версию, что папа погиб от несчастного случая, потому что не разбирался в технике. Что значит не разбирался? У нас дома всегда была отличная радиоаппаратура, и папа с удовольствием ею занимался. Например, подключал внешнюю антенну к радиоле «Ригонда», по которой он слушал «Би-Би-Си» и «Голос Америки». Он вообще был настоящим мужчиной, который многое по дому делал сам.

Я общалась с людьми, которые были в разной степени осведомлены об обстоятельствах и причинах папиной гибели. События того дня нетрудно было восстановить. Папа пришел, проведя очередную передачу на «Свободе», принял ванну. Потом он включил телевизор... Позже говорили, что у него в руках якобы была телеантенна (так называемые усы), которая оставила сильные ожоги. Когда я спросила, какое в Париже напряжение, мне ответили, что 110 вольт. Не нужно быть физиком, чтобы знать, что такое напряжение не может сразу убить, а тем более оставить ожоги на руках.

Чтобы прояснить этот вопрос, я обращалась к профессионалам. Разговаривала с профессором-криминалистом Александром Васильевичем Масловым. Он долго меня расспрашивал, так как собирал материалы о гибели отца и говорил, что напишет по этому поводу статью в журнал «Человек и закон». Он считал, что смерти от «несчастливого случая» просто быть не могло.

Потом он позвонил мне и сказал, что статью публиковать отказались, и такое случилось с ним впервые...

Я не раз рассказывала: во время очередной поездки в Париж с телевизионщиками мы попытались попросить у французов эпикриз, то есть сведения о том, что всё же послужило причиной смерти папы. Ответ был более чем странный. Нам сказали, что дело закрыто на 50 лет и никакого заключения врача о причинах смерти мы не получим.

А что касается версий того, почему произошло убийство (я называю случившееся именно так), то их несколько. Например, во время одного из вечеров в Центральном Доме литераторов в 2003 году мне прислали записку: «Если вы хотите знать о причинах смерти вашего отца, то позвоните мне». И был указан номер телефона. Через день я позвонила, и ко мне пришел человек. Мы с ним разговаривали вот здесь, на кухне. Он рассказал, что в конце семидесятых работал в одной из «заинтересованных организаций» и что, по его информации, в то время в Политбюро было два мнения. Одни считали, что нужно возвратить в СССР Александра Галича и Виктора Некрасова. Предложить им много денег, дать хорошие квартиры, но при условии покаяния. Другие сходились во мнении, что их надо просто «убрать». Ребята с НТВ нашли журналиста, который должен был передать предложение вернуться и Галичу, и Некрасову. Но он, как выяснилось, опоздал...

Как рассказывала папина вторая жена Ангелина, десять дней шло расследование. А потом ее вызвали на Радио Свобода и сказали: «Ангелина Николаевна, если вы хотите продолжить расследование, то ренту за Александра Аркадьевича мы вам платить не будем, а служебную квартиру отберем. Но если вы согласитесь с тем, что это несчастный случай, то мы будем считать это гибелью при исполнении служебных обязанностей. Вы получите двухкомнатную квартиру, хотя и не в таком хорошем районе, и вы ежегодно будете получать ренту...» И Ангелина подписала разрешение на похороны и прекращение расследования. Куда ей было деваться?

Не могу сказать сейчас, узнаем ли мы когда-нибудь правду о том, как и почему погиб мой отец, но то, что в этом деле многое вызывает сомнение и что часть документов скрывается официальными инстанциями, достаточно ясно...

Папина могила на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа ухожена, аренда была оплачена российским государством до конца века, но сейчас уже наступил новый век, и существование не только папиной, но и других могил, в том числе великих русских писателей, поэтов, музыкантов, под угрозой.

Мне кажется, Галич — самый актуальный поэт сегодня. 12 лет его не печатают, а его песни исчезли из эфиров радио и ТВ. Он снова перешел в разряд «неудобных». Но не забытых. На недавнем фестивале его памяти в Сергиевом Посаде зри-

тельный зал (я сама это слышала) скандировал: «Верните нам Галича!»

Детство на фоне Сталина

Многие члены нашей семьи в сталинские годы были репрессированы. Был арестован брат папы Виктор. Мой двоюродный дед Лев Самойлович Гинзбург был известным пушкинистом, но, несмотря на это, его сына-студента арестовали. Деда со стороны мамы, Дмитрия Степановича Архангельского, типографщика высокой печати, репрессировали после смерти Кирова в 1934 году. А моя бабушка Елена Голикова (Архангельская) работала в Наркомате просвещения Краснодарского края. Ее тоже арестовали в 1937 году, но, когда везли из какой-то станицы, она тяжело заболела. Отвезли в больницу в Краснодаре, но спасти не смогли. Тогда арестовали врача, который не сумел ее вылечить...

Маму, как «члена семьи изменников родины», тоже должны были арестовать, но случилось настоящее чудо. В комнате, которую опечатали после смерти бабушки, осталась единственная ценность — швейная машинка подольского завода. И мама решила пойти в НКВД и попросить, чтобы ей вернули эту машинку. Встретил ее там, как она вспоминала, какой-то очень веселый дядька. Он дал ей записку и сказал: «Иди в другой кабинет». А когда она, счастливая, бежала по коридору, ее остановил другой сотрудник, человек с абсо-

лютно серым лицом и белыми глазами. «Ты куда летишь?» — спросил он. Мама назвала номер кабинета и протянула ему записку. Он прочитал, порвал и сказал: «Немедленно на поезд! И как можно дальше!»

Понятно, почему мои родные встретили известие о смерти Сталина без рыданий. Скорее с ожиданием каких-то изменений в лучшую сторону. Я тогда училась во втором классе московской школы №135, а о смерти Сталина услышала по радио. Потом ко мне пришли из школы (учились мы во вторую смену) и сказали, чтобы я прочитала в актовом зале стихи, посвященные Сталину. И тут у меня возникли сомнения: если читать стихи, то нужно надевать белый фартук, но ведь человек умер, значит, надо быть в черном. Я спросила свою няню Агашу, и она, мудрая женщина, посоветовала: «А ты вообще без фартука иди». Вот так я и пошла без фартука, читая стихи «О Сталине нашем, родном и любимом»...

Когда папа узнал от меня об этом, он долго хохотал, а потом сказал: «Запомни, это твой первый в жизни компромисс!» Потом, через несколько месяцев, он показал мне подлинные ему фотографии Мейерхольда, Михоэлса и Таирова, с которыми он дружил. «Запомни этих людей, — сказал он, — это великие режиссеры и великие люди! Когда-нибудь все узнают об этом, но ты должна знать это сейчас». А когда я спросила, куда они делись, он ответил: «Считай, что их всех расстреляли...»

Мое знакомство с литературой тоже было «организовано» папой. Папа считал, что маленького человека надо воспитывать на хорошей литературе. Сначала всё мне давалось нелегко, детский ум (а читать я начала с пяти лет) не всегда всё воспринимал адекватно, но после «Оливера Твиста» дело пошло хорошо.

Я — папина дочка. Когда мне было полтора года, мама уехала из Москвы в Иркутский драматический театр, а папа стал «отцом-одиноким». С ним я и росла.

После развода родителей я жила с мамой. С папой я несколько лет общалась отдельно, они с мамой после развода не встречались. А в десятом классе собрала учебники, надела плащ и ушла к папе, сказав маме, что не вернусь. Папа впервые за долгие годы позвонил маме и сказал: «Не волнуйся, Валя, она будет у меня». Она ответила: «Ну и замечательно!» — у нее назревали гастроли.

Вы спрашиваете, чему меня научил папа? Прежде всего доброте, бескомпромиссности, что мне в жизни очень мешало, а также бережному отношению к людям. Он был человек очень деликатный.

Папа никогда не повышал на меня голоса. Это тоже пере-

ДОСЬЕ

Александр Галич с дочерью, 1946 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА А. АРХАНГЕЛЬСКОЙ (ГАЛИЧ)

Александр Аркадьевич Галич (Гинзбург) — драматург, писатель, киносценарист, бард, родился 19 октября 1918 года в Екатеринославе. Первое стихотворение опубликовал в 14 лет. После девятого класса поступил в Литинститут имени А.М. Горького и в Оперно-драматическую студию К.С. Станиславского. Из-за врожденного порока сердца не воевал, но выезжал с театральными бригадами на фронт. В Ташкенте он женился на актрисе Валентине Архангельской, где в 1943 году у них родилась дочь Алена Архангельская-Галич. После войны продолжал работать в театрах, написал несколько известных пьес («Вас

вызывает Таймыр»), киносценариев («Верные друзья», «Бегущая по волнам»). В 1960-е песни Галича получили широкое распространение среди творческой и научной интеллигенции. Именно с этого момента у Галича возникают проблемы с властью. Его исключают из всех творческих союзов, его имя вымарывается из титров фильмов и театральных программ. В 1974 году вместе со второй женой Ангелиной Шекрот (Прохоровой) его высылают из СССР. Он работает в Норвегии, затем в Мюнхене и Париже на Радио Свобода. 15 декабря 1977 года погибает (официальная причина — несчастный случай) в своей парижской квартире.

Алена (Александра) Александровна Архангельская-Галич. На ее счету сотни театральных ролей и несколько ролей в кино. С начала 1970-х, в связи с исключением отца из творческих союзов, Алене Архангельской-Галич было запрещено работать в московских театрах, а потом и в театрах крупных городов России. Ей пришлось переехать с места на место: Ярославль, Фрунзе, Орджоникидзе, Казань... В перестроечные времена работала в Доме актера ВТО, затем преподавала в Московском государственном институте культуры. Заслуженная артистка России.

Александр Галич, Галина Вишневская, Михаил Барышников, Мстислав Ростропович, Иосиф Бродский. США, 1976 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА А. АРХАНГЕЛЬСКОЙ (ГАЛИЧ)

шло ко мне. Я вообще орала в жизни только один раз, когда меня ударил сын.

По-родственному

После того как папу исключили из всех творческих союзов, «компетентные организации» стали играть в моей жизни вполне определенную роль. Я начинала работать у Юрия Александровича Завадского. Проработала год, и тут папу исключили из Союза писателей. Договор со мной немедленно прервали... В тот момент меня просто вызвал директор и сказал: «Вы нам подходите, но существует такое положение...»

Я довольно легко нашла себе работу в театре. «Театральный ребенок» все-таки... Мама — актриса, папа — драматург, отчим — известный актер... Так что пошла я во Всесоюзное театральное общество. Там мне сказали: «Да ради Бога!» Позволили и предложили на выбор несколько театров. Я выбрала Ярославль. Там я проработала несколько лет, а потом произошло любопытное событие. Меня вызвал директор театра и говорит: «Алена Александровна, мы решили улучшить вам жилищные условия, переселить из общежития в квартиру в центр города, квартира у вас будет замечательная, большая... Но нужно будет вам выписаться из Москвы».

Когда я рассказала об этом маме, она сказала: «Все что угодно, но только не выписываться из Москвы. Это очень легко сделать, а вот обратно вернуться практически невозможно!» Снова отправилась в ВТО. А мне там говорят: «Алена, а у нас тут распоряжение о том, что тебе запрещается работать в РСФСР, за исключением театров союзных и автономных республик». Чье именно распоряжение, мне не сказали...

Система продолжала работать: гайки закручивались всё крепче. Когда я в очередной раз пришла в ВТО, мне сказали, что служить можно только в одном из республиканских русских театров, причем чем дальше от Москвы, тем лучше. Мне тогда предложили следующий вариант: «Тут есть очень хороший режиссер из Питера, он, правда, тоже сделал «что-то не то», и его отправляют в Киргизию». Так я оказалась в городе Фрунзе. Потом я работала в Орджоникидзе, в Казани, где меня в принципе никто не трогал, а из Казани вернулась в Москву — рожать. Меня, конечно, звали обратно в Казань, но опять же с условием: даем хорошую квартиру, если выписываетесь из Москвы.

С мужем мы разошлись, когда сыну Паше было около двух лет, вот тогда и наступили трудные времена: денег не было, приходилось что-то продавать, на

работу в качестве актрисы меня никуда взять не могли. И тогда оказалось, что помощь снова пришла от ВТО. Мне дали квартиру, маленькую, но свою, и устроили на работу в Дом актера. Когда туда пришла Маргарита Александровна Эскина, начались перемены. Парадокс советского общества! Я, дочь диссидента, стала работать заведующей политсектором!

Мы устраивали там замечательные мероприятия. Первыми провели вечера, посвященные Троцкому, Бухарину, Косареву, первыми пригласили Ельцина, первыми в СССР показали фильм «Геноцид».

В ВТО я проработала пять лет, а позже занялась преподавательской работой в Московском государственном институте культуры. Потом вышли первые диски папы, и я стала получать какие-то деньги. На первый гонорар купила сыну компьютер. А в 1998 году из нашего института стали уходить лучшие педагоги, уходили в коммерческие учебные заведения, где платили больше. Ушла и я, правда, не из-за денег и не из-за того, что мне не нравилась работа. Просто программу обучения «кастрировали» настолько, что стыдно было преподавать...

Вера

Меня крестили раньше, чем папу. Любимая моя нянька Агаша отвела меня в церковь и крестила. Случилось это, когда мне было два с половиной года. Я помню, что мы шли, по детским меркам, конечно, далеко-далеко, в Гнездиновский переулок, где была действующая церковь.

После крещения я была в таком восторге, что тут же всем рассказала; про церковь, про то, как голову макали, как цепочку надели (про крестик я почему-то промолчала). И еще, что дядя пел о хлебе. Бабушка спрашивает Агашу: «Ты что, ее крестила, что ли?» А та встала руки в боки и говорит: «А что я, по-вашему, с нехристью сидеть должна?»

Папин путь к Богу был дольше моего: он крестился в 1973 году — за год до того, как навсегда уехал из СССР. Мама у меня, скорее всего, была крещеная, а он, родившись в 1918 году, точно не крестился. Но с мамой во времена их романа они были одной веры — комсомольской. История с папиным крещением была такой. После войны приехала Голда Меир, и очень многие евреи стали отправляться в Израиль. Мама спросила отца: «А может быть, нам тоже как комсомольцам поехать туда?» Он ответил ей: «Я — человек русской культуры (мама-то была чисто кровно русская), и, понимаешь ли, в Израиле надо принимать иу-

дейскую веру, а для меня ближе православие». Вот этот разговор мне мама передала дословно. Поэтому для меня не было странным и удивительным, что папа принял веру.

Папа считал, что если ты во что-то веришь, то нужно досконально изучить это, нужно знать Библию и все православные традиции. Душа его к этому тянулась, но до какого-то времени он не считал, что готов принять православную веру. Он еще не знал, что будет изгнан с родины. И крестился здесь, в России. Интересно, что крестил его отец Александр Мень (его сын, Миша Мень, кстати, через много лет учился в Московском государственном институте культуры, где я преподавала).

Я думаю, что именно вера помогла папе выдержать все те испытания, которые выпали на его долю...

От любви до ненависти и обратно

Конечно, у папы в жизни и творчестве были разные периоды. В течение 15–20 лет его пьесы регулярно ставились в лучших театрах, по сценариям снимались фильмы, он был членом нескольких творческих союзов, что в советские времена давало определенные привилегии. Да и власти относились к нему вполне лояльно, в том числе и в те времена, когда он уже писал песни.

Он почувствовал, что его творческие способности начинают принудительно ограничивать, когда в 1956 году была запрещена его пьеса «Матросская тишина». Он довольно подробно описывал это в своей книге «Генеральная репетиция». Там есть слова Ильи Эренбурга: «Наступила «оттепель», и снова

мы, как бараны, ринулись на зеленую травку, которая оказалась вонючей топью». Я очень люблю цитировать эти слова, которые мне сильно напоминают нынешнее время. Мы тоже поверили и тоже оказались по уши в дерьме...

Несмотря на то что и пьесы запрещали, и о песнях пошли разные разговоры, в том числе и «наверху», «оргвыводов» в отношении папы долго не делалось. Наоборот, его даже поощряли. Папа получил однажды грамоту следующего содержания: «Товарищу Галичу Александру Аркадиевичу за сценарий фильма «Государственный преступник». Председатель КГБ при Совете Министров СССР В. Семичастный».

По иронии судьбы через 10 лет, в 1974 году, тот же КГБ выгонял папу из СССР. Хотя на фильмы у него была легкая рука, он говорил, что нашел себя в песнях. Песни были разные, иногда простые, иногда шуточные... Даже в энциклопедии, изданной до его изгнания из СССР, он фигурирует как автор «популярных молодежных песен». Первой из острых песен была «Леночка», написанная им в поезде Москва — Ленинград, когда он ехал в гости к своему другу Юрию Герману.

В отличие от «квартирников», которые делали рок-музыканты в семидесятые — восьмидесятые годы, папины выступления назывались «домашники». В основном папа выступал по «академическим» квартирам. Он дружил с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, с Ландау, с Капицей, Владимиром Лебедевым, с академиком Гинзбургом.

А когда папу исключили из всех творческих союзов, жена академика Лебедева создала

своего рода «Фонд помощи исключенным». И каждый месяц академики в четыре адреса посылали деньги: папе, Дудинцеву, Солженицыну и Войновичу. По тем временам это был очень смелый поступок, поскольку само по себе исключение из творческих союзов было практически запретом на профессию, на занятие определенной формой деятельности. Это было своего рода наказанием и оставляло творческих людей без средств к существованию. А «фонд» частично подрывал эту «государственную политику».

Папа был человек удивительный. Он до последнего считал, что высылки из страны не произойдет. Даже я понимала, что он ходит «на грани», и говорила ему это. Почему он отправился в Норвегию? В Норвегии он был в 1956 году с первым визитом в составе делегации писателей. Они попали в музей Грига. И после того как экскурсовод провел экскурсию, вышел папа и сказал: «А можно мне кое-что дополнить?» И дополнил так, что все просто обалдели, а экскурсовод спросил его: «Вы что, специалист по Григу?» Папа скромно ответил: «Нет, я просто много читаю». Мало того, когда норвежцы узнали, что папа — последний ученик Станиславского, они пригласили его прочитать несколько лекций. Когда в Норвегии узнали о папином исключении, ему стали приходить приглашения работать в этой стране. Он с этими бумагами ходил в ОВИР, но ему отказывали — «запрет на профессию» предусматривал невозможность заработка и за рубежом.

В один из дней ему сказали: «Ни в какую Норвегию вы не поедете работать. Вот вам израильская виза, срок выезда —

Не могу сказать сейчас, узнаем ли мы когда-нибудь правду о том, как и почему погиб мой отец, но то, что в этом деле многое вызывает сомнение и что часть документов скрывается официальными инстанциями, достаточно ясно

Могила Александра Галича на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

четыре дня. Вам возвращается взнос за кооперативную квартиру. А иначе едете на Север. Все было просто и буднично. Сообщили также, что ехать папа с женой будет через Вену, а оттуда — куда угодно. Так и произошло, он получил норвежский паспорт беженца, с которым потом жил и умер. Сначала отправился в Норвегию, немного поработал там, затем переехал в Мюнхен, где ему предложили постоянную работу на Радио Свобода. Вел там передачу «У микрофона Александра Галича», иногда пел. А затем их вместе с Виктором Некрасовым (с ним они дружили с шестнадцати лет) отправили работать в Париж.

Я больше одиннадцати лет не могла получить от советских «компетентных органов» справку о смерти отца. Вот она, эта справка... Мне ее выдали лишь в 1988 году к 70-летию отца. Тогда стали выходить его книги, издаваться пластинки, о папе снимали фильмы. Именно в тот момент я поверила, что в нашей стране наконец-то что-то изменится, что все идет по спирали от ненависти к любви. Вполне возможно, я поверила в это зря...

Материал подготовил
Алексей БОГОМОЛОВ

20 лет назад начался суд над членами ГКЧП, первый Президент России провел всенародный референдум, был расстрелян Белый дом, в котором заседал Верховный Совет РФ, принята действующая российская Конституция...

1993 год: каким я его видел

Глава Администрации Президента РФ Сергей Филатов накануне референдума

да ЕЛЬЦИНУ
да КОНСТИТУЦИИ
нет ДИКТАТУРЕ
да ДЕМОКРАТИИ

НАШ ПРЕЗИДЕНТ

Большинство российских граждан на референдуме сказали Борису Ельцину: «Да!»

Столкновения с милицией в ходе подготовки референдума

Майская демонстрация в Москве

Замминистра иностранных дел Борис Пастухов и глава МЧС Сергей Шойгу в воюющем Сухуми

Экс-председатель КГБ Владимир Крючков и бывший премьер-министр СССР Валентин Павлов перед началом суда по делу ГКЧП

■ Алексей САЗОНОВ,
в 1993 году – фотокорреспондент газеты «Московские новости»

Что и говорить, мне, конечно, повезло. Я фотографировал в начале 90-х, когда каждая съемка, как выяснилось потом, была исторической. В этом смысле 1993-й отличался от соседних, наверное, лишь тем, что в Москве я провел меньше времени, чем в командировках.

А начался мой фотографический 1993 год со съемки первого дня суда над ГКЧП. Самое начало весны. Пасмурный теплый день и толпы, что примечательно, сторонников бывшего председателя КГБ Владимира Крюčkова и экс-председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова у здания Верховного суда на Поварской. Да, милиция пыталась выстроить какое-то оцепление, но времена были не в пример нынешним, потому особого внимания на милиционеров никто не обращал. Обвиняемые подъезжали на машинах, парковались где-то в районе Никитской и дальше в сопровождении личной охраны, фотокорреспондентов и близких пробирались к суду, забрасываемые цветами и под крики «Свободу Крючкову!», «Свободу Лукьянову!». Они выглядели победителями.

Потом был знаменитый ельцинский референдум «Да – Да – Нет – Да». Много было каких-то форумов и съездов... А вот что мне запомнилось больше всего – это, быть может, первый откровенный прорыв милицейских кордонов во время шествия оппозиции по Тверской. Аккурат у Пушкинской площади. Довольно спокойная толпа вдруг взорвалась и бросилась в самую гущу конной милиции.

Ну а уж потом началось. Первое мая, коммунисты по традиции собрались на Октябрьской площади. Кто-то из организаторов предложил пройти по Москве. Поначалу народ пошел по Якиманке, но уже в районе французского посольства люди наткнулись на хорошо эшелонированную преграду внутренних войск. Повернули обратно, решив идти по Крымскому мосту. То же самое. Напротив парка Горького милицейские щиты так блестяли под майским солнцем, что резало глаза. И толпа пошла по Ленинскому, причем явно без намерения

идти в центр. И вот тут у меня появился первый вопрос к власти, на который я не могу найти ответа почти 20 лет. Зачем и кому надо закрывать площадь Гагарина, где и пролилась первая кровь демократической России? Подожженные покрышки, летящие булжники, разбитые головы, погибший оmonoвец и первые вопросы к милиции, ставшие теперь риторическими: «Ребята, ну зачем же вы так?!»

Дальше мы, уже немного «обстрелянные», поехали на войну. Грузины штурмовали Сухуми. Самолетом в Адлер, такси до Псоу, через границу, и уже как дорогие гости – бесплатно вдоль всего берега, до пригородов Сухуми. Дальше с абхазами через леса, ближе к городу. Отсняв весь запас пленки – обратно в Москву. Успеть в номер.

Из Москвы в Севастополь. Проблемы флота, который в 1991-м забыли поделить, как и город. Пока добрались до бунтующего города, где русские митинги не прекращались ни на минуту, пришла новость, что запланированный подъем Андреевских флагов на наших кораблях отложен из-за каких-то новых договоренностей между Москвой и Киевом. Обидно, но не возвращаться же с пустыми руками. Еле-еле пробилась к командующему с просьбой хоть чем-то помочь. Как обычно, вручили «летуны». Наплевав на все договоренности, они все ж таки решили раскрасить самолеты флотской авиации российскими флагами. Да еще и вертушку дали. Сняли! И в Москву.

В Москве узнал, что в Сухуми летят министр МЧС Сергей Шойгу с заместителем министра иностранных дел Борисом Пастуховым – мирить грузин с абхазами. Такой случай упускать нельзя. Договорились, согласовали – и обратно в Адлер. На следующий день запланирован полет Шойгу в Абхазию. И тут выясняется, что «стережет» нашу делегацию знаменитая «Альфа» и мест в вертолетах очень мало. Чуть ли не на коленях уговорил взять меня, в основном упирая на мой маленький вес. Взяли. Город своим видом просто убил. Собственно, центр городом уже назвать можно было с трудом. Да и обстановка, как

Сергей Филатов,
Анатолий Чубайс,
Егор Гайдар

в тылу врага, так что «альфовцы» оказались как нельзя кстати. Нас из Дома правительства выпустили минут на двадцать, но так, чтобы были в зоне видимости. Слава Богу, вернулись в Сочи. И... напились. А утром в Москву. В номер!

В редакции говорят — звонил Коля Московченко, в то время депутат Мосгордумы. Везет нашим пограничникам в Таджикистан гуманитарную помощь и зовет с собой. Как не полететь? А за два дня до поездки приходят новости о расстреле 12-й заставы Московского погранотряда. Так что опоздали мы на три дня. Но все равно были первыми. А обстановка на границе с Афганистаном в то время была похлеще, чем в Сухуми. Вертолетчики летали с заставы на заставу только по руслу Пянжа, причем так, чтобы переднее колесо было практически в воде. В этом случае прибрежные кусты хотя бы чуть-чуть прикрывали машину. Да еще по пулемету с каждого борта — и огонь по всем кустам, если кто и засел, чтоб голову поднять не могли. Облетели все заставы. Потом фуршет с баней и тостом за то, что остались живы. И в Москву. Успеть в номер.

Немного московских съемок в качестве отпуска. Главным событием был первый съезд движения «Выбор России».

Ну и под конец фотографического года — завершение суда над ГКЧП и октябрьский кризис.

Кстати, почему-то все помнят штурм «Останкино» и танковый выстрел, после которого остановились часы Белого дома. А на меня большее

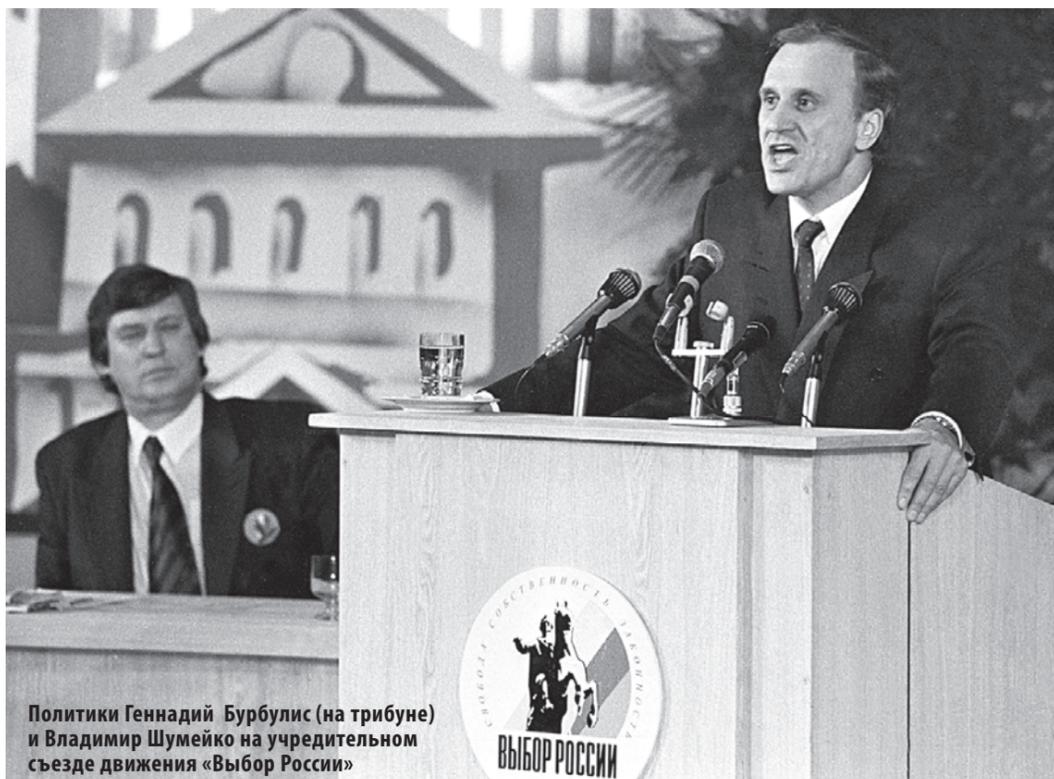
впечатление произвели события на Смоленке. Это напоминало классические фильмы о переворотах в странах третьего мира. Если бы не русская интеллигентная бабушка, бросившаяся на милиейские щиты, защищая Россию, и ее муж, пытавшийся оттащить ее обратно... К «Останкино» после этого я уже не поехал, да и страшно, честно говоря, было — тогда же еще не было техники, способной снимать в полной темноте без вспышки. А «пыхать» ночью под снайперами как-то не хотелось. Как говорится, лучше плохая карточка и живой фотограф, чем наоборот.

Ну а 4 октября было полное смешение всех жанров. И танки, и молодые семьи с детьми на руках, пришедшие на это посмотреть... Смерть в прямом эфире CNN! Еле пробравшись через толпу, снял СОБРовцев, выводящих милиционеров, дежуривших в Белом доме. Тот еще вопросик — так кто же из них нарушил присягу?

Вот и всё. Нет, конечно, в промежутке было еще много съемок. И первая, и самая большая забастовка в Донецке, и драматические события в белорусской Лиде, откуда Россия вывела свое авиационное соединение. Но вывела своеобразно, как-то очень по-русски, перегнав под Тулу самолеты и жен летчиков, а техников оставив в чужом теперь государстве без денег и жилья. И уже совсем под Новый год — возвращение в Таджикистан на границу..

Было, что поснимать.

Фото автора

Политики Геннадий Бурбулис (на трибуне) и Владимир Шумейко на учредительном съезде движения «Выбор России»

Акция протеста в Севастополе

«Черный октябрь»: председатель ВС РФ Руслан Хасбулатов и вице-президент Александр Руцкой в Белом доме

Силовики против силовиков

Гражданское противостояние

События января

1 января 1980 — в Тегеране толпа, подстрекаемая муллами, ворвалась в здание советского посольства в Тегеране, учинив там погром.

2 января 1963 — летчик-испытатель Владимир Коккинаки впервые поднял в воздух прототип самолета Ил-62.

3 января 1940 — финская авиация совершила налет на Ленинград, сбросив на город вместо бомб три миллиона антисоветских листовок.

4 января 1992 — Правительство России приняло постановление о передаче государству имущества КПСС.

5 января 1813 (по ст. ст. 24 декабря 1812) — вступившие в Восточную Пруссию части русского генерала Витгенштейна без боя захватили Кенигсберг.

6 января 1943 — Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной Армии введены погоны.

7 января 1974 — на заседании Политбюро ЦК КПСС принято решение выслать Александра Солженицына из страны. Спустя пять недель писателя арестовали и принудительно выслали из СССР.

8 января 1709 (по ст. ст. 28 декабря 1708) — в России впервые выпущен гражданский календарь — «Календарь, или Месяцеслов христианский по старому стилю или исчислению на лето 1709 года. Напечатан в царствующем граде Москве, лета 1708 года, декабря в 28-й день».

9 января 1878 (по ст. ст. 28 декабря 1877) — завершилось одно из последних сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: возле Шейново (Болгария) русская армия разгромила войска Вессель-паши, взяв в плен свыше 22 тысяч турецких солдат и офицеров.

10 января 1897 — в Бомбее медик российского происхождения Владимир Хавкин при свидетелях впервые в мире сделал себе прививку от чумы, чтобы убедить местных жителей в возможности профилактики эпидемии.

11 января 1923 — Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О дезинформации», утвердив предложение ППУ о создании особого бюро «в целях постановки систематической дезинформационной работы».

12 января 1933 — ЦК ВКП(б) объявил о проведении «генеральной чистки» партии. За год из ВКП(б) было «вычищено» не менее 400 тысяч человек, почти пятая часть партии.

13 (1 по ст. ст.) января 1813 — начался Заграничный поход русской армии: главные силы армии Кутузова тремя колоннами пересекли Неман, двинувшись на Варшаву.

14 января 1918 — «Варфоломеевская ночь» в Евпатории. 14–17 января большевики и «революционные» матросы захватили в городе свыше 800 бывших офицеров, а также горожан из числа «буржуев». Практически все они были зверски убиты. Только на кораблях «Трувор» и «Румыния» матросы казнили свыше 300 офицеров: жертв раздвали до белья, связывали, укладывали на палубу, отрезали у живых уши, нос, губы, половые органы и сбрасывали тела в воду.

15 января 1943 — Сталин приказал на всех товарах, поставляемых из Америки по ленд-лизу, заменять наклейки с надписью Made in USA на советские.

16 января 1918 — на III Всероссийском съезде Советов донской казак Шамов произнес: «Мы грабим грабителей!» Сочная фраза так понравилась Ленину, что позже он оформил ее в лозунг «Грабь награбленное».

27 ТЫСЯЧ
РЕЗИДЕНТОВ
ЕЖОВА

23 января 1935 года Николай Ежов направил Сталину памятную записку, в которой представил вождю «ряд своих соображений о недостатках работы ЧК». (Документ впервые опубликован исследователем «Мемориала» Никитой Петровым)

Предыстория записки такова. После убийства 1 декабря 1934 года руководителя ленинградской парторганизации Сергея Кирова именно Ежову Сталин поручил наблюдать за расследованием этого дела. По сути, назначив своим представителем в НКВД. Именно тогда, по словам наркома внутренних дел Генриха Ягоды, «начинается систематическое и настойчивое вползание в дела НКВД Ежова». «Вмешиваясь во все детали расследования, — писал в своей работе историк Никита Петров, — Ежов придал ему именно то направление, которое хотел Сталин». Ягода, попытавшийся было, чинить препятствия, нарвался на грозный рык вождя: «Смотрите, морду набьем...»

Стукач третьего разряда

Записка от 23 января 1935 года стала своего рода отчетом Ежова Хозину по итогам «внедрения» в «Ленинградскую ЧК». Документ интересен прежде

всего тем, что изнутри, глазами сталинского эмиссара, позволяет увидеть портрет типового чекиста того времени. Еще из этого письма можно подчеркнуть уникальные сведения о том, как в НКВД была поставлена работа с осведомителями.

С них и начнем. По словам Ежова, было три круга агентурных сетей: агентура общего осведомления («осведомители»), агентура специального осведомления («спецосведомители») и «основная агентура» («агенты»). «Сеть осведомителей очень велика, — докладывал Ежов. — Она по каждой области в отдельности насчитывает десятки тысяч человек. Никакого централизованного регулирования размерами осведомительной сети нет». На тот момент по всей стране НКВД имел 270 777 стукачей «общего осведомления». В это число не входили осведомители «по неорганизованному населению, так называемое дворовое осведомление; затем

специальная сеть осведомителей по Армии и транспорту». Поскольку централизованного учета осведомителей этой категории также не велось, оценить их количество оказалось затруднительно. Примерное количество осведомителей Ежов оценил в 500 тысяч человек — это лишь те, кто работал на подразделения Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. Но, помимо ГУГБ, своими сетями располагал и ряд иных подразделений НКВД. До их подсчета у Ежова руки не дошли, да и заботило его больше, что «в этом деле господствует самотек»: почему в Саратовском крае 1200 осведомителей, а в Северном крае — 11 942?

Осведомители, как сообщает Ежов, «никакого заработка от Наркомвнудела не имеют, работают бесплатно», и задачи их предельно просты: «осведомление обо всем, что он заметит ненормального». Проще говоря, стучать всегда, везде, на всех и обо всем.

Планы Ленина —
планы Гапона

Советские учебники истории излагали события, которые позже были названы Кровавым воскресеньем, примерно так. Мирные питерские рабочие с иконами, хоругвями и портретами императора пришли подать царю-батюшке челобитную. Но по его приказу у Дворцовой площади их встретили винтовочными залпами, расчетливо учинив кровавую бойню.

По женеvскому счету

Основу этой концептуальной установки заложили на берегах — нет, не Невы — Женевского озера. Именно в своих статьях из Женевы обитавший там эмигрант В. Ульянов (Ленин) отписал, так сказать, «по горячим следам»: «Правительство... действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану... Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избитыми безоружными, чтобы подавить это восстание в море крови». Эта «кочка зрения» после 1917 года и стала полагаться единственно верной.

Ильич и количество жертв подсчитал. Отметая саму мысль использования официальных сведений — правительство «лживо, и ему никто не верит», всезнающий эмигрант приводит свои данные: «4600 убитых и раненых». Откуда взялась эта цифра, уже и не понять, но из Женевы, надо полагать, всё видней. И после известных событий 1917-го подсчет количества жертв 9 января 1905 года тоже ведут по «женеvскому счету» Ильича. Хотя из источников следует: в тот день убито 96 человек, еще 34 умерли от ран — из 333 раненых. Понятно, что в этот скорбный лист попали не все, но общей картины это не меняет: скрыть тысячи и даже сотни жертв было нереально.

Петиция двойного действия

Началось все, казалось, с сущей мелочи — увольнения в декабре 1904 года четырех рабочих Путиловского завода, бывших членами «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», во главе которого стоял священник Георгий Гапон. «Собрание» возбудилось, дело пошло на принцип, и тут же появились революционные товарищи. И хотя завод встал, вскоре стало очевидно: забастовка проиграна. Для вожаков «Собрания» это было катастрофой вдвойне: и реакция властей не замедлит ждать, и «трудовые массы» не простят провала. И вот тут небывалую активность развернул Гапон, убедив «проявить солидарность» рабочих нескольких заводов. «Я избрал именно эти заводы, — откровенничал Гапон, — потому что знал, что как раз в это время они выполняли весьма серьезные заказы для нужд войны».

В самом разгаре война с Японией, только что пал Порт-Артур, и akurat в этот момент некая инициативная группа организует забастовку, целенаправленно выбирая заводы, где размещены срочные военные заказы для воюющей армии — интересное совпадение!

«Скоро, — вспомнил бывший начальник петербургского охранного отделения Герасимов, — стоял весь Петербург. ...Не выходила ни одна из газет. ...Полуторамиллионное население Петербурга шло навстречу событиям — без газет, без воды, без освещения».

Поистине гениальным оказался ход вожаков забастовки, вбросивших идею подать царю-батюшке петицию с жалобой на фабрикантов-кровососов: стрелки в

момент были переведены на императора, а грошовое дело стало политическим. Сама же петиция — просто песня... ни о чем: «мы терпели... нас толкают... терпим от страшных сквозняков, дождя и снега...» Вместо конкретики одна лирика — в оскорбительной для государя форме.

Но это верхушка айсберга, а были еще требования, о которых, как оказалось, рабочие, восторженно подмахнувшие бумагу, даже понятия не имели — сухой политический ультиматум. Даже известный анархист Всеволод Волин и тот изумился: «При всей лояльности к царю от него требовалось ни более ни менее, как дозволить — и даже совершить — революцию... Решительно, это было приглашение к самоубийству». Зато как пафосны финальные аккорды петиции: «...А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, пред твоим дворцом...»

За день до шествия Гапон направил министру внутренних дел очередной ультиматум: «...Рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть Царя девятого сего января, в воскресенье в 2 часа дня на Дворцовой площади...» С главой государства таким языком не разговаривают нигде, но организаторов манифестации это заботило?

Картечь для императора

Никаких приказов о расстреле Николая II не отдавал — это факт. Непосредственно перед трагическими событиями он прибыл в Петербург из своей резиденции, Царского Села, 6 (19) января — в праздник Крещения Господня. И это едва не стоило ему жизни. Когда император, с семьей и свитой, выйдя из Зимнего дворца, направился

Сталин и Ежов прогуливаются по московской набережной

Сотрудники НКВД непосредственно с этими стукачами не работали: «Из числа наиболее активных осведомителей выделяются так называемые резиденты. Резиденту подчиняют в среднем 10 чел. осведомителей. Резиденты тоже работают бесплатно, совмещая работу в ЧК со своей основной работой <...> Всего, по учетным данным, по Союзу имеется 27 650 чел. резидентов», в число стукачей общего и «дворового» осведомления не входящих.

Следующий агентурный круг заметно качественнее, поскольку «в задачу специального осведомителя входит освещение только специальных вопросов». Одни специализируются на «освещении» внутри духовенства, другие работают в «среде писателей, художников, инженеров и т.п.». Так что осведомитель должен быть «более квалифицированным человеком, ориентирующимся в специальных вопросах». Эта категория также работает бесплатно, но уже без прокладок в виде «резидентов».

Сколько таких «спецосведомителей», Ежов дознаться не смог, поскольку «в деле установления количества спецосведомителей господствует такой же самотек» и централизованного учета опять же нет. Единственное, что сумел установить Ежов, — стукачей этой категории тоже очень много, в одном лишь Ленинграде их было не менее 2000 человек.

И наконец, высший уровень стукачества — «сеть основной агентуры ЧК»: «Это так называемые агенты. Эта сеть агентуры оплачивается. Помимо оплаты за работу они получают и специальные суммы, необходимые по ходу разработок (организация пьянки и т.п.). Сеть этой активной агентуры, работающей по определенным заданиям, значительно меньшая, однако и она по отдельным областям насчитывает иногда сотни людей».

Помимо отсутствия «учета и контроля», сталинского ревизора возмутил еще и порядок вербовки: в общей сети сотрудники НКВД свою агентуру вообще не знают, а как через «резидентов»

давать стукачам «повседневное направление»?

В кругу третьем, самом элитном, тоже «сплошной самотек», вербовка «передоверена второстепенным людям», да еще и липы полно. Порой, например, устанавливают контрольные цифры вербовки, спуская план по вербовке каждому работнику. В одном отделе начальник обязал своих подчиненных вербовать ежедневно не менее 10 агентов. И ничего, справились, а иные умудрились и перевыполнить, «давая в день по 15 и 20 агентов!»

«Нам позарез нужны Спиридовичи!»

Не в восторге оказался Ежов и от следствия: «...много «дутых» дел <...> Таких «дутых» дел в чекистской практике очень много». В оценке профессиональных качеств чекистских кадров сталинский ревизор категоричен: следствие вести не умеют в принципе, «крайне низкая квалификация и общая грамотность чекистов», «кадры чекистских следователей совершенно не знают законов», все допросы сделаны под копирку, «друг у друга списывают вопросы и часто требуют аналогичных ответов от допрашиваемого». Да и вообще, «что собой представляет <...> состав чекистов? В большинстве случаев это мало культурные люди». И первое, «что бросается в глаза среди чекистов, — негодует Ежов, — это пренебрежительное отношение к чтению, к культуре, к знаниям». «Словом, — сокращается он, — у нас нет своих спиридовичей, которые нам позарез нужны». (Ежов имеет в виду А.И. Спиридовича, видного деятеля политического сыска Российской империи. — В.В.)

После чего плавно переходит к главному: угадывая желание Хозяина, намекает, что желательнее хорошенько почистить чекистский аппарат по всей стране. Репетицию такой чистки он уже провел в Ленинграде: по данным Н. Петрова, Ежов проверил там 2747 сотрудников НКВД, после чего 298 чекистов

были сняты с работы, а 21 из них попал в заключение. Попутно Ежов проверил и 3050 сотрудников милиции — 590 уволили, а семерых посадили. «Лично я думаю, — самокритично замечал эмиссар Сталина, — что я вычистил мало <...> Можно будет через некоторое время продолжить чистку и остального состава чекистов». И завершает: «В подавляющем своем большинстве чекисты — это замкнутая среда, и в быту их имеются массовые случаи «буржуазности». Достаточно сказать, что жены чекистов стали буквально нарицательным именем».

Свою роль в дальнейшей карьере Ежова эти «тезисы об НКВД» сыграли. Но явно не решающую: Сталин не нуждался ни в чьих советах по реорганизации карательного аппарата. Да и карьерный путь Ежова на ближайшую перспективу наверняка был вождем уже выверен. Тем не менее Хозяину важно было получить сигнал-подтверждение: он не ошибся в выборе кадра на вырост, и, главное, тот хорошо умеет понимать невысказанное вслух.

Зримым подтверждением последнего и стала случившаяся вскоре череда карьерных скачков Ежова. 1 февраля 1935 года его делают секретарем ЦК, 6 февраля — членом ЦИК СССР. А главный в том году «приз» Ежов получил 28 февраля: его назначили председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), бывшей одним из самых острых карательных инструментов вождя, предназначенным, по сути, исключительно для чистки партии.

10 марта 1935 года Ежова назначили заведующим Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в ведении которого были подбор и расстановка всех номенклатурных кадров. Так он стал еще и главным (после Сталина, разумеется) кадровиком партии. Отныне в его руках были сосредоточены полномочия поистине колоссальные, но до настоящего апогея карьеры Николаю Ежову оставалось еще чуть больше года.

9 января (22 января по новому стилю) 1905 года, видимо, уже навсегда останется в истории как Кровавое воскресенье. Название, конечно, справедливое, но во всем ли соответствует реалиям каноническая трактовка тех событий?

к беседе возле купели на Неве, «одно из орудий моей 1-й конной батареи, — как он сам сухо записал в дневнике, — выстрелило картечью с Васильев[ского] остр. и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городской был ранен. На помосте нашли несколько пуль...». «В беседе было насчитано около 5 пуль, из коих одна упала совсем рядом с Государем, — вспоминал генерал Александр Мосолов. — Кто-то из начальствующих лиц Петербургского округа подошел к Государю и объяснил, что в дуле одного из орудий оказался забытый картечный снаряд. Государь молча прошел дальше...» Император, да и его ближайшее окружение, как люди военные, понимали: боевой снаряд не мог случайно оказаться ни в стволе орудия придворной артиллерийской части, ни в боевой укладке. Не говоря уже о том, что при зарядке орудия спутать боевой снаряд с холостым в принципе невозможно.

В правительственных кругах воцарилась подавленная атмосфера неизбежности скорого нового покушения. Опасались,

что террористы могут воспользоваться волнениями в столице...

Нельзя сказать, что опасения были беспочвенны. Когда уже после событий Гапона в узком кругу «своих» спросили: «Отец Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?» — Гапон совершенно неожиданно, но искренне ответил: «Убили бы в полминут, полсекунд!»

Марксистско-ленинская мифология твердила об исключительно мирном характере демонстрации. Факты же свидетельствуют: в заведенных революционными агитаторами до экстаза колоннах были десятки вооруженных боевиков различных революционных партий и групп.

В канун шествия Гапон встретился с представителями социал-демократов и эсеров, чтобы договориться о координации действий: «В заключение я спросил, есть ли у них оружие, но социал-демократы ответили мне, что у них нет, а социал-революционеры — что у них есть несколько револьверов, из которых, как я понял, они приготовились стрелять в войска (курсив мой. — В.В.), если те будут

стрелять в народ». Последняя оговорка не убеждает: революционеры решительно были настроены на кровь, вне зависимости от того, применяет власти силу или нет.

Да и сам Гапон был хорош: «Если солдаты будут стрелять, мы будем сопротивляться. Эсеры обещали бомбы». Это из одного его тогдашнего заявления. А вот как он представил свое видение предстоящего на совещании с меньшевиками 7 (20) января: «Если нас будут бить, мы ответим тем же, будут жертвы». И уточнил: «Устроим баррикады, разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, зайдем телефон и телеграф, — словом, устроим революцию». Уж не у Гапона ли Ленин позаимствовал свой знаменитый план вооруженного восстания?!

Еще откровеннее Гапон был со своим приятелем И.И. Павловым: «Представьте себе, что наши требования не удовлетворят... Забавно объявляется общая... Полиция до сих пор к нам не вмешивалась: я ее успокаивал, — иронически заметил Гапон, — но потом она, конечно, вмешается и крепко вмешается... Мы ей зададим такого жару, какого она отродясь не видывала: всю петербургскую полицию мы обезоружим в течение десяти минут... Ну, значит, появятся казаки, мы и с теми справимся, оружие раздобываем посредством конфискации у полиции и казаков, но его недостаточно... Страсти разгораются. Крик: «на баррикады!» — и 400—500 тысяч могли бы грозно двинуться... но где же взять оружие?... Против нас солдаты с магазинками... Это, впрочем, не так страшно... Известное психологическое воздействие, и солдаты или часть их могут оказаться на нашей стороне... Но артиллерия!.. Вот где наша главная опасность!.. У нас тоже есть артиллерия — 8 бомб, на всякий случай, я раздобуду... Мне обещали... через неделю будет штук 30...»

Материалы подготовил
Владимир ВОРОНОВ

События января

17 (7 по ст. ст.) января 1598 — скончался бездетный царь Федор Иоаннович, со смертью которого пресеклась династия Рюриковичей.

18 января 1942 — советские войска провели первую в своей истории масштабную боевую воздушно-десантную операцию, выбросив юго-западнее Вязьмы 452 десантников.

19 января 1962 — СССР обвинил Израиль в использовании синагог для шпионажа.

20 января 1937 — секретным приказом наркома внутренних дел Николая Ежова предписано не указывать мест захоронения в актах о расстрелах.

21 (10 по ст. ст.) января 1775 — в Москве казнен бунтовщик и самозванец Емельян Пугачев.

22 (9 по ст. ст.) января 1905 — Кровавое воскресенье в Санкт-Петербурге: с применением оружия было разогнано шествие рабочих, направлявшихся к Зимнему дворцу с петицией императору Николаю II.

23 января 1935 — член Оргбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Николай Ежов направил Сталину записку с предложениями по реорганизации аппарата НКВД и агентурной работы.

24 (12 по ст. ст.) января 1801 — император Павел I направил атаману Войска Донского Василию Орлову предписание идти к Оренбургу, откуда выступить в поход на Британскую Индию.

25 (13 по ст. ст.) января 1878 — в 23 часа паровые минные катера, спущенные с борта российского парохода «Великий князь Константин», произвели первую в мире успешную торпедную атаку, потопив на рейде Батами турецкую канонерскую лодку.

26 января 1924 — постановлением II Всесоюзного съезда Советов СССР Петроград переименован в Ленинград.

27 января 1937 — постановлением ЦИК СССР наркому внутренних дел Николаю Ежову присвоено специальное звание Генерального комиссара государственной безопасности.

28 января 1933 — ОГПУ докладывает Сталину о раскрытии в Московской области «Крестьянской демократической партии», якобы планировавшей «вооруженное свержение Советской власти при помощи иностранной военной интервенции».

29 января 1992 — Президент России Борис Ельцин подписал указ «О свободе торговли».

30 января 1930 — президиум Мособлсовета и Мособлисполкома запретил колокольный звон в храмах Москвы «в ответ на массовые требования со стороны общественных и рабочих организаций».

31 января 1943 — командующий окруженной под Сталинградом 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс сдался в плен советским войскам.

■ Джек РИЧИ

— Интересно, чем бы ты занимался, Рейган, если бы тебе не нужно было работать, — покачал головой Олбрайт. — Наверное, смотрел бы днём на небо и думал о вечности и вопросах мироздания.

— Я внимательно слушаю, шеф.

— По твоему виду этого не скажешь. Когда ты вот так пялишься в окно, мне даже становится завидно. Моим проблемкам ты уделяешь десять процентов своего внимания. Остальные достаются Вселенной.

— Вы говорили о Роберте Крамере.

— Роберт Крамер подписал с нами договор пять лет назад, — кивнул Сэм Олбрайт, протягивая папку. — Тогда он на сердце не жаловался.

— И тем не менее скончался от сердечного приступа, — задумчиво произнес я, листая документы. — Сумма страховки — двести тысяч. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате обширного инфаркта.

— Наш врач считает, что болезнь развилась два-три года назад.

— Кажется, все ясно. Но вы все равно хотите, чтобы я занялся этим делом?

— Двести тысяч долларов — немалые деньги. Компания обязана провести расследование. К тому же есть одна маленькая деталь. Наш врач заметил, что пальцы правой руки Крамера слегка обожжены. Из них извлекли осколки электрической лампочки.

Перевертыш

— Вы уверены, что он умер от сердечного приступа? — уточнил я. — Смерть от удара током исключена?

— Исключена. Причина смерти — сердечный приступ. Его, конечно, мог вызвать удар током, но доказать это невозможно. Может, он выкручивал горячую лампочку из патрона и она взорвалась у него в руках. Но самое интересное то, — хмыкнул Олбрайт, — что об этом нет ни слова в заключении патологоанатомов.

— Когда он умер?

— Три дня назад. В квартире друга, некого Питера Нортон. Крамер заглянул к нему выпить и поболтать. Похоже, он пришел уже навеселе.

— Несмотря на больное сердце, он пил?

— Крамер или не знал о болезни, — пожал плечами шеф, — или ему было наплевать на последствия. Около десяти он внезапно побледнел и сказал, что ему нехорошо. Пока Нортон ходил на кухню за водой, Крамер закричал. Нортон бросился назад. Когда он вернулся в гостиную, гость лежал на полу. Нортон вызвал «скорую». Медики полчаса возились с Крамером, но все было бесполезно. Смерть была мгновенной.

— Нортон тоже ничего не сказал об ожогах на пальцах и кусочках стекла? — уточнил я.

— Ни слова. Спроси у него об этом.

— Кто является бенефициарием Крамера?

— Мисс Хелен Морланд. У Крамера есть жена Тельма. Шесть месяцев назад она была его единственным бенефициарием.

— Она знает, что он переписал завещание?

— Понятия не имею. В любом случае скоро узнает.

— Они с Крамером жили раздельно?

— Кажется, нет.

— Что связывало покойного и бенефициария?

— Не знаю.

— Что еще известно о мистере Крамере? — не унимался я.

— Получил приличное наследство, но все быстро промотал. Ему было трудно даже платить страховые взносы.

— А что с Нортонем?

— Холостяк, водятся деньги. Вот, собственно говоря, и всё...

Начать расследование я решил с Пи-

тера Нортон. Дверь открыл высокий широкоплечий мужчина с настороженными глазками. В квартире пахло свежей краской.

— Не понимаю, что здесь расследовать? — нахмурился он, узнав о причине моего визита. — Что вы хотите узнать?

— Расскажите, что произошло в тот день.

— Крамер пришел около восьми. Сказал, что хочет немного выпить и поболтать. У меня тогда сидел Джим Барроуз, мой адвокат. Мы выпили. Джим ушел, а Крамер остался. Мы еще выпили. Около десяти он внезапно побледнел, схватился за сердце и попросил воды. Я пошел на кухню. Он вскрикнул. Когда я вернулся, Крамер лежал на полу. Я вызвал «скорую», но он уже был мертв.

— Что делал Крамер в момент смерти?

— Делал? — опять нахмурился Нортон. — Ничего. Сидел на кушетке.

— Пальцы его правой руки были слегка обожжены и в них были крошечные осколки стекла. Что скажете?

— Ничего, — пожал плечами Нортон. Он встал и направился к бару.

— Значит, он поранился не здесь?

— Значит, не здесь.

— Выходит, к вам он пришел уже с обожженной рукой? — продолжал допытываться я.

— Выходит, что так... К чему эти вопросы о руке? Какое это имеет отношение? Он умер от сердечного приступа.

— Верно, — согласился я и сделал глубокий вдох. В воздухе слегка пахло краской и скипидаром. — Крамер не жаловался на руку?

— Мне нет. — Нортон налил виски себе, потом вспомнил обо мне. — Выпьюте?

— Нет, спасибо.

— Крамер пришел прилично навеселе. Так что он мог не чувствовать боли.

— Давно знакомы с Крамером?

— Два или три года. Познакомились на вечеринке.

— Вы знаете мисс Хелен Морланд? — Он ничего не ответил. — Она его бенефициарий. — Глаза Нортон сузились, губы раздвинулись в тонкой улыбке. — У Крамера была жена... Значит, вы не знаете Хелен Морланд?

— Не знаю. Ее никто не знает. Если у нее и есть эмоции, то она ими не пользуется. — Нортон одним глотком выпил

половину виски. — Ее вполне устраивает одиночество, ей не нужно ничье общество. Порой так и подмывает спросить ее: «Откуда ты такая взялась?»

— Крамер ее любил?

— Да. Ее все любят...

— Вы сказали, что в тот вечер у вас находился ваш адвокат. Крамер раньше встречался с мистером Барроузом?

— Нет.

— Естественно, вы их познакомили?

— Естественно, — буркнул он.

— И они, естественно, пожали друг другу руки?

— Естественно... — Нортон замолчал на полуслове.

— Если Крамер где-то повредил руку, — улыбнулся я, — думаю, он вряд ли стал бы протягивать ее для рукопожатия. Но даже если бы протянул, мистер Барроуз заметил бы ожог и как-то отреагировал.

— Хорошо, — вздохнул Питер Нортон. — Около десяти часов перегорела одна из лампочек. Крамер начал ее менять и обжегся. Когда он дотронулся до нее, она лопнула.

— Он умер после того, как лопнула лампочка? — уточнил я.

— Я даже не знал, что у него больное сердце. Он упал и умер.

— Какая лампа перегорела?

— Вон та, — равнодушно махнул он рукой на столик у кушетки, на котором стояла лампа.

Я снял абажур и начал изучать лампочку.

— Что вы делаете? — рассердился Нортон. — Конечно, это другая лампочка.

Я провел пальцами по лампочке и показал их ему.

— Толстый слой пыли. Как минимум две недели.

— Это лампочка из другой лампы, — слегка покраснел он. — Она уже была пыльной.

Но тогда на стекле остались бы его отпечатки, а их не было.

Прежде чем уйти, я решил поболтать с привратником.

— Вы знали мистера Крамера? — спросил я. — Он умер здесь три дня назад.

— Видел изредка. Он всегда был прилично под мухой.

— А что скажете о мистере Нортоне?

— Нормальный жилец, но с ним нужно держать ухо востро. Любит разыгрывать. Но я не обижаюсь. Он щедрый, дает хо-

рошие чаевые. Однажды он попросил меня поменять местами краны в соседней квартире. Там живет супружеская пара. Когда они пожаловались, я вернул краны на место. Они до сих пор, наверное, удивляются, как это произошло.

— У мистера Нортон сейчас ремонт? — поинтересовался я.

— Да, но он сам его делает. Кажется, уже закончил. Я несколько дней не видел рабочих.

— А в чем заключается ремонт?

— Не знаю, не интересовался. У меня своих дел хватает.

После Нортон я поехал к Крамерам.

— Что вам угодно, мистер Рейган? — настороженно спросила Тельма Крамер.

— Вы знаете, что больше не являетесь бенефициарием страховки супруга?

— Но это... — Она сильно побледнела.

— Но это невозможно. Я присутствовала при подписании договора.

— Извините, миссис Крамер, но мистер Крамер переписал завещание шесть месяцев назад.

— И кто теперь бенефициарий? — Ее глаза сузились.

— Мисс Хелен Морланд.

— Она ничего не получит. — Тельма Крамер нервно теребила в руках платок. — Я обращусь в суд.

— Это ваше право, миссис Крамер. Вы знаете мисс Морланд?

— Видела!.. — хрипло рассмеялась вдова. — В жизни Боба были и другие женщины, но все они были мимолетными увлечениями. С Хелен всё получилось иначе. Когда я узнала кто... околдовал моего мужа... то отправилась к ней и потребовала оставить его в покое.

Она молча посмотрела на меня своими странными серыми глазами, как на пустое место, и сказала, что Боб ей не нужен. Он был в нее страшно влюблен, а ей было на него наплевать. Ей вообще никто не нужен.

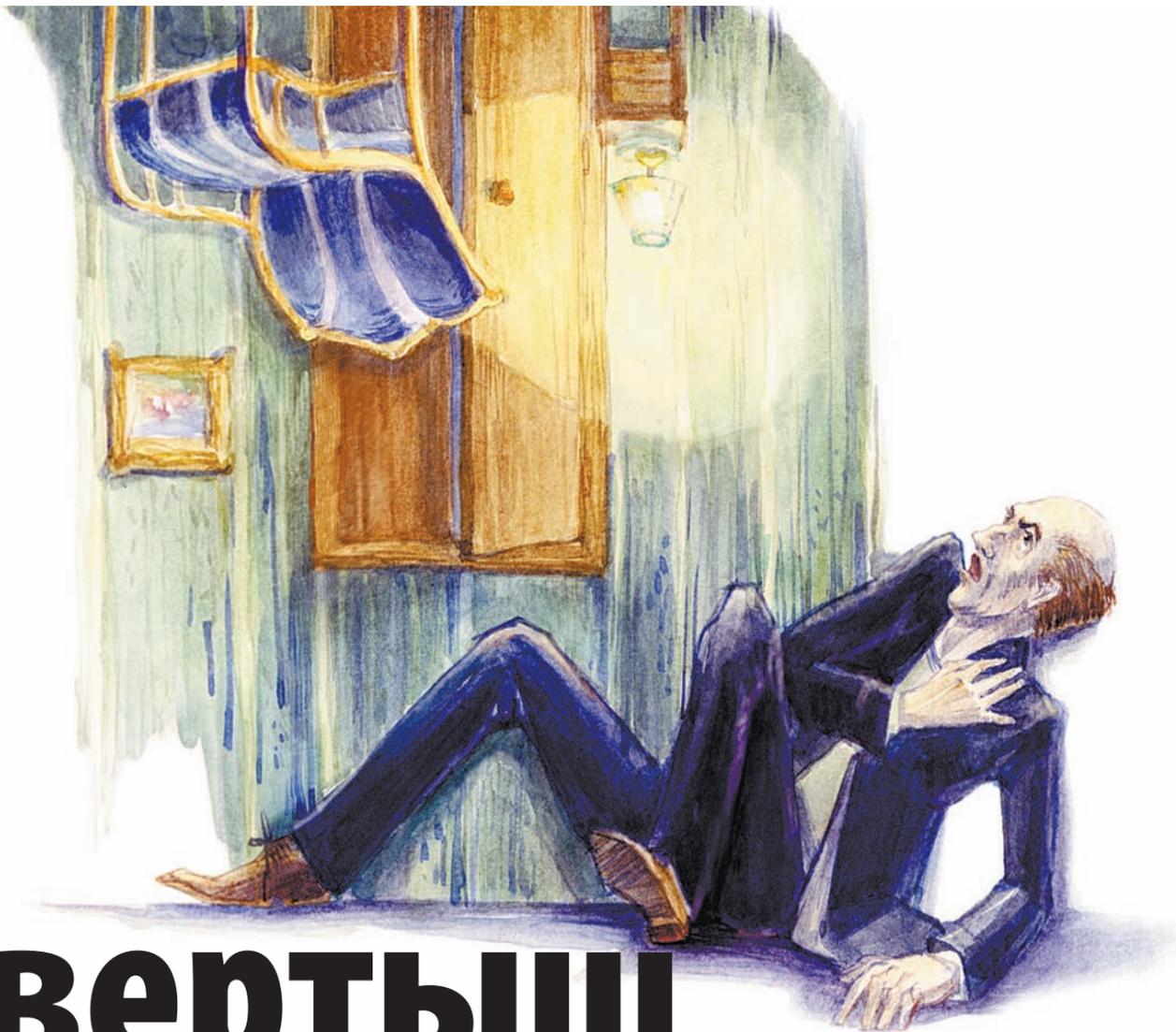
— После того разговора ваш муж продолжал встречаться с мисс Морланд?

— Продолжал. Я ничего не могла сделать. Вряд ли между ними что-то было.

Порой он даже обсуждал ее со мной. Рассказывал, как приходит в ее студию, садится и наблюдает за ней.

— Мисс Морланд художница?

— Думаю, да. Она рисует, но не выставляется и не продает свои картины.

— Вы знали, что у вашего мужа большое сердце?

— Нет. Боб никогда об этом со мной не говорил. Последние полгода... с тех пор, как он начал ездить к ней... он был явно болен. Может, дело было и в сердце, но думаю, не в нем одном. Боб много пил, хотя и знал, что ему нельзя пить. Он не умел пить и всегда отключался.

— А как ваш муж встретился с мисс Морланд?

— Их познакомил Питер Нортон. По моему, из любопытства. Хотел посмотреть, что будет с Бобом.

— Спасибо, что уделите мне время, миссис Крамер, — вежливо поблагодарил я.

Я откланялся и поехал к Хелен Морланд.

— Вы знали, что у Крамера было большое сердце? — спросил я.

— Знала. Он мне рассказал про болезнь.

— А вам известно, что вы являетесь бенефициарием его страховки?

— Да. — Она стояла около мольберта и смотрела на картину. — Он сказал, что любит меня. Денег у него не было, но он хотел хоть что-то мне подарить.

— По-вашему, вы имеете право на эти деньги?

— Он хотел отдать их мне. — Хелен бросила на меня слегка удивленный взгляд. — Вас это злит?

— Миссис Крамер намерена оспорить завещание.

— Конечно, — кивнула Хелен Морланд. — Я этого ждала. Не думаю, что дело дойдет до суда. Мы как-нибудь договоримся. Меня вполне устроят пятьдесят тысяч.

— В момент смерти правая рука Крамера была обожжена и в ней были осколки стекла. Вы что-нибудь знаете об этом?

— Нет...

Утром я рассказал Олбрайту об объяснении Питера Нортона и о том, что на пыльной лампочке нет отпечатков пальцев.

Нужно было осмотреть квартиру Нортона, когда его не будет дома. Я позвонил ему от Олбрайта. Трубку не сняли. Я повторил попытку из аптеки в квартале от его дома — с тем же результатом. На третьем этаже минут десять нажимал кнопку звонка, пока не убедился, что его нет дома.

Дверь открылась с четвертой попытки. Питер Нортон был дома. Он сидел в кресле лицом к двери и смотрел на меня, но не двигался.

Не знаю, от чего он умер, огнестрельных и ножевых ран я не нашел. Краской пахло в спальне. Комната ничем не отличалась от гостиничного номера: двуспальная кровать, столы с лампами и два шкафа. В ящиках так же, как в гардеробе, было пусто.

Всё в комнате было новым. Все деревянные поверхности были совсем недавно, пару дней назад, выкрашены заново.

Меня что-то насторожило. Я не сразу понял, что дело в выключателе, который находился на уровне лица.

Выключатель исправно работал, но что-то еще было не так. Ну конечно, в этом выключателе все было наоборот: в нижнем положении клавиши свет горел, а в верхнем — был выключен.

Я вернулся в гостиную. Мое внимание привлекла корзина для мусора. Я достал из нее коричневую оберточную бумагу с веревкой и куски картона, которые когда-то были картиной.

Когда я их сложил, передо мной лежала картина размером 30 на 40 сантиметров. Внизу маленькими буквами было написано — «Сдача Корнуоллса». Колонна солдат в красных мундирах шла сдаваться в плен. Впереди шагал генерал с белым платком на штыве ружья.

Я разглядел оберточную бумагу. Картина была из галереи «Барклай». Марок не было, значит, ее принес посыльный. Скорее всего, после нашей встречи. Иначе бы я обязательно обратил внимание на оберточную бумагу в корзине раньше.

Получается, Питер Нортон получил пакет с картиной, открыл его и... почему-то порвал картину.

Я еще раз внимательно посмотрел на

картину. Йорктаун, октябрь 1781 года. Британская армия сдавалась в плен под звуки военного оркестра, который играл...

Не может быть! Я достал его бумажник и вытряхнул содержимое на стол. Ничего интересного, за исключением маленькой визитки.

«Артур Франклин, 2714, Виргиния стрит. Любой ремонт».

Пальто Нортона лежало на кушетке. В кармане я обнаружил платок с коричневым пятном, похожим на кровь. Перед тем как уйти, я вытер всё, до чего мог дотронуться. Дверь оставил приоткрытой, чтобы его поскорее нашли.

От Нортона я отправился в лабораторию.

— Это краска, — сказал один из наших экспертов. — Дешевая коричневая краска. Область применения очень широкая...

Артур Франклин с удовольствием гонял окурки сигары из одного угла рта в другой.

— Чем могу служить?

Я показал удостоверение и сказал:

— Насколько мне известно, вы недавно выполняли заказ мистера Нортона. В чем заключался ремонт?

— Ну ладно, — не сразу решился он.

— Такого странного заказа я еще не получал. Он попросил никому ничего не рассказывать и хорошо заплатил за молчание. Мы должны были всё заменить в одной комнате. Ковер вместе с другой мебелью прибить к потолку, а люстру прикрепить к полу и так далее.

Он попросил сделать комнату-перевертыш. Мы даже перевернули двери и закрыли окна, чтобы они казались глухой стеной. Нортон мне не сказал, зачем ему это понадобилось, но я и без него догадался. Я уже слышал о таких шутках. Человека напаивают до потери сознания, несут в такую комнату и ждут в соседнем помещении, когда он очнется. — Артур Франклин рассмеялся. — Парень приходит в себя; еще не протрезвев, смотрит по сторонам и думает, что он на потолке. Начинает паниковать, пытается сползти по стенам туда, где, по его мнению, пол. Эффект потрясающий.

Да, думал я, Крамер очнулся в такой комнате-перевертыше. Увидев над головой мебель и ковер, он наверняка подумал, что лежит на потолке, и испугался. Еще мгновение, и он упадет вниз и разобьется. Крамер инстинктивно схватился за ближайший предмет — люстру. Сердечный приступ, наверное, случился в то самое мгновение, когда его пальцы раздавили лампочку.

— Два дня назад Нортон позвонил и попросил привести всё в прежний вид, — продолжил Франклин. — Мы должны были как можно быстрее вернуть всё на старые места. И мы всё сделали.

Всё, но забыли в спешке о выключателе. Крамер умер в перевернутой комнате. Поняв, что он мертв, Нортон наверняка перепугался. Конечно, он предпочел бы вынести труп из квартиры, но это было невозможно. Поэтому он отволоч Крамера в гостиную и сказал, что смерть наступила там. Никому и в голову не пришло обыскивать квартиру. Комнату-перевертыш никто не видел.

Комната-перевертыш. Похоже, Нортон любил, чтобы все было безупречным. Он даже заказал картину, чтобы повесить ее на стену вверх ногами, но заказ по какой-то причине принесли позже, вчера или сегодня утром, когда картина уже была не нужна. Поэтому Нортон порвал ее и выбросил в корзину. Британские войска сдавались под звуки... «Перевернутого мира».

— Интересно, удалась ли шутка? — задумчиво произнес Франклин.

Конечно, Франклин не знал о Крамере. От сердечных приступов умирают сотни людей. После смерти Крамера газеты просто написали, что он скончался в «квартире друга».

Выйдя от Франклина, я вернулся к Нортону, но остановившись около дома не стал. У подъезда уже стояла патрульная машина и карета «скорой помощи».

Вечером Сэм Олбрайт позвонил мне домой.

— Нортон умер от яда, — сообщил он без вступления.

— Самоубийство?

— Не похоже. Записки не оставил. Лейтенант Хенрикс обыскал квартиру, но не нашел яда.

— Нортон мог проглотить весь яд, — предположил я.

— Могу, но где-то он должен был его держать. Полиция же ничего не нашла. Пальто лежало на кушетке. Похоже, Нортона отравили в другом месте и яд начал действовать, когда он вернулся домой. Смерть наступила вчера часов в одиннадцать вечера.

Я положил трубку, закурил и налил виски. В раздумьях просидел пару часов. В половине одиннадцатого потушил сигарету и поехал к Хелен Морланд.

В подъезде пахло свежей краской. Свет был тусклый, но мне показалось, что перила были выкрашены в коричневый цвет. Я узнал от привратника, что покраску начали вчера с верхнего этажа, а закончили сегодня днем.

— Я вас ждала, — улыбнулась Хелен Морланд, когда я позвонил в дверь ее квартиры. В комнате громко играла музыка.

— Питер Нортон мертв, — сообщил я. — Его отравили. Он часто приходил сюда?

— Не так чтобы часто, — пожалала она плечами. — Не так чтобы редко. Он приходил наблюдать за тем, как я работаю, и поговорить. Иногда я слушала его, иногда не обращала внимания.

— А когда он рассказывал о комнате-перевертыше, слушали?

— Да.

— Нортон был здесь вчера вечером?

— Хотите чего-нибудь выпить? — уклонилась она от ответа.

— Он приходил вчера вечером, — уверенно сказал я. — В подъезде темно, и он нечаянно дотронулся до свежей краски. Вытер руку платком, но его отпечатки до сих пор на перилах лестницы. Они докажут, что он был здесь вчера. Детективы об этом не знают. Пока об этом знаю только я. Но я должен рассказать им, потому что это убийство... Хелен, это вы убили Нортона?

— Я, — удивила меня откровенностью мисс Морланд. — Я могла бы, конечно, и не признаваться, но зачем отпираться?

— Вы имеете отношение к смерти Крамера?

— Нортон сказал, что переделывает комнату. Я знала, что у Крамера большое сердце и что он переписал страховку на мое имя. Я предложила Нортону, чтобы Крамер стал его первой жертвой. Нортон, конечно, не знал, почему.

— А если бы Крамер не умер?

— Тогда я бы придумала что-нибудь еще.

— А почему вы убили Нортона?

— Он собирался сообщить обо мне полиции, если я откажусь... принадлежать ему. Он умер приятной смертью. Через полчаса после приема яда наступил сон, еще через пятнадцать минут — смерть.

— Но что бы он рассказал в полиции? — удивился я. — Никто ничего не сможет доказать. К тому же у него у самого возникли бы неприятности.

— Нортон вообще бы не стал упоминать Крамера. Он хотел написать анонимное письмо и упомянуть в нем об остальных. Обо всех он, конечно, не знал. Он знал только об одном, о том, кто был до Крамера. Об остальных же только догадывался.

— Сколько было... остальных?

— Пятеро. — Хелен слегка нахмурилась. — Нет, шестеро. Впрочем, это неважно. Они все мертвы. После такого письма полиция обязательно бы меня разоблачила. Я не всегда была Хелен Морланд. — Она пристально смотрела на меня. — Я не могу отправиться в тюрьму.

— Я должен рассказать полиции, — вздохнул я. — И вы это знаете.

— Когда вы пойдете в полицию? — спросила Хелен.

— Не знаю.

— Утром. Хорошо? Не бойтесь, я не убегаю. Мне куда бежать.

Я пожал плечами и уехал домой. Я пил виски и ждал утра. На рассвете позвонил Хелен. Как я и думал, она не отвела.

Она не убежала, она просто ушла. Навсегда...

Перевод **Сергея МАНУКОВА**

Президент группы компаний «Совершенно секретно»:
Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Главный редактор: Людмила ТЕЛЕНЬ

РЕДАКЦИЯ:

Алексей БОГОМОЛОВ, Леонид ВЕЛЕХОВ, Елена ВЛАСЕНКО,
Владимир ВОРОНОВ, Григорий НЕХОРОШЕВ,
Марина ПЕТРУШКО, Дмитрий СТАРОВОЙТОВ,
Алексей ЧЕЛНОКОВ, Михаил ШЕВЕЛЕВ

Главный художник: Александр КЛИЩЕНКО

Дизайнер: Екатерина СОРОКИНА

Билд-редактор: Галина НЕСТЕРОВА

Бюро проверки: Рада ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Помощник главного редактора: Лейли ВАИСОВА

Корректор: Татьяна РЯШЕНЦЕВА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Александр БЕНЕСОН
Карл Арне БЛОМ (Швеция)
Михаил ВЕЛЛЕР
Даниил ГРАНИН
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
Эндрю ДЖЕННИНГС (Великобритания)
Михаил КАТЫШЕВ
Василий ЛИВАНОВ
Виктор ЛУПАН (Франция)
Михаил ЛЮБИМОВ
Филипп НАЙТЛИ (Великобритания)
Лариса РЕШЕТНИКОВА
Леонид РОШАЛЬ
Мартин Круз СМИТ (США)
Александр СТРУЕВ
Пако Игнасио ТАЙБО II (Мексика)
Эдуард ТОПОЛЬ

Учредитель: ООО «Совершенно секретно-пресс»

Генеральный директор: Сергей ПЛОТНИКОВ

Руководитель юридической службы:

Марина КОРШИКОВА

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ: Директор Людмила БИРЮКОВА

+7 495 544 3035; e-mail: lba@topsecret.cnt.ru

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ: Директор Ирина САВУШКИНА

+7 495 544 3045/16; e-mail: savushkina@sovsekret.ru

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: +7 495 544 3018

Почтовый адрес учредителя, издателя и редакции:

121099, Москва, Смоленская пл., 13/21, п/о № 99, а/я 56

E-mail: topsec@topsecret.cnt.ru / topsec@dol.ru

Телефон: +7 495 544 3037 Факс: +7 495 544 3037

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ

Регистрационное удостоверение ПИ № ФС77-34469

от 28 ноября 2008 г.

Интернет-версия газеты: www.sovsekretno.ru

Фонд Артема Боровика: www.fondartem.ru

Номер подписан в печать 20. 12. 2012 г.

Общий тираж газеты: 654 080 экз.

Читательская аудитория: 2 млн 300 тыс.

Цена свободная. Газета печатается в городах:

Алма-Ата, Киев, Рига, Тарту, Тбилиси, Хабаровск

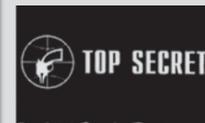
Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации. Перепечатка материалов, их использование в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ, возможна только с разрешения редакции.

Ссылка на «Совершенно секретно» обязательна.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламы.

Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.

© «Совершенно секретно-пресс», 2012

ДИСТРИБЬЮТОРОМ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ:

ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс»

Директор: ГЛУХОВ Станислав Алексеевич

680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;

тел: +7 4212 30 9980

ДИСТРИБЬЮТОРАМИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
В БЛИЖИМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЯВЛЯЮТСЯ:

ЗАО «Совершенно секретно-Украина»

Директор: ВЛАДИМИРОВ Алексей Сергеевич

Киев, тел: +380 44 205 4314

ТОО «Мир пресс» Казахстан, Узбекистан, Киргизия

Директор: САПРИНСКАЯ Оксана Александровна

050004, г. Алма-Ата, Ауэзовский район,

ул. Утеген Батыра, 76а;

тел: +7 727 279 9922, +7 727 279 2527

SIA «Press Distribution Center»

Член правления: САФОНОВА Е.Н.

Рига, Латвия, Коюсалас 21А-39.

Отдел реализации: +3712 706 8121 Fax

ООО «Планета» — Грузия, Армения, Азербайджан

Ген. директор: ЧАНЧАЛАШВИЛИ Мераб Шалвович

Тбилиси, тел: +9953 93 3873

Служить России, развивая новые технологии

Государственная корпорация "Ростехнологии" учреждена 23 ноября 2007 года в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации.

ГК "Ростехнологии" - содействие разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции путем обеспечения поддержки на внутреннем и внешнем рынках российских организаций - разработчиков и производителей высокотехнологичной промышленной продукции, привлечения инвестиций в организации различных отраслей промышленности, включая оборонно-промышленный комплекс.

Гоголевский бульвар 21, Москва, 119991, Россия
Тел.: (495) 287-25-25 Факс: (495) 695-45-94
www.rostechnologii.ru